

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

КОРОЛЬ
И
ЕГО
КОРОЛЕВА

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

КОРОЛЬ
И ЕГО
КОРОЛЕВА

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше – только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, как понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

...Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный,
ни на что не похожий, глубоко продуманный мир.
Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный
стиль, искромётный бушковский юмор.

Русская фантастика

Добросовестное отношение к военным и державным
реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность
мотивов и обоснованность поступков персонажей...

Книжное обозрение

Есть писатели, которые несут золотые яйца,
а есть — которые пишут хорошие книги.
Александр Бушков старается это совмещать.

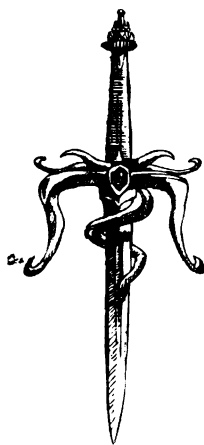
Русский журнал

Таларский цикл — самый любимый поклонниками
Бушкова. Это изумительный язык: легкий,
занимательный, понятный, с приятным юмором.

Ozon.Ru

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

**КОРОЛЬ
И ЕГО КОРОЛЕВА**

Москва
ОЛМА Медиа Групп
2014

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова
«Король и его королева» принадлежит
ОАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения
издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Обложка Сергей Иващук

Книга печатается в авторской редакции

Бушков А.
Б 90 Король и его королева: Роман. — М.: ОЛМА Медиа
Групп, 2014. — 304 с. (Сварог – фантастический боевик).
ISBN 978-5-373-06199-5

Оттремели церемониальные марши, затих брачный пир. Над первой ночью влюбленных венценосцев забрезжил кроваво-красный рассвет. Не только светило всходит над окрестностями Велордерана, но и токереты, конечно, узнав о торжестве, шлют свой смертельный подарок.

Грядет великая битва, в которой столкнутся точный коварный расчет и искусство Древнего Ветра. Но значит ли хоть что-то великое волшебство против суровой науки?.. Или все решит искусство хитрой политической дипломатии, которым в совершенстве овладел Сварог, король королей?.. Тот самый майор ВДВ Станислав Сергеевич Сварог — рыцарь из ниоткуда.

Хотя излишняя дипломатия порой только вредит. Например, когда чьи-то грязные руки рвут кружевное белье на твоей любимой женщине.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-373-06199-5

© Бушков А. А., 2013
© ОАО «ОЛМА Медиа Групп»
(издание), 2014

ЭСКАДРИЛЬЯ АМУРОВ

Проснулся Сварог как-то и н т е р е с н о — никто его не будил, он словно бы з н а л, что надо проснуться. Оторвал голову от смятой подушки, осмотрелся.

Яны рядом не оказалось. Постель на ее стороне и подушка были уже достаточно прохладными, так что никак не походило, будто она всего-навсего решила посетить известную комнатку, скрытую за узорчатой дверью в углу. Давно бы вернулась.

Сев на постели, Сварог огляделся. Спальню для брачной ночи он выбирал сам — не особенно большую, без дурной грандиозности, когда из угла в угол может маршировать гвардейская рота, а люстра размерами не уступает иному павильону в дворцовом парке. Небольшая, можно сказать, комната, так что с постели он видел ее всю.

За окнами светало, хотя ночная серость еще не окончательно рассеялась. Рядом с правым окном висело в воздухе пышное свадебное платье Яны — но и ее тончайший золотистый халатик на месте, лежит, перекинутый через спинку кресла у постели. А вот ночных туфель что-то не видно. И на изящной вешалке у входа алеет одна-единственная мантия, его собственная, а корона только одна — опять-таки его. Значит, ушла только в мантии, ночных туфлях

и короне — интересно куда? Куда в таком наряде можно отправиться на рассвете?

Ни малейшей тревоги он не испытывал. Здесь, в замке, с ней ровным счетом ничего не могло случиться, а возникни у нее экстравагантное желание прогуляться на рассвете по парку, тут же заняла бы места охрана. Да и защита замка работает. Просто интересно: куда она могла податься? Вроде бы уже избавилась от прежних взбалмошностей вроде той, с компьютером Вентордерана — который, кстати, давненько уж запрограммирован так, что включить его может один Сварог...

Поскольку время хотя и раннее, но такое, что вновь засыпать вроде бы уже и не обязательно, Сварог слез с постели, встал рядом с ней голышом, чуть расставив ноги — и уже через пару секунд оказался одет и обут, без особых излишеств. Посмотрел на часы — посаженный отец, коему по традиции положено поздравлять новобрачных, заявится часов через несколько (когда это новобрачных будили ни свет, ни заря?!), этикет (да и здравый смысл) это предписывает делать не ранее полудня. Придет посаженный отец, потом придется выйти в большой зал к гостям, вручить каждому особую золотую медаль в честь королевского бракосочетания (у Диамер-Сонирила их столько, что и носить давно перестал, освобождая место для орденов). В других королевствах положено еще, чтобы придворный поэт продекламировал длинную оду, но в Хелльстаде Сварог этот обычай вводить не стал, да и в других королевствах придворных поэтов держал, как предписывали традиции, однако все они были втихомолку предупреждены, чтобы вылезали на люди со своими творениями лишь в случае особо торжественных событий. Да, нужно будет еще вручить знаки фрейлин Хелльстада — Маргилене, как обещано, и двум дочкам Интагара, чтобы прибавить им уважения в Латеранском дворце, чтобы меньше косились на «выскачек»...

Не раздумывая, он вышел в коридор. Как и следовало ожидать, у двери обнаружился свернувшийся клубочком

Мяус, при виде короля bravо вскочивший. И, не дожидаясь вопросов, доложил:

— Ее величество в Вентордеране. Она сказала, что хочет побыть немного в одиночестве.

Ну что ж, с ней и раньше такое случалось, Сварог ее не раз обнаруживал в одном из залов или коридоров Вентордерана словно бы погруженной в размышления — это она так отдыхала, расслаблялась и отрешалась от всего сущего. Разгадка оказалась самой что ни на есть банальной, даже неинтересно...

Прогуляться, что ли, самому, пока весь замок спит? Сварог неторопливо направился к лестнице, бросив Мяусу:

— Докладывайте.

Тот засеменил рядом, прилежно излагая все о событиях, имевших место после ухода новобрачных в опочивальню. Люди пожилые и просто солидные посидели еще немного и разошлись вместе со своими половинами. Причем король Тейл, kleптоман неутомонный, напоследок спер еще и золотую вилку. Принц Элвар, разумеется, остался, трижды заказывал танцмейстеру каталаунскую райду, а утомившись, долго приставал к молодым парам, не связанным узами брака, уговаривая их срочно себя этими узами связать и уверяя, что посаженного отца лучше него не отыщется на сто лиг в округе (что, строго говоря, было не похвальбой, а чистейшей правдой — ну откуда в Хилльстаде возьмется еще один посаженный отец?). Молодежь ухитрилась быстренько его напоить, прося выпить с каждым Большой Королевский Кубок в честь новобрачных. Это оказалось чересчур даже для принца, где-то на середине он сломался и был торжественно унесен баиньки. После чего молодежь веселилась еще долго, пока не стала помаленьку расходиться парами. Впрочем, Интагар увел дочек, еще когда стали расходиться пожилые (как и следовало ожидать). А герцог Брейсингем ушел еще раньше. Что-то у него там на любовном фронте крепенько не клеится, вспомнил Сварог, нужно будет узнать точно, вдруг да получится чем помочь...

Потом Мьяус принялся докладывать, кто и с кем провел эту ночь. О большинстве присутствующих Сварог и так знал, кто непременно окажется в одной спальне — но кое-какие подробности его чуточку удивили. Следовало ожидать, что Томи проведет ночь с Леверлином, к тому весь вечер и шло, слепой бы заметил. Пожалуй, не было ничего о с о б о удивительного и в том, что в спальне Лавинии Лоранской оказался граф Гаржак. Но вот узнать, что в одной опочивальне провели ночь Старая Матушка и князь Гарайла... Поженю, — вновь подумал Сварог. — Чем не пара? Логическое завершение их давнего юношеского романа — скорее уж, даже не романа, а флирта, как нашептали ему помнившие те времена старые сплетники из снольдерского министерства двора. Любопытно даже: кто кого возьмет под каблук? Совершенно непредсказуемо...

Но в самом конце Мьяус ухитрился-таки удивить его по-настоящему. Министр полиции своим обычным бесстрастным тоном сообщил:

— Персона, именуемая маркиз Оклер, поручила мне передать его супруге, что он срочно вызван в секретный рейд и вернется только утром. Не имея противоречащих тому указаний вашего величества, поручение было мною выполнено. Однако, когда я предложил маркизу летающую лодку, чтобы добраться до Ворот, он отказался, велел мне сохранять строжайшую тайну и удалился в опочивальню, куда незадолго до того ушла Аурика, герцогиня Марч, откуда более не показывался.

Вот это уже был сюрприз! Тихоня и скромница Аурика, чье имя ни с кем ни разу не связывали... Да и маркиз что-то не пользовался репутацией бабника и вертопраха, насколько Сварог знал.

Как ни дружески он относился к маркизу, недовольно нахмурился. Будь это где-то на стороне... Однако обстоятельства бросали легонькую тень на него, как на владельца дома. Никакого особенного урона для репутации, но все же на такие вещи в обществе смотрят косо, если некто развлекается с любовницей под одной крышей с законной супругой, доля моральной ответственности ложится

и на хозяина дома. Другое дело, не будь здесь маркизы... Нехорошо получилось

А зверь бежит, и прямо на ловца... Когда до широкого коридора первого этажа Сварогу с Мяусом оставался лишь один лестничный пролет, Сварог вдруг резко остановился, отступил к перилам и дал Мяусу знак оставаться на месте. Вторая дверь направо оказалась полуоткрытой, и в ней самозабвенно целовалась парочка, о которой только что шла речь. Ничего и никого вокруг они, естественно, не замечали, и расставание завершилось, как тысячи других: Аурика наконец прикрыла дверь, а маркиз, пажон гвардейский, тяжело вздохнул, оставшись в одиночестве (какое проявление эмоций как-то не свойственно гвардейскому волоките), постоял чуточку и, понурившись, повернулся к лестнице.

И узрел Сварога со спутником. Лицо маркиза приняло неопишное выражение, на нем столь молниеносно сменяли друг друга столько разнообразных чувств, что ни за одно из них не удавалось зацепиться.

Сварог, приложив палец к губам и ступая как можно тише, спустился к оторопевшему маркизу, взял его за локоть и легонько повлек за собой к главному выходу. Когда, по его расчетам, они достаточно удалились от спальни Аурики, Сварог остановился и тихо спросил:

— Вам не кажется, маркиз, что придется дать некоторые объяснения?

На маркиза было жалко смотреть. Все его гвардейское пажонство улетучилось в один миг. Даже усы, казалось, повисли.

— Я виноват, лорд Сварог, — сказал он уныло. — Вы вправе отказать мне от дома, более того, немедленно попросить его покинуть, и это будет по правилам чести... Но я был бы бесконечно благодарен, если бы вы выслушали мои объяснения...

— Извольте, — сказал Сварог по-прежнему сухо.

— Это любовь, настоящая и большая, — сказал маркиз со словно бы одухотворенным лицом. — Я думаю, теперь вы имеете право знать... Я в свое время женился не по

любви. Знаете, так со многими случается. Вы, может быть, слышали о таких историях... почти все мои ровесники и ровесницы уже в браке, родители начинают мягко, но настойчиво намекать, да и начальство едва ли не открыто дает понять, что холостой офицер в мои годы — нонсенс, могут пойти нехорошие слухи, повлияет на чинопроизводство... Цивильные могут себе это позволить, впрочем, и на них многие смотрят неодобрительно, прощая затянувшееся холостячество вовсе уж закоренелым эксцентрикам, ну и, разумеется, его высочеству принцу Элвару, который выше законов и этикета... Но я-то не принц и не штатский! Военные традиции требуют, чтобы офицер женился как можно раньше, а уж находясь в моем тогдашнем чине и на моей тогдашней должности... — маркиз тяжело вздохнул. — Самое печальное, что я ни в кого не был влюблен. Романы случались, как у всякого, но вот что касается настоящей большой любви... Ну нет ее ни к кому, хоть убейте! И тут на балу в Аркетане я встречаю Эльвину. Красивая, неглупая, остроумная, невеста на выданье, с ней интересно, да и танцует прекрасно. Она очень скоро начинает меня о т л и ч а т ь — и, как водится, со всех сторон начинают нашептывать советчики... Короче говоря, я ее нисколько не любил, но обстоятельства... Мы поженились, я не первый и не последний, с кем такое случается. Года два прожили, она думала поначалу, я по любви ее и выбрал... И последующие годы... Даже не знаю, как их назвать. Ровное и вежливое отчуждение, пожалуй. Случалось, мы неделями жили в своем замке, ухитряясь не встречаться друг с другом. Такая уж она. Или все, или ничего. — Его лицо озарилось прямо-таки поэтической мечтательностью. — И вот, три года назад я встречаю Аурику... на ее первом балу... между нами в первом же танце словно искра проскочила, никак не могу избавиться от впечатления, что мы оба уже тогда знали все наперед, да и она говорит то же самое... Вот э т о и была любовь... Настоящая. С письмами, страданиями, тягостными объяснениями, ревностью... Три года — но все осталось по-прежнему. Не смотрите на меня так. Я не со-

вратитель малолетних. Это произошло впервые два месяца назад. И все разгорелось еще сильнее. Ходатайства о разводе я подать не могу, вы же понимаете...

Сварог понимал. Бездетным ходатайства о разводе подавать запрещено — прямо запрещено законом. А по старинной традиции, имеющей чуть ли не силу закона, ребенка следует заводить лет в двести пятьдесят, никак не раньше. Почему сложились такие порядки, Сварог не знал — его самого они пока как-то не касались. Маркизу — сто восемьдесят... Положеньице...

Маркиз выпрямился, четко прищелкнул каблуками, как на строевом смотре:

— Прикажете покинуть ваш дом и никогда у вас более не бывать?

— Я не намерен от вас этого требовать, маркиз, — сказал Сварог медленно. И усмехнулся. — Мне в голову пришла великолепная идея, разрешите уж, я пока о ней промолчу... Всего наилучшего!

Маркиз порывисто подал ему руку, Сварог ее пожал, кивнул и направился прочь по коридору. Идею, конечно, еще следовало тщательнейшим образом обдумать, да и обсудить кое с кем, но все равно она выглядела не самой глупой... Положительно, есть приятные стороны в юридическом крючкотворстве... •

— Оставайтесь здесь, Мяус, — распорядился он, когда они оказались у высокой главной двери. — Да, если у вас нет никаких дел, идите к компьютерщикам, пусть быстренько скачают мне Брачный Кодекс Империи. К моему возвращению он должен быть у меня в кабинете.

Неторопливо спустился по широкой лестнице с вычурными перилами, украшенными вазами с яркими цветами, посмотрел вправо. Уардах в трехстах на обширной поляне стоял Вентордеран с опущенной лестницей. С охраной, с первого взгляда видно, все в порядке: гармы сидят перед входом, над замком бесшумно кружат Золотые Филины, и где-то в вышине маячит Золотой Дракон. Однажды запущенная машина работала без перебоев.

Сварог не спеша шагал по высоким коридорам, широким лестницам, пересекал залы, шел мимо колоннад — зеленые с черным, густо-алые с синим, фиолетовые с пурпурными прожилками, золотистые с черными нитями, полупрозрачно-лимонные с таинственным переплетением темных прожилок внутри. Вышел, наконец, к высокой стрельчатой арке, за которой простирался огромный тронный зал в розовато-лиловых тонах с алыми и черными прожилками. Многочисленные ниши с набитыми сокровищами черными сундуками, сводчатый потолок усыпан алыми камнями, словно бы повторявшими созвездия ночного неба неизвестной планеты. У дальней стены — трон, как будто вырезанный из цельной глыбы янтаря.

Там он и увидел Яну. Сидевшую в позе, отнюдь не исполненной королевского величия: далеко вытянула ноги, чуть сползла с сиденья, откинувшись на спинку. Золотые волосы рассыпались по плечам, по алой мантии, руки свесились с подлокотников, глаза закрыты, на лице — блаженная, умиротворенная улыбка. Она сейчас походила на человека, отыскавшего уютное местечко для отдыха после долгих странствий.

Сварог бы постоял так долго, любуясь ею, но...

Рука невольно метнулась к поясу, ища эфес меча, которого при нем не было, никакого оружия при нем не было. Но это!

Те самые пантеры из черной бронзы, лежавшие меж троном и стеной с тех пор, как он помнил замок, сейчас о ж и л и!

Они уже не лежали на прежнем месте в прежней позе, а сидели у подлокотников трона, терлись головами о безвольно повисшие руки Яны с грацией и лаской домашних кошек, прикрыв глаза (из какого-то пронзительно-желтого камня с вертикальным темно-синим зрачком), выгибаясь. Казалось даже, что они мурлычут, хотя оттуда не доносилось ни звука.

Потом раздался короткий недобрый рык — и обе устались на Сварога, припав к полу, оскалившись. Черные изнутри пасти, черные клыки...

Он остался на месте. Это был е г о замок, способный защитить хозяина и не от таких напастей. Даже если бросятся, все равно не успеют...

Мгновенно вскинувшись и с первого взгляда оценив ситуацию, Яна обеими ладонками ударила пантер по головам, меж круглыми настороженными ушами, что-то крикнула — короткую фразу, из которой Сварог не понял ни слова. Зато пантеры, обе, моментально поднялись из атакующей позиции, встали смирнехонько, пятясь, отошли на свои прежние места, легли на пол и замерли в той позе, какую Сварог всегда помнил: одна — словно зеркальное отражение другой.

Он неторопливо пошел к трону, инстинктом понимая, что опасности больше нет. Яна торопливо встала ему навстречу, со сконфуженным, словно бы даже виноватым лицом.

— Прости, пожалуйста, что я тут расселась... — быстро сказала она, теребя застежку мантии.

Усмехнувшись, Сварог обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Вита, ты ведь королева здесь, — сказал он мягко.

— Но я же обещала ни на что не претендовать...

— Вряд ли это обещание охватывает понятие «посидеть на троне», — сказал Сварог голосом записного судейского крючка. — Тебе, в конце концов, даже положено... Что это за королева, если она не сидит на троне, хотя он у нее есть? Подожди, мы еще медали и знаки будем сегодня вручать именно здесь, оба сидя на этом самом троне — в первую очередь для того, чтобы Диамио-Сонирил и Канцлер п р о н и к л и с ь именно так, как ты хотела...

Яна улыбнулась ему счастливо и доверчиво:

— Но мы же не поместимся вдвоем...

— Оглянись, — сказал Сварог.

Оглянувшись, она ойкнула от удивления — трон сейчас стал именно такой ширины, чтобы на нем свободно разместились двое.

— Что это?

— Это Вентордеран, — серьезно сказал Сварог. — А вот что такое Вентордеран, я до сих пор не понимаю, может, и никогда не пойму — мой предшественник унес с собой немало секретов... И никто не понимает, включая всезнающую Грельфи. Может быть, ты с твоим Древним Ветром?

Яна прикусила нижнюю губку, ее лицо стало невероятно сосредоточенным, напряженным, чуточку бледным. Потом приняло обычный вид.

— Нет, — она мотнула головой. — Не понимаю, что он такое... Что-то необычное.

— Ну, это-то мы все знаем, — засмеялся Сварог. Приобнял ее за плечи и сказал: — А вот эти кошечки... Я-то полагал, что все знаю о своем королевстве и своих замках... Слышал, правда, как и многие, что подобные твари могут оживать...

Ну как же. Давняя история под Акобаром. Там крестьянин выворотил плутом... не пантеру, правда, вроде бы самую обычную на вид кошку из точно такой же черной бронзы. Сбежались любопытные соседи. Один, как это частенько в деревнях случается, «что-то такое знал» — но, как тут же выяснилось, недостаточно. Пыжась и чванясь, чтобы как следует произвести впечатление на односельчан, он принялся что-то такое бормотать, уверяя, что прекрасно умеет управлять с такими созданиями, и отец его умел, а уж дед...

Это оказались последние в его жизни слова. Кошка ожила. Судя по всему, «знаток» и в самом деле нахватался каких-то вершков — но то, что в к л ю ч и л, исключить уже не смог. Или попросту, запаниковав, не успел. Живых свидетелей, собственно, не осталось, всю картину потом пришлось восстанавливать по осмотру места происшествия и показаниям единственного уцелевшего на том поле. Мужик оказался исполнен житейской мудрости: едва кошка шевельнулась, он припустил прочь что есть мочи, влез на верхушку высоченного дуба лигах в пяти от поля и не слезал три дня, пока все не кончилось.

За эти три дня обезлюдели шесть деревень — ни человека, ни скотины, никакой другой живности, — небольшой замок местного барона, а от шести драгун, на всю беду ехавших по большой дороге и сдуру попытавшихся кошку атаковать, остались лишь клочки по закоулочкам. Кошка уничтожала все живое — и не метаясь, как сказочная фурия, а спокойно и деловито, будто робот. Незвестно, чем бы все кончилось, но когда н а ч а л о с ь в седьмой деревне, конец этому положил местный кузнец. Поскольку эта жуткая история происходила не в сказке, а наяву, волшебного меча у кузнеца не имелось, и заклинаний он не знал — он просто-напросто, когда зверюга заявила к нему в кузницу, ухитрился опрокинуть на нее двухведерный чан с расплавленной бронзой (барон ему как раз заказал, как мастеру на все руки, отлить дикого кабана, чтобы поставить у ворот). О т т у д а кошка уже не выбралась — и этот бесформенный слиток металла до сих пор пылится в запасниках восьмого департамента (хватило у кого-то тогда ума не извлекать диковину, а положить на хранение, пока не отыщется полезная информация, как именно таких монстров «выключают»). Чего, кстати, за восемьдесят лет так и не произошло пока).

Так что Сварогу все же было чуточку неприятно сидеть спиной к этим милым созданиям явно того же пошиба, хотя и понимал, что опасности нет.

— Ну, извини, — сказала Яна, покаянно понутив голову. — Я их и раньше здесь видела, но тогда у меня еще не п р о с н у л о с ь так, как сейчас, я и не пыталась, знала, что это за звери...

— А что это за звери?

— Боевые роботы, — сказала Яна. — Но, чьи они, никто не знает. И не может определить. В точности как с твоим Вентордераном. Известно только, что еще задолго до Шторма они считались невообразимой древностью. Ты только не смейся над моими скороспелыми версиями, но их, быть может, сделали даже не мы, не наша раса.

— Не буду смеяться, — сказал Сварог серьезно.

Стоит ли смеяться, если у тебя самого, если можно так выразиться, стоит в конюшне некий конь, которому миллионы лет, и точно так же непонятно, что он такое?

Сварог осторожно спросил:

— И ты полностью можешь держать их в руках?

— Ты же видел... Знаешь, — Яна повернула к нему серьезное личико. — Мне показалось, что это не совсем роботы. Такое впечатление, что они мне обрадовались и даже ласкались. Извини, что я тут взялась...

— Глупости, — сказал Сварог. — Раз ты полностью держишь их в руках. Подарить их тебе, что ли, на свадьбу? Раз ты умеешь с ними обращаться.

— А что я буду с ними делать? — пожала плечами Яна. — Это в первую очередь убийцы. З д е с ь меня и так охраняют. А наверху... Совершенно не представляю, зачем мне там роботы-убийцы. Пусть уж и дальше лежат, как украшение дворца. — ее лицо стало задумчивым и серьезным. — Хотя... Когда-нибудь могут и пригодиться...

У Сварога при ее последних словах возникла перед глазами крайне завлекательная картина: это милые кошечки, добравшись до Акобара, устраивают Брашперо и его шайке панихиду с танцами... Но вот знать бы точно, останутся ли они целыми и невредимыми, когда по ним начнут палить из бластеров или чего-то подобного?

Яна опустила голову ему на плечо, прикрыла глаза:

— Ты не сердись, что я вот так взяла и ушла?

— Ну что ты, — сказал Сварог, обнимая ее крепче.

— Я давно уже думала... — сказала Яна, не открывая глаз. — Знаешь, у меня ведь никогда не было д о м а. Ну, разве что только покои в Келл Инире... но только до той поры, пока не умерли родители. Тогда все вокруг вдруг стало чужим. Вокруг постоянно толклись, не давали побыть одной, могли ввалиться в любой момент, потому что «так надо», заставить что-то делать, подписывать, сидеть на троне и повторять то, что шептали на ухо...

— Но ведь ты выросла, — осторожно сказал Сварог.

Яна, с закрытыми глазами, грустно улыбнулась:

— К тому времени, когда я выросла, успела эту громадину возненавидеть раз и навсегда... И ничего уже с этим не поделаешь. — Ее голос звучал мягче, умиротвореннее. — А здесь я словно бы дома... Никто не вломится, не заставит прикладывать печать на очередную ненужную бумагу... — Она пошевелилась, чуть напряженно произнесла: — Можно тебя попросить... Вентордеран такой большой... Здесь не найдется пары комнат, которые были бы как бы мои? Именно «как бы», не думай, будто я пытаюсь что-то у тебя оттяпать. Просто... Я все время прихожу в т в о и комнаты, ложусь в т в о ю постель. А как хорошо было бы иметь что-то, хотя бы на словах свое... Чтобы мы обедали в м о е й гостиной, и ты ложился в м о ю постель. Понимаешь?

— Понимаю, кажется, — сказал Сварог. — Благо тут и думать долго не нужно... Пошли.

— Куда?

— Увидишь...

Он давным-давно успел изучить весь Вентордеран. И до сих пор иногда ломал голову, для чего — вернее, для к о г о — предназначалась самая маленькая башенка Вентордерана, Аметистовая. Словно бы отдельный замок в замке, предназначенный для обитания одного-единственного человека, причем, несомненно, женщины. Уж никак не мужчины, судя по убранству спальни, гостиной, еще пары комнат, ванны. Мебель, шкафы, явно предназначенные для платьев, огромное овальное зеркало в изящной раме, с изящным шкафчиком, каких он немало видел в будуарах знатных дам, разве что стиль незнакомый. Масса других мелочей, в комнатах мужчины ненужных и совершенно неуместных.

Правда ни в шкафах, ни в ящиках он не отыскал ровным счетом н и ч е г о — ни обшитого кружевами носового платка, ни сережки, ни гребешка, ни даже булавки. И, тем не менее, Аметистовая Башенка — это женские покои, никаких сомнений. Быть может, в свое время какая-то постоянная фаворитка Фаларена задержалась здесь надолго. До истины уже не докапаешься.

Они обошли Аметистовую сверху донизу — благо много времени это не отняло, всего два этажа, шесть комнат с ванной. С каждой комнатой глаза Яны делались все восхищеннее, словно у ребенка, попавшего в богатый магазин игрушек.

— Ну как? — спросил Сварог, когда они, обойдя все, вернулись в спальню (где постель предназначалась явно не для одного).

— Прелесть, — выдохнула Яна. — Чудесный домик.

— Дарю, — сказал Сварог.

— Нет, правда? — она словно бы не могла поверить.

— Правда, — сказал Сварог. — Это т о й д о м, Вита.

— Только мой... — прошептала она, глядя как-то странно. — И они сюда не придут, не будут донимать... Только мой...

— Ну, я надеюсь, ты меня иногда все же будешь сюда пускать? — спросил Сварог.

Ему показалось, что на глаза у Яны навернулись слезы, но это тут же прошло, улыбнулась с прежним лукавым очарованием:

— А какая комната тебе здесь больше нравится?

— Вот эта, — сказал Сварог чистую правду.

Она склонила голову к плечу и безразличным тоном сообщила:

— А на мне сейчас только мантия.

— Я догадывался, — сказал Сварог.

— Только я опять совершенно забыла, как управляться с застежками...

— Вот так, — сказал Сварог. — И так. И вот так.

А потом застежки кончились, мантия отлетела в сторону, и они оказались на атласном покрывале в светло-аметистовых тонах, и прозвучал первый короткий стон, предчувствие долгих...

Ну и утречко выдалось, подумал Сварог, вытянувшись в приятной усталости рядом с прикрывшей глаза Яной. Стоит только вспомнить, сколько людей в замке занимались тем же самым, да и сейчас, наверное, иные продолжают: от девочки, для которой эта ночь — пер-

вая, до красотишки Лавинии, не спавшей разве что со статуями на дворцовой лестнице. Словно налетела парочка эскадрилий амуров и устроила сущее ковровое бомбометание...

— Что ты фыркаешь? — спросила Яна, не открывая глаз.

Сварог честно ответил то, что думал:

— Представил, на что дворец был похож ночью, учитывая, сколько пар друг друга хотели.

Яна лениво перекатила голову по светло-аметистовому атласу, открыла глаза, невинно улыбнулась:

— Что же ты хочешь — дворец... Судьба такая у дворцов... — и, вдруг став очень серьезной, сказала тихо: — Вот только я хочу, чтобы э т о т был особенный.

— Этот и так особенный, — сказал Сварог. — Другого такого нет.

— Не притворяйся, ты прекрасно понимаешь, о чем я... Ведь понимаешь? — она испытующе прищурилась.

— Конечно, — сказал Сварог. — Лишь я и ты... — он фыркнул. — Слушай, а если у нас тут будут гости?

Она задумалась на миг, но тут же нашлась:

— Пусть ночуют в Велордеране... А вот ответь мне честно на один-единственный вопрос. Честно. Когда ты меня первый раз захотел? П о н а с т о я щ е м у?

— Ну если честно... Здесь, в Вентордеране. Когда ты лежала, делая вид, что ужасно страдаешь после... сеанса воспитания. Ты была такая несчастная и пленительная одновременно...

— И не пришел, — укоризненно сказала Яна. — А я часа четыре ждала, пока сон все же не сморил...

— Не решился.

— Ну и дурак.

— Я знаю, — вздохнул Сварог. — Но в мире столько дураков, что я как-то в глаза и не бросаюсь...

— А будь я обыкновенной девушкой, ты бы пришел? Только честно.

— Пришел бы, — сознался он с тяжким вздохом...

— Вот это и называется «проклятие короны», — грустно сказала Яна. — Одно из многих... — закинув руки за голову, она потянулась и сказала мечтательно: — А что будет наверху, когда все узнают, да еще увидят меня в хелльстадской мантии... Представить приятно. — Отвернувшись, она словно бы к чему-то напряженно прислушалась, удивленно спросила: — У тебя что, тут мыши? З д е с ь?

Теперь и он прислушался — и явственно расслышал легонький скрежет, тихое поскребывание снаружи, у самого пола. И догадался почти сразу же.

— Да нет, откуда здесь мыши... — сказал он. — Это мой министр тайной полиции. Деликатно дает о себе знать. Чувствует, что мы в той позиции, когда можно и побеспокоить. Я ему хорошенько растолковал насчет людских обычаев.

— Великие небеса! — в сердцах вздохнула Яна. — Так все было хорошо, и снова э т о начинается: министры, доклады...

— Что-то серьезное, — сказал Сварог, помрачнев. — У него строгий приказ: в подобных случаях беспокоить при крайней необходимости... Я позову?

— Да ладно уж... Тем более что он меня забавляет. Сколько раз его ни видела, никак не могу привыкнуть к мысли, что эта золотая киса — министр тайной полиции...

— И толковый, — серьезно сказал Сварог. Потом крикнул: — Мясус!

Дверь распахнулась, и Мясус вошел на задних лапах. Сварог понимал, что это глупо, но все равно набросил на Яну легкое покрывало. Ну, что поделать, сам, дав такое имечко, как бы причислил Мясуса к мужскому роду...

— Ну? — спросил он нетерпеливо.

— Государь, — бесстрастно начал Мясус. — Касательно э т о й стороны дела я еще не имею ваших указаний... У вас должны быть какие-то тайны от ее величества, когда речь идет о государственных делах?

Сварог соображал лихорадочно. С одной стороны, об Арсенале и прочем и Яне не стоило бы пока знать. С другой, — дело может касаться чего-то совершенно другого. Ладно, выберу время и самым подробным образом проинструктирую...

— Нет, — сказал он.

— Боевая тревога, государь, — сказал Мясус.

Глава II

СВАДЕБНЫЙ ПОДАРОК ПОУТРУ

Сварог с Яной сидели перед огромным экраном, а справа от Яны, за пультами, расположился Пятый, с большой сноровкой манипулировавший клавишами. Именно Пятый и был здесь начальником охраны. Сварог не далее как позавчера провел в своем центре реформы — по правде сказать, не особенно и глобальные. Просто-напросто снял с Золотых Обезьянов дурацкие черные береты, которые им совершенно ни к чему. Что в беретах, что без, они все были на одну морду, как горошины из одного стручка, и потому бесполезно присваивать им имена для легкости распознавания. С Мяусом проще, он, такой — один-единственный, а два десятка обезьянов выглядели одинаково, как шахматные пешки. Не особенно напрягая фантазию, Сварог легко догадался, что надо сделать. Велел Мяусу раздобыть краски, лучше всего черной, и изобразить на спине и груди каждого номер, как у хоккеистов. О существовании хоккеистов Мяус наверняка не подозревал, но получилось похоже — и практично. Ну, а объяснить Обезьянам, у кого какой номер, на который следует откликаться, и вовсе оказалось проще простого: как-никак создания, ежедневно имеющие дело со сложными электронными устройствами, уж в математике-то сильны...

— Какой-то бочонок? — неуверенно спросила Яна.

Сварог и сам понимал, что это за штука: явно металлическая, тускло поблескивающая, заметно скругленный нос...

Недолго думая, он распорядился:

— Разверните изображение в профиль.

Пятый нажал несколько клавиш. Теперь предмет выглядел вполне узнаваемо, чтоб его черти взяли... Сероватый цилиндр, нос скруглен, с другой стороны, на торце, четыре косых треугольника. Чутьочку непривычного вида, но опознается легко... Чтобы убедиться окончательно, Сварог сказал:

— Разверните тыльной стороной к нам.

Ну вот, как он и думал... Меж основаниями треугольников — то есть стабилизаторов, конечно — виднелась воронка, а по окружности торца — с дюжину таких же, только гораздо меньше. Сопла маршевого двигателя и движков стабилизации.

— Снова в профиль и дайте размеры, — сказал он.

Предмет повернулся в профиль, вдоль него протянулась ярко-зеленая линия с делениями и цифрами. Пятый бесстрастно докладывал:

— Длина цилиндра — четыре с половиной уарда, общая длина — шесть уардов. Диаметр... Угол наклона стабилизаторов... Диаметр главного сопла...

— Достаточно, — сказал Сварог.

Это уже были второстепенные мелочи. Главное и так понятно. Красовавшаяся на экране штукавина сейчас висела уардах в трех над землей, в нескольких лигах отсюда, остановив полет не по своей воле. Что ж, остается в который раз повторить: кем бы ни был Фаларен, но не простаком, и систему защиты придумал, такое впечатление, идеальную...

Пятый монотонно продолжал:

— Она летела со скоростью примерно девятьсот пятьдесят лиг в час по прямой в направлении Велордерана. Отмечалась работа реактивного двигателя с коротким «факелом» сиреневого цвета. По прилете оставалась мед-

ленно тающая дымная полоса. Согласно имеющемуся приказу о том, что незнакомые объекты должны не уничтожаться, а захватываться для изучения, было проведено постепенное торможение силовыми полями и заключение в «кокон». Факел был «сорван», после чего двигатель заглох. Судя по всему, она была полностью автономной, а не управляемой на расстоянии. Никаких сигналов не подает. Попыток самоликвидации приборы не зафиксировали.

— Да объясните вы, в конце концов, что это такое! — сердито воскликнула Яна.

— Это ракета, — сказал Сварог. — Есть такое подозрение, боевая. Что-то не похожа она на мирный фейерверк, который кто-то запустил в честь нашей свадьбы... Вид у нее какой-то не тот... Ты помнишь, что такое ракеты?

— В учебных фильмах видела, — сказала Яна. — Архаика какая-то.

Для империи — безусловно, подумал Сварог. Однако не так уж и давно, когда пытались восстановить Багряную Звезду, пришлось срочно изготавливать по чертежам из Музея техники несколько штук такой архаики и вооружать их столь же архаичными ядерными боеголовками... Яне об этом должны были докладывать, она просто не удержала в памяти, видимо...

— Откуда она вылетела? — спросил Сварог.

— Системы воздушного наблюдения не зафиксировали, — доложил Пятый. — По их данным получается, что она возникла словно бы из ниоткуда в конкретной точке, на ведущей к Велордерану прямой...

— Может, радиоэлектронные помехи? — спросил Сварог.

Он надеялся, что роботам, обслуживающим такую систему защиты, этот термин может оказаться прекрасно знаком. Так и есть: Пятый без всякого промедления ответил:

— Постановка радиоэлектронных помех для сокрытия в тайне места старта не исключена. Наблюдательные системы не имеют программы по фиксации радиоэлек-

тронных помех и борьбы с таковыми. Изначально такая задача не ставилась.

Вот тут Фаларен дал промашку, подумал Сварог. А может, не предполагал, что на его замок посыплются ракеты, снабженные системой активных помех. Вряд ли эта штукавина возникла «из ниоткуда», из какого-нибудь иного измерения. Не стоит усложнять, достаточно лишний раз вспомнить, что совсем неподалеку обитают существа, владеющие довольно сложной техникой — и ядерным оружием, кстати, в том числе...

— В наших лабораториях эту штуку исследовать можно? — спросил Сварог.

— Конечно, — сказал Пятый. — Распорядиться, чтобы ее туда переместили?

— Риск есть? Я о взрыве?

— Ни малейшего, — заверил Пятый. — «Кокон» удержит в себе любой взрыв, ядерный в том числе. Потом, если и в самом деле последует самопроизвольная взрывная реакция, объект можно будет без труда уничтожить нейтрализаторами. Прикажете переместить в лабораторию?

— Давайте, — сказал Сварог.

И тут ему пришла в голову идея — быть может, и не такая уж плохая... .

— Пятый, — сказал он, — наши Золотые Шмели в состоянии проанализировать состав воздуха и найти остатки дымового следа ракеты?

— Конечно.

— Выпустите всех на предполагаемую трассу полета, — распорядился Сварог и повернулся у Мясусу: — Свяжитесь с заводом, пусть в ударном порядке еще пятьсот... да тысячу. Расчет здесь очень простой: вряд ли ракета прилетела о ч е н ь у ж издалека. По количеству частиц сгоревшего ракетного топлива, не исключено, удастся определить место старта. И поиски начните с того места, где ракету впервые засекли... Хотя... Пусть Шмели пройдут к тому месту по траектории полета ракеты. Всем все понятно?

Расчет нехитрый: там, где меньше всего концентрации частиц, оттуда ракету и выпустили. Судя по молчанию Пятого и двух других операторов, они это тоже поняли...

Идти им с Яной пришлось недолго — лаборатория располагалась всего через два зала. Так что пришлось ждать еще несколько минут. Планировка тут оказалась совершенно другая: посреди зала зеленый круг, а вокруг него расположились пульта и всевозможные устройства. Золотых Обезьянов тут оказалось не менее двух десятков. Сварог вспомнил досье: ну да, лары в свое время из чистого научного любопытства не только зондировали Хеллстад какими только могли излучениями, но и сбрасывали разнообразные устройства — а вдруг какое-то из них да заработает? Ну, а Фаларен, в свою очередь поручил своей золотой орде все тщательно исследовать. Эта игра, насколько можно судить, кончилась давным-давно, но вот, оказалось, лаборатории пригодились...

Довольно экзотический свадебный подарочек вплыл через распахнувшееся снизу вверх огромное окно, оставившись в центре зеленого круга. Сварог и не пытался отдавать какие-то команды по полному своему невежеству в этих вопросах. Впрочем, система превосходно работала и без него: обезьяны рассредоточились у пультов и непонятных устройств в совершеннейшем молчании, действуя четко и проворно: ну конечно, команды наверняка отдавались по радио, они все меж собой связаны, это только человеку приходится надсаживать глотку, роботы в этом отношении совершеннее...

Что-то свистело, что-то ритмично позванивало, что-то назойливо пищало. На ракету нацелились десятка два разнообразнейших антенн, сплошь и рядом вовсе не похожих на антенны, ее с разных сторон принялись оглаживать полдюжины тоненьких лучиков, белых и изумрудных. Судя по действиям обезьян, судя по тому, как они переглядывались, они продолжали меж собой общаться самым оживленным образом. Сначала Сварог хотел приказать, чтобы они говорили вслух, но тут же спохватился: что он во всем этом поймет? Нужно ждать результатов...

Яна тихонечко ойкнула от удивления: тускло-серая оболочка ракеты вдруг стала таять, растаяла совсем, обнажились внутренности, что лично для Сварога особой ясности не внесло. Он еще мог примерно опознать топливный бак и идущие от него к соплам трубопроводы, один толстый и дюжина вовсе уж тонюсеньких — но вот загадочное устройство в носовой части представляло полной загадкой. Переплетение проводов, кольцообразные ряды золотистого и серого цвета коробочек, серебристое полушарие, в которое с двух сторон упирались два сверкающих стержня... Черт ногу сломит.

Стрекот и звон усилились, антенн и щупов датчиков появилось раза в два больше, прозрачные лучики полезли в самые потроха, ощупывая. Некоторые детали тоже становились прозрачными, что опять-таки не вносило ясности.

— Первые результаты, государь, — сказал ничем не отличавшийся от других обезьян под номером 12, но, судя по некоторым деталям поведения, служивший тут начальником. — Ракета на химическом горючем, дистанционно не управляемая, заданный курс поддерживается бортовым компьютером и системой навигации...

— Довольно, — нетерпеливо прервал Сварог. — Боевой заряд есть?

— Конечно, государь. Видите полусферу со стержнями? Плутониевое взрывное устройство мощностью примерно в пятнадцать килотонн...

Милые дела, подумал Сварог, лихорадочно вспоминая все, что ему когда-то читали на лекциях о ядерном оружии. Если взрыв предполагался наземный... Диаметр кратера... Радиус полного разрушения... Весело получилось бы. Роскошный свадебный подарок, что уж там.

Но з а ч е м? Это токереты, конечно. Каким-то образом узнали о предстоящем торжестве и решили преподнести с в о й подарок. О защитных полях Белордерана они явно представления не имели, видимо, у них не было аппаратуры, способной их засечь, — как у систем наблюдения Сварога не нашлось умения справиться с радиоэлектрон-

ными помехами ракеты. Инерция мышления, можно и так сказать. Пять тысяч лет обе стороны соблюдали нейтралитет и вряд ли особенно интересовались друг другом. К тому же защитные системы Велордерана пребывали отключенными многие сотни лет...

И все же, з а ч е м? Уж если токереты (по крайней мере, один из них, но, надо полагать, есть еще и другие) уже действуют в большом мире и, мало того, приносят пользу с Брашери, должны бы узнать кое-что о ларах? То, например, что лар останется невредимым в эпицентре ядерного взрыва — уж это-то Брашери не мог им не рассказывать, такие вещи на переговорах не скрывают, наоборот, выпячивают, подчеркивая свою силу...

Тогда зачем? Не будь защиты, и Яна, и Сварог, и оба принца, и все остальные лары так и остались бы целыми и невредимыми посреди жуткого кратера и окружающих опустошений. Среди о б ы ч н ы х людей, пожалуй, нет никого, чья смерть была бы ларам крайне необходима. Ради простого хулиганства — из мелкой пакости своей сорвать торжество — вряд ли кто-то стал бы баловаться с ядерной ракетой в пятнадцать килотонн. Очередная акция в рамках психологической возни, вроде пожара в Заречье? Не верится отчего-то...

А если... От этой догадки Сварогу стало чуточку не по себе. Но это была очень логичная и убедительная версия. Токереты хотели его оставить в буквальном смысле слова голым и босым. Стоит только предположить, что они знают об электронных устройствах Велордерана, обо всем прочем... Взрыв оставил бы его и без обоих замков, и без компьютеров, без арсенала с подземными заводами — они неподалеку, так что непременно оказались бы уничтожены. Без ничего. С кучей разнообразных чудовищ, абсолютно непригодных для серьезной войны против токеретов. Изящная задумка, что уж там: одним ударом лишить противника абсолютно всей материальной части, от оружия, до компьютеров и завода. Вся мощь, которой он располагал (и в случае крайней необходимости мог использовать против токеретов), в один миг испарилась бы.

И Хелльстад в самом деле стал бы чем-то вроде зоопарка с чудищами. По которому уныло бродит опереточный король в дурацкой мантии, способный разве что кое-как управлять погодой да принимать поклоны от подданных-монстров... Да, очень похоже. Другого убедительного объяснения попросту нет...

— Что ты так побледнел? — шепнула Яна. — Нам бы все равно это не угрожало. Конечно, жаль было бы всего...

Милая, ты и не представляешь, сколько здесь этого всего и в чем оно заключается, печально подумал Сварог. Не смертельно, конечно, но борьба с токеретами усложнилась бы стократ. Нет, какой бы сволочью ни был покойничек, стоит воздать ему должное — за то, что не только Пурпурный павильон воздвиг, но и прилежно занимался гораздо более серьезными делами.

— Нервы, — сказал он со слабой улыбкой. — У меня они тоже есть... Двенадцатый!

— Слушаю, государь

— Ракету исследовать скрупулезнейше, потом уничтожить.

— Слушаюсь.

— Мяус!

— Да, государь.

— Доклады от Золотых Шмелей есть?

— Пока нет, работа на половине...

— Пусть стараются повсю, — жестко сказал Сварог. — Системам воздушного наблюдения дать приказ на отслеживание любых летающих объектов и перемещение по земле, если оно будет, маленьких существ. Очень маленьких, размером с мизинец...

— Я понял, государь. Полномасштабный поиск возможной агентуры токеретов. Системы будут сориентированы.

Идеальные все же министры получают из роботов, подумал Сварог. Хоть орден ему давай, но не получится — сам Мяус не поймет, что это такое ему на шею повесили и зачем. Нет в его программе такого понятия, как

«поощрение» (что опять-таки выгодно отличает его от людей, которые порой за орденки на что только ни пойдут...).

— Как поступать при обнаружении? — спросил Мяус.

— Только живыми, — сказал Сварог. — При малейшей возможности. Они мне живые нужны...

Достал часы и показал Яне. Она тяжело вздохнула, сделала гримаску, заведя глаза к потолку, но проворно встала. Все гости давным-давно проснулись, отдохнули, опохмелились, и по протоколу вскоре должно состояться очередное торжественное мероприятие в рамках королевской свадьбы: гости чинно и велеречиво поздравят новобрачных с тем, что они окончательно стали мужем и женой (что там было до брачной ночи, как-то никого особенно не волнует ни на крестьянских свадьбах, ни на королевских — положено так, и все тут). Потом каждый гость получит золотую медаль, отчеканенную в честь королевской свадьбы (для ношения на груди, на ленте цветов государственного флага). А ближе к вечеру — очередное застолье с танцами. Тут уж никуда не денешься: королевская свадьба должна продолжаться как минимум три дня, меньше просто не допускается незыблемым этикетом. Дольше — сколько угодно, как его величество пожелают. Тот самый знаменитый своими чудачествами Гитре когда-то играл свадьбу месяц (до сих пор никем не побитый рекорд) и потом гордился, что упившихся до смерти обнаружилось аж одиннадцать (тоже не побитый до сих пор рекорд).

— Но это ведь не война? — спросила Яна в коридоре.

— Да уж наверняка, — сказал Сварог. — Будь это война, ракеты летели бы стаями. Вряд ли это у них единственная. Очередное мелкое хулиганство. Которым они сами себе подпортили. Место запуска установят довольно точно... — он мечтательно прищурился. — И где-то там поблизости наверняка будет в х о д. Проход. Туннель какой-нибудь, из которого тогда вылетали вертолеты.

— А если они его сразу после пуска ракеты подорвали? Завалили?

— Ну, могли, — сказал Сварог. — Если входов несколько. А вот если он один-единственный... Ты бы один-единственный подорвала?

— Нет, конечно, — не особенно и раздумывая, сказала Яна. — Не стала бы я лишаться единственного выхода на поверхность... — она вдруг звонко рассмеялась.

— Ты что? — удивился Сварог.

Она все еще смеялась:

— Хорошенький разговор новобрачных на второй день свадьбы. И хорошенькие занятия, — она оглянулась в сторону лабораторий.

— Ремесло у нас с тобой такое, что поделать, — сказал Сварог хмуро.

Именно потому, что такое уж у них было ремесло, Яна не подкачала: и во время награждения, и в застолье сидела с самым веселым и беззаботным видом, какой только можно изобразить. Сварог изо всех сил старался соответствовать, что получалось неплохо — не вчера подался в короли. А впрочем, не из-за чего было впадать в уныние и замирать в скорбной безнадежности: если разобраться, ничего серьезного не произошло. Так что после нескольких чарок и общего неподдельного веселья вокруг и к ним вернулось хорошее настроение.

Плохо только, что поиски затянулись — впрочем, с самого начала было ясно, то затянутся. Очень уж большую работу предстоит повернуть летучим золотым крохам. Немалый район исследовать...

Улучив момент, он отвел в сторону Гаржака и с любопытством поинтересовался:

— Ну как? Она вас не подбивала меня зарезать или что-нибудь в том роде?

— Ну что вы, государь, — блеснул граф своей неподражаемой хищной улыбочкой. — Умнейшая стерва, сами знаете. Пока что просто приглашала в Лоран погостить. Внезапно вспыхнувшую любовь и не пробовала разыгрывать — умна... Оч-чень тонкими намеками выясняла: каково мне при вашем дворе служится, доволен ли, нет ли обид, не обходят ли милостями... Этим пока и ограничи-

лось. Но вряд ли на этом кончится, — он ухмыльнулся. — Разрешите отправляться на службу?

— Отправляйтесь, — ухмыльнулся и Сварог.

Вечер оказался как две капли воды похож на предыдущий: те же сложившиеся пары, те же тосты и здравицы, даже королек из Вольных Маноров поступил в точности, как вчера — только на этот раз, по докладу бдительного Мяуса, не золотую солонку в карман украдкой переправил, а золотую лопаточку, какой берут с блюда куски торта. Сварог и на сей раз повелел оставить происшедшее без внимания. Честно признаться, этот мелкий воришка в короне ему даже нравился наглостью: осмелиться таскать золотую посуду со стола не кого-нибудь, а короля Хелльстада... Далеко не каждый рискнет.

...Ручаться можно, что посторонний свидетель, попади он каким-то чудом в Аметистовую башенку, себя не помнил бы от удивления: занятия молодоженов оказались крайне далеки от тех, каких следовало бы ожидать от новобрачных на второй день свадьбы. Новобрачные уже третий час сидели за компьютером, принимая донесения неустанно трудившихся Золотых Шмелей, рассматривая равнины и скальные отроги, неширокую быструю речку и водопады — так усердно, что уже в глазах рябило...

И никаких успехов.

Вообще-то Сварог придумал неплохо — когда Шмели в большом количестве взялись за работу, изучая состав воздуха, и в самом деле довольно быстро получавший от них информацию компьютер стал изображать в воздухе некое подобие размытого конуса. Догадка оказалась верной: чем дальше от того места, где ракету сцапали силовым полем, тем меньше частиц сгоревшего ракетного топлива. К ночи этот «конус» был достаточно хорошо оконтурен.

И п р и м е р н о можно было определить место, откуда ракету запустили. Вот именно, что примерно: под подозрением оказалась территория в десяток югеров. Естественно, следующим ходом было — стянуть туда всех Шмелей и поручить им искать некий проход, провал, дыру, ведущую в недра земли. Несколько часов они

буквально утюжили местность — и не нашли даже дырки размером с кроличью нору. Не нашли и свежих следов взрыва, обрушения, иного рукотворного действия, завалившего бы проход. Не нашли, хотя их там собралось столько, что они покрыли подозрительную территорию едва ли не сплошным ковром. Дно речушки тоже проверили на большом протяжении — без всяких результатов.

Будь там какая-нибудь прекрасно замаскированная на равнине крышка люка, Шмели непременно ее обнаружили бы — подземные пустоты они великолепно умели искать, что подтверждалось как раз обнаружением ими Токеранга.

Места были скучные, ничем не примечательные (примерно в десятке лиг от того места, где Сварог с компанией как раз и столкнулись с крохотными вертолетами): равнина с редколесьем, неширокая быстрая речка в которую с высоты уардов двадцати падал довольно широкий водопад — там был небольшой горный массив, опять-таки с несколькими речками, вовсе уж узкими и быстрыми. Даже не горный массив, а нагромождение исполинских камней, некогда вытолкнутых на поверхность какими-то загадочными геологическими процессами. Абсолютно никакого «компромата» на этот район в компьютерах не имелось. Есть подозрения, что он существовал еще до Шторма — поскольку нагромождение скал и речка значились на самых первых картах Хелльстада, имевшихся в компьютерах.

Получалась то ли чертовщина, то ли просто тупик. Все выглядело так, словно ракета не из-под земли вылетела (по причине полного отсутствия ведущих в земные недра проходов), а внезапно материализовалась в том районе — и рванула к Велордерану... И магия, доставшаяся Сварогу в наследство от Фаларена, ничем эту версию опровергнуть не могла. Ракета стартовала н и о т к у д а. И обратное доказать невозможно, хоть ты тресни...

Кстати, как раз за этим скальным массивом и начиналась исполинская подземная чаша, в которой располагался Токеранг — та огромная пещера. Уж это-то было известно совершенно точно, но помочь ничем не могло.

Для очистки совести Сварог загнал всю немаленькую орду Шмелей в горы — что, если там и была замаскированная стартовая площадка? Скопище исполинских камней было столь небольшим, что пешеход обошел бы его кругом примерно за час, так что Шмели благодаря количеству справились быстро. Ни замаскированных стартовых площадок (которые просто негде было бы разместить), ни выдолбленных в камне ракетных шахт. Снова тупик.

— Давай фантазировать, — сказала Яна. — От безнадежности. У них там есть установка, которая распыляет ракету на атомы, атомы просачиваются наверх, вновь в строгом порядке собираются в ракету, и она идет на цель... Я, конечно, фантазирую...

Сварог проворчал:

— Еще немножко — и я начну в такие фантазии верить. От полной безнадежности...

— Но я же не всерьез!

— Я тоже, — сказал Сварог. — По-моему, будь у них т а к и е технологии, они бы их не использовали для мелкого хулиганства вроде этой ракеты. И не шмыгали бы по углам, как крысы. И не использовали бы как демонстрацию своих возможностей ядерную бомбу. Они бы что-нибудь посерьезнее устроили... Я тут попытался навскидку придумать пару-тройку фокусов, которые можно вытворять с т а к о й аппаратурой — по спине холодок, серьезно...

Действительно, жутковато. Вообще-то и у ларов есть оружие, способное превращать многое в невесомое облачко атомов. И гразерт на «Рагнароке» именно что в атомы разносит цель. Но это оружие, способное т о л ь к о разрушать. А вот с аппаратурой, умеющей не только разложить не важно что на атомы, но потом аккуратненько собрать «как и было», можно натворить таких дел... Это и для Империи была бы нешуточная угроза...

— Но ведь и магии там нет, — сказала Яна задумчиво.

Сварог кивнул. Сразу, как только Шмели отыскивали м е с т о (часа за два до заката, так что очередное пир-

шество еще не начиналось и можно было потихонечку отлучиться из замка), он посадил в летающую лодку старуху Грельфи и помчался туда. Чуть ли не час они рыскали по окрестностям, осматривали речку, водопады, скалы. С в о и м и способностями Сварог не ощутил и тени магии. То же самое заявила Грельфи, уверяя, что магии, куда ни ткни, не больше, чем в сухом полене. Даже не высказала свое знаменитое присловье, пускавшееся в ход, когда старуха сталкивалась с чем-то ей непонятным: «Вот не могу понять, в чем тут странность, но есть она, язви ее...» На сей раз заявила твердо и бескомпромиссно: магии — ни на грош. И верить ей следовало. Старуха вовсе не была м о г у ч е й ведуньей, и, если применить армейские чины, тянула не более чем на лейтенанта, но всегда и везде безошибочно определяла, есть тут магия или ее нет...

Сварог покосился на супругу. Она ничем не напоминала счастливую новобрачную: сидела, ссутулившись, отрешенно и грустно уставясь куда-то в пространство.

— Если подвести итог... — тихо произнесла Яна, не поворачиваясь к нему и не меняя позы. — Никто не представляет, то делать с Токерангом. Никто не представляет, что делать с Горротом. А вот у н и х вовсю кипит какая-то работа, очень может быть, направленная не только против земли, но и... — она зябко поежилась. — И у т е б я нет ни малейших идей...

Сварог сказал осторожно:

— Ты это сказала таким тоном, будто у т е б я идеи как раз есть...

— Есть, — спокойно ответила Яна. — Целых две. Первая: если положение станет по-настоящему критическим, рассредоточить вокруг Талара орбиталы Главного Пояса и... полностью ликвидировать опасность.

— То есть — планету в пыль? — глухо спросил Сварог, чувствуя, как у него каменеет лицо.

— Ну, не обязательно в пыль... Но здесь, внизу, н и ч е г о не останется...

— И н и к о г о ?

— И никого, — сказала Яна, повернула голову и встретила его взгляд. Совсем тихо продолжила: — А ведь ты впервые в жизни на меня с ненавистью смотришь... Я не обижаюсь, нисколько, я тебя прекрасно понимаю...

— И на том спасибо, — с сарказмом бросил Сварог.

— Успокойся, пожалуйста, — сказала Яна, глядя на него с вымученной улыбкой. — Это чистой воды теория. Уж если положение станет н а с т о л ь к о критическим, настолько... Но пока что нет оснований паниковать, согласен? Мы даже не знаем еще, что нам может угрожать. Вряд ли та кучка, в Горроте настолько сильна и гениальна, что способна заставить Империю запаниковать в с е р ь е з... Ну я тебя прощу, успокойся!

— Успокоился, — сказал Сварог сквозь зубы.

— Можешь мне откровенно ответить на единственный вопрос?

— Попытаюсь.

— Ты бы мог меня убить, если бы узнал, что я отдаю приказ на...

— Я бы тебя и пальцем не смог тронуть, — сказал он. — Просто-напросто, знай я заранее, я бы, скорее всего, остался здесь, со всеми. Прости, если чем задел, но при одной мысли, что остаток жизни придется провести исключительно т а м... — он ткнул пальцем в потолок. — Тебе не понять...

— Думаешь? — прищурилась Яна. — А ты не забыл, сколько времени я с детства провела на земле? И как я настоящему рада, что з д е с ь у меня есть настоящий д о м? Так что не думай, будто я тебя не понимаю.

— Верю, — сказал Сварог. — И что это меняет? Если вдруг возникнет жестокая штука под названием «государственная необходимость»? Я сам король, не забывай... Ты, между прочим, в лучшем положении: абсолютно ничем не запачкалась, как императрица, а вот я, честно признаюсь, уже столько раз в грязи извальялся во имя этой самой государственной необходимости... Лезешь в грязь по уши, как бы душа ни протестовала, потому что ты не человек сейчас, а король... Да, а вторая идея какая?

Яна смотрела на него как-то странно — словно ждала помощи и защиты, хотя он решительно не понимал, от чего.

— Вторая идея совершенно никому не приносит вреда и касается меня одной... — протянула Яна, все так же непонятно глядя. — Тебе, конечно, успели рассказать, что такое Дор Террах? Древний Ветер? Ну вот... Можно его р а з б у д и т ь окончательно. Чтобы овладеть им целиком.

— Подожди, — сказал Сварог. — Я-то считал, ты им и так владеешь. Из тебя иногда такое в ы п л е с к и в а л о с ь...

— Лоскуточки, — сказала Яна с бледной, печальной улыбкой. — Ключки. Они иногда в с п л ы в а ю т сами по себе... но это именно что лоскуточки. И их, между прочим, совсем не трудно загнать обратно вглубь сознания и заставить уснуть. Кстати, оба дядюшки так и поступили. Им э т о просто не нужно в жизни. Мне тоже показалось, что никогда не понадобится, но теперь, когда такое творится... Пожалуй, пора будить...

— И что с тобой тогда будет? — тихо спросил Сварог.

Яна пересела к нему в кресло, прильнула.

— Ты всегда был деликатным, — сказала она, улыбаясь почти весело. — На самом деле тебе явно хочется спросить: «и во что ты тогда превратишься?» Ну, скажи честно.

— Да, — ответил он, глядя в сторону.

Яна засмеялась, опять-таки не так уж весело:

— Ни во что я не превращусь. И никаким монстром не стану. Останусь точно такой же. Вот только способностей и с и л ы прибавится несказанно. Гору я, не буду врать, в пыль не превращу — но вот замок разбросаю по кирпичику. Взглядом. Как когда-то бабушка. Она была совсем молодая, и ей изменил любовник. Она полетела в его манор и разнесла там все по камешку. Взглядом.

— А... люди?

— Ну, людей-то она заранее повыбрасывала в окна, и не так уж грубо, так что никто себе ничего не сломал... Армию я тоже не смогу уничтожить — но десяток-другой всадников из седел одним взглядом вышибу. Примерно так. И, конечно, появятся разные способности...

— Мысли читать сможешь? — вымученно усмехнулся Сварог.

— Успокойся, — сказала Яна. — Не смогу. Но с и л ы у меня будет гораздо больше, чем сейчас. И очень возможно, среди новых способностей найдутся такие, что пойдут нам на пользу в нынешней ситуации... К черной магии это не имеет ни малейшего отношения, наоборот...

— Знаю, — сказал он задумчиво. — Грельфи мне кое-что рассказывала...

Яна — сразу видно, чуточку приободрившаяся — продолжала:

— Собственно говоря, может быть, это и не магия в обычном понимании. Говорят, это какие-то невообразимо древние силы, идущие от самой Матушки-земли... И когда-то были доступны очень многим, но потом люди испортились, и Матушка стала очень осмотрительной... В с е г о никто не знает. Ни знатоков не осталось, ни книг, которым можно верить. Насколько я смогла разобраться, еще за сотни лет до Шторма владеющих Древним Ветром осталось очень мало...

— Тогда за чем же дело стало? — спросил Сварог. — Если это нам поможет, а тебе никакого вреда не принесет...

Яна смотрела как-то странно, прикусила нижнюю губу с таким видом, словно вот-вот должна была расплакаться.

— Или нет? — спросил Сварог тревожно. — Или все же будет вред?

— Никакого...

— Вита, ничего не понимаю, — сказал Сварог с досадой. — Почему ж тогда у тебя такой вид, будто тебя завтра хоронить должны? — он покрепче прижал ее к себе, повторил настойчивее: — Вита... Какие тут опять заморочки?

— Ну, понимаешь...

— Не понимаю, — сказал Сварог сердито. — Ни черта...

Она не отстранилась, но отвернулась, насколько удалось и тихо, так, что он едва различал слова, проговорила:

— А что, если ты меня бросишь... т а к у ю... Если тебе не понравится, что во мне теперь столько с и л ы...

— И все? — радостно воскликнул Сварог. — И все проблемы?

Она отозвалась, все так же почти шепотом:

— Говорят, некоторые так и поступали... Кое-кому даже казалось унижительным, что...

— Что его женщина — т а к а я? — понятно подхватил Сварог. — Ну, дурачье, что скажешь... Ты и так уже несколько раз показывала, что сильнее меня — да вот, историю с рукерами взять... Вот только я что-то ни разу не чувствовал себя слабым и униженным. Сомневаюсь, что когда-нибудь стану иначе думать... Да, вот кстати. Мара раз в десять лучше меня владеет мечом — но меня это как-то совершенно не напрягает. Вита, что ты, как маленькая... Никогда я тебя не брошу. Никакую.

— Правда?

— Честное слово.

Она повернула к нему лицо, озаренное такой радостью и надеждой, что Сварог даже почувствовал себя чуточку неловко. Прижалась щекой к щеке, и они долго сидела так в совершеннейшей тишине. Потом Яна отстранилась, сказала уже спокойно, даже деловито:

— Ну тогда и тянуть не стоит, тем более что сегодня полносемелие, а это еще лучше...

Прошлепала босиком к изящному гардеробу (и как только успела за неполные сутки набить его платьями и обувью в поразительном количестве, а остальные комнаты — всевозможными дамскими безделушками? Поразительно быстро обустроилась у себя д о м а). Сбросила халат, распахнула высокую резную дверцу, выдернула первое попавшееся платье (такое впечатление, вообще не глядя, что женщинам во время выбора нарядов как-то не свойственно), накинула прямо на голое тело, схватила первые попавшиеся туфельки, небрежно провела по волосам сверкнувшим самоцветиками гребнем.

— Нам что, придется куда-то идти? — спросил Сварог.

— Понимаешь... Нет никаких сложных и особенно долгих ритуалов, но кое-что проделать все же придется.

Это тебе не лампу зажечь... Необходимо открытое пространство, чистое поле, хорошо бы холм... и трава, много травы... Кстати, лигах в пяти от замка, я помню, есть холмы...

— Не такие уж и высокие, — сказал Сварог. — Так, холмики...

— А это все равно, холм вовсе не должен быть высоким, главное, чтобы он был... И трава там хорошая, густая, высокая... — она сделала нетерпеливое движение к двери.

— погоди, — сказал Сварог. — Что бы там ни было, а одну я тебя...

— Ох, какой ты... — с досадой сказала Яна. — Разве я сказала, что тебе со мной нельзя? Да пожалуйста! Только близко подходить не будешь, нельзя... не знаю почему, просто нельзя. И птичек своих лупоглазых бери хоть сотню, только пусть тоже подальше держатся...

Она прямо-таки притопывала на месте. Сварог прекрасно знал это состояние: когда все для себя решено, и знаешь, что должен действовать, немедленно, и земля под ногами кажется раскаленными углями... Поэтому он торопливо встал, застегнул камзол на все пуговицы.

А вот Яна, наоборот, в последний момент задержалась в двери, оглянулась как-то беспомощно. Сварог понял, подошел, обнял за плечи и сказал веско:

— Помнится, я кому-то честное слово давал? Никогда я тебя не брошу...

Она слабо улыбнулась — лицо у нее было, как у человека, которому предстоит с головой нырнуть в холодную воду — потом повернулась и решительно вышла в коридор.

Когда они садились в летящую лодку, Сварог оглянулся на близкий Велордеран: вот кому беззаботно и весело, высокие окна пиршественной залы ярко освещены, музыка доносится, видно даже, как кружатся пары... Ну, понятно, ни один человек там ничего не знал — хороший хозяин не станет грузить гостей своими заботами...

Глава III

ПОРЫВ ДРЕВНЕГО ВЕТРА

Едва он опустил летающую лодку неподалеку от невысокого пологого холма, сплошь заросшего высокой густой травой, Яна нетерпеливо распахнула дверцу и выпрыгнула наружу. Это состояние он тоже знал — когда хочется побыстрее со всем покончить. Впрочем, никак не походило, чтобы Яна нервничала, аккуратно сняла туфельки, и, сняв платье через голову, чисто женским инстинктивным движением аккуратно повесила его на борт лодки. Сварог ухмыльнулся про себя: когда женщина так себя ведет, с ней все в порядке.

Она подошла вплотную, обнаженная, прекрасная, улыбнулась как-то по-детски:

— Ты знаешь, страшновато чуточку... После бабушки этого никто не делал, столько лет прошло... Поцелуй меня.

Сварог крепко поцеловал ее, отнюдь не как ребенка.

— Я останусь прежней, не думай никаких глупостей, — сказала она быстро. — Так и стой здесь, пока все не кончится. Ты меня никогда не бросишь?

— Никогда, — серьезно сказал Сварог.

Отрешенно улыбнувшись, Яна повернулась и неторопливо пошла к холму, расположенному всего-то урдах в ста. Сварог сразу обратил внимание, что ей не приходится

прикладывать ни малейших усилий, раздвигать доходившую ей до пояса траву — трава поспешно раздвигалась перед ней сама, смыкаясь следом.

Сварог не испытывал ни тревоги, ни страха, ничего подобного — но охватившие его чувства он никак не мог определить. Что-то непонятное легонечко сжимало ему сердце, вот и все...

Он неотрывно смотрел вслед. В небе ярко-желтым диском светился Семел, и на его фоне изредка проплывали Золотые Филины, ходившие кругами на почтительном расстоянии и большой высоте. Светло вокруг — хоть иголки собирай. И поразительная тишина, даже не слышно ни единого плакуна-пестрячка — а эти птички как раз ночные, любят устроиться в высокой траве и выводить унылые, плаксивые трели, за что так и прозваны. Совершенно безобидные пичужки, но их отчего-то страшно не любят гармы — одна из тех загадок Хелльстада, которую Сварогу наверняка уже не открыть, немало знаний, и серьезных, и мелких умерло вместе с предшественником...

Обнаженная женская фигура неторопливо поднималась к вершине холма, трава точно так же расступалась перед ней, смыкалась позади. Сварог смотрел во все глаза, но ничего необычного, если не считать поведения травы, не происходило.

Вот она достигла вершины холма, остановилась, уронив руки. Сварог прекрасно ее видел от макушки до пяток — трава вокруг полегла широким кругом да так и не поднялась. Стояла оглушительная тишина. Потом Яна медленно-медленно подняла руки над головой. Несколько мгновений, показавшихся Сварогу часами, ничего не происходило. Меж вытянутыми вверх ладонями Яны зажглась пронзительно-синяя искорка, стала разбухать, расти, пока не превратилась в переливающийся всеми оттенками синего, голубого, аквамаринового и сапфирового довольно большой шар. То ли он вращался, то ли по его поверхности проплывали полосы — на таком расстоянии Сваог не мог определить.

Трава на склонах холма, за пределами круга, вдруг пришла в движение, довольно странным образом: волна за волной безостановочно кружили вокруг холма, нижние медленнее, другие, чем выше, тем быстрее. Сварог услышал голос Яны — негромкий, спокойный, звучащий так, словно она стояла в паре шагов от него. Если это не заклинания, а язык, то абсолютно незнакомый, певучий, с преобладанием гласных. Несколько раз прозвучало «Дор Террах».

Потом она замолчала. Медленно стала разводить руки — и синий шар не остался шаром, а потянулся за ладонями, превращаясь в широкую полосу, безостановочно переливавшуюся теми же оттенками. Яна держала руки на уровне плеч, ладонями вверх — и над головой у нее стояла синяя переливчатая дуга... незаметно для глаза ставшая превращаться в радугу. Вскоре стала самой настоящей радугой — семь чистейших цветов. И, достигнув невысказанной яркости и чистоты, исчезла.

С неба упали ветвистые зеленые зигзаги, напоминавшие молнии, но гораздо более медленные, бесконечно высокие. Змеясь, переливаясь всеми оттенками зеленого, они окутали женскую фигурку непроницаемым для глаз покрывалом — по его поверхности то и дело промелькивали длинные золотистые искры.

Сварог, кажется, даже дышать перестал. Вот теперь сердце зашло в тревоге — он не знал, по правилам ли все происходит, так, как и должно быть, или с Яной творится что-то нехорошее. Древние заклинания и с и л ы порой в наше время ведут себя непредсказуемо. ... Нет, торопливо напомнил он себе, ведь у ее бабушки все получилось, а это было не так давно... Даже Горлог, которому миллионы лет, ведет себя, как надлежит... Но ведь есть и другие примеры, как раз противоположные — когда древние заклятья, пусть даже самым правильным образом прочитанные, вызывали совсем не то, на что надеялся произнесший, и для него все кончалось хуже некуда... Что далеко ходить, Грельфи рассказывала за столом не далее, как вчера...

Сердце разрывалось в тревоге, но он стоял, как вкопанный — даже если там что-то неправильно, помочь ничем не сможет, а если все идет, как надо, может помешать...

Казалось, это продолжалось невероятно долго: медленные и быстрые порывы неведомой силы волнами пригибали траву вокруг холма, на вершине которого переливался зеленый, пронизанный золотистыми искрами купол, и змеящиеся зеленые зигзаги все так же уходили вверх, в невероятную высь. И стояла тишина.

И вдруг все кончилось. Зеленый купол и зигзаги погасли так быстро, что глаз не успел заметить. Только что были — и нет. трава на склонах холма распрямилась и замерла. Остался только круг на вершине. И Яна посередине. Она уже не стояла — сидела, опираясь правой рукой на землю. Вопреки всем запретам Сварог хотел броситься к ней, но она сама поднялась на ноги — нисколько не шатаясь, совершенно естественным движением: ну вот захотелось человеку на минутку присесть, а потом он встал...

И стала спускаться с холма, возвращаясь — трава вновь расступалась перед ней и смыкалась за спиной, походка у Яны была опять-таки совершенно естественная, спокойная, неторопливая. Пока что не похоже, чтобы в ней что-то изменилось... Но вот удалось, или нет?

Сварог молча ждал, потому что ничего другого не осталось. Он заметил еще издали, не мог не заметить...

Но не представлял, что тут можно сделать, и что это означает.

— Заждался? — самым обычным, чуточку насмешливым голосом спросила Яна, подойдя совсем близко. — Ну вот видишь, все обошлось, а ты наверняка зачем-то с ума сходил...

Должно быть, он сделал какое-то н е п р а в и л ь н о е движение, чем-то себя выдал — Яна бросилась к нему, крепко ухватила за лацканы камзола, прижалась, обнаженная, жаркая, пахнущая травяным соком, потом обхватила за шею, приблизила лицо:

— Ну, ты же видишь, что я осталась, какой была! Что ты оцепенел? Я же прежняя!

Сварог нашел в себе силы произнести спокойным голосом:

— Дай время в себя прийти, у меня душа не на месте...

Она осталась прежняя, это точно. Вот только глаза прямо-таки горели синим, невероятной яркости светом, как две маленьких электрических лампочки, право слово... Это он заметил еще издали, мудрено было бы не заметить. Не может быть у человека таких глаз.

Но других изменений не видно, как он ни приглядывался лихорадочно и пытливо. Только глаза в полном смысле слова сияют. Ощувив легонькую слабость в ногах, он сделал шаг назад, прислонился спиной к борту летающей лодки.

— Слушай! — негодуяще воскликнула Яна. — Ты мне все платье помнешь! Ты еще на него сядь!

Вот теперь Сварог уверился, что она прежняя. А глаза... Глаза помаленечку гасли, пока не стали глазами обычного человека. Какие-нибудь остаточные эффекты, подумал он радостно, чувствуя, что улыбка у него сейчас самая дурацкая.

Взяв с борта чуть помятое платье, укоризненно покачав головой и пробормотав что-то насчет мужчин-медведей, Яна принялась его надевать. Одернув подол и застегнув пуговицы, совершенно будничным тоном сказала:

— Только не расспрашивай, как все было, ладно? Потому что у меня все равно не получится объяснить, как это... происходило.

— Но получилось? — спросил Сварог.

— Все получилось, — с торжеством ответила Яна.

— Поздравляю, — сказал он. — Теперь ты у нас самый великий маг в Империи...

Присмотревшись к нему, Яна подошла вплотную, взяла обеими руками за щеки, заглянула в глаза и произнесла скорее обиженно, чем сердито:

— Так-так-так... А кто-то меня совсем недавно уверял, будто примет л ю б о й... И вот уже начинается, судя по тону... Никакой я не великий маг, понятно? Я просто приняла Древний Ветер, вот и все... И я по-прежнему

твоя, и только твоя... — ее голос напряженно зазвенел. — Или...

Она была п р е ж н я я. Никаких сомнений. Сварог, ослабившись, одновременно радуясь и чувствуя себя идиотом, обнял ее, прошептал на ухо:

— Ну что ты, Вита... Просто не каждый день на твоих глазах такое случается... Ошалел малость, прости...

Она облегченно вздохнула, прошептала счастливым голосом:

— Вот теперь я вижу, что ты тоже прежний... Ты меня не поцелуешь?

Поцелуй затянулся надолго и закончился самым обычным для новобрачных образом, объятиями в высокой траве у борта лодки, радостным и нетерпеливым слиянием тел. Она была п р е ж н я я.

...Потом, когда лодка летела к замку, Яна грустно сказала:

— Во что у меня платье превратилось... Тоскливый ужас. А ведь только вчера сделала...

— Есть же какие-то заклинания для чистки...

— Милый, — фыркнула Яна. — Эти заклинания исключительно для служанок. Благородная госпожа может создать платье, но не должна уметь его чистить. Вот ты знаешь какие-нибудь заклинания на чистку сапог или камзола?

— А ты знаешь, нет, — не без удивления сказал Сварог. — Только сейчас спохватился, что ничего подобного не умею и никто не учил...

— Вот видишь, — сказала Яна. — Иные заклинания исключительно для слуг, должен бы помнить... — она критически обозрела себя в ярком сиянии Семела. — Ну да, пропало платье...

— А твой Древний Ветер тебе тут ничем помочь не может?

— Он такими пустяками не занимается, — серьезно сказала Яна. — Что ты так косишься?

— Понимаешь, мне действительно страшно любопытно... — сказал Сварог. — Как ты себя т е п е р ь чувствуешь?

— Да точно так же, как и прежде, — сказала Яна. — Когда ты здесь впервые появился, и тебя обучили первым заклинаниям, ты себя стал чувствовать как-то иначе?

— Да нет, — пожал плечами Сварог.

— Ну вот и со мной в точности так же.

— Я просто подумал... Все-таки Древний Ветер...

— Ну и что? — пожала плечами Яна. Протянула: — Хотя... Ты прав, иногда появляется какое-то странное ощущение: будто по клеточкам, по жилочкам, р а з л и т о что-то такое... бодрящее... или... — она досадливо передернула плечами. — Нет, не могу объяснить, слов таких не подберу. Но это — время от времени, может быть, и совсем пройдет... — она положила ладонь на руку Сварога. — Мыслей я читать не научилась, но ход твоих мыслей предугадать легко, потому что у меня, будь я на твоём месте, он наверняка оказался бы точно такой же... Пожалуйста, не надо меня сейчас долго и вдумчиво расспрашивать, что я теперь умею и могу. Хорошо? Я просто сама ещё не со всем разобралась, мне ещё нужно будет п р и с л у ш а т ь с я к себе, долго и старательно, вульгарно говоря, п е р е б р а т ь все свои новые умения. Грельфи предупреждала, что так и будет... Она ещё говорила, что иные умения могут молчать и сами дадут знать о себе в подходящий момент. Вот, скажем, ты никогда в жизни не подходил к воде и не знал, заложено ли в тебе умение плавать или пойдёшь ко дну, как купеческая гиря. И вдруг понадобилось тебе переплыть реку — ну, ни моста, ни перевозчика, мало ли что... Подходишь ты к реке — вдруг понимаешь, что прекрасно умеешь плавать. Примерно так.

— Понятно, — сказал Сварог. — С вопросами приставать не буду. Но, извини, завтра же потащу тебя к тому чертову мосту, вдруг да получится что...

— А меня и тащить не надо, — сказала Яна. — Сама с превеликой готовностью полечу. Для чего, собственно, все и затевалось? Чтобы поискать надежное оружие против наших общих врагов... Что ты притормозил?

— Посмотри налево, — сказал Сварог. — Вон то дерево мне никогда не нравилось, и в хозяйстве совершенно ни к чему. Корявое оно какое-то, тоску навевает...

— Понятно, — спокойно сказала Яна. — Есть, командир...

Она ничего не сделала, не пошевелилась. Просто-напросто повернула голову и посмотрела налево, где на равнине и в самом деле как-то уныло торчал высоченный корявый вяз.

Что-то оглушительно щелкнуло у самой земли, прекрасно видно было, как вихрем брызнули щепки — и корявое дерево стало медленно заваливаться набок, гулко грянуло оземь кроной, ствол несколько раз дернулся вверх-вниз и замер. Остался совсем невысокий пенек, неровный, иззубренный.

— Вот так, — сказала Яна. — Значит, про бабушку не наврали, что она взглядом разметала по кирпичику целый замок... Я сама сейчас чувствую, что в состоянии это сделать...

— Ну, вот и начали понемногу определяться с твоими новыми умениями.

— Экспериментатор... — беззлобно фыркнула Яна. — Знаешь... А ведь время не такое уж позднее, молодежь наверняка еще веселится вовсю. Сходим? Это как-никак наша свадьба...

...Пробуждение получилось таким, что и слов-то не подберешь для описания своих впечатлений и чувств...

Сварог лежал на левом боку, по старой привычке сунув под щеку не всю подушку, а уголок. Именно там, слева от него, в каком-то уарде красовалось росшее из пола странное деревце: тонкий золотой ствол, причудливая крона конусом из ярусов разноцветного марранского хрусталя, в глубине ее виднеются золотистые шары. Более того: Сварог обнаружил, что лежит не в постели, а именно на полу, пусть и с подушкой и покрывалом. Хотя вчера не надирался и прекрасно помнил, что ложился в постель. И цвет у пола был какой-то неправильный — не обычного паркета, а обоев...

Он повертел головой, огляделся... От страха, конечно, не заорал, но ощущения были где-то даже и панические. Деревце было не деревцем, а люстрой в спальне Яны, разве что впервые увиденной в столь необычном ракурсе. Сам Сварог лежал рядом с ним на потолке, неведомо как преспокойно на нем удерживаясь, словно пол с потолком поменялись местами. А на бывшем полу, теперь потолке, удерживаемые теми же неведомыми силами, стояли и гардероб, и огромное зеркало со шкафчиком, и кровать со спящей Яной. В общем, имела место сущая чертовщина. Словно Вентордеран перевернуло вверх ногами... но почему тогда на н о в о м полу оказался он один, а все остальное так и осталось на н о в о м потолке?

Он пошевелил руками, поворочался с боку на бок, решил даже сесть. Все было, как обычно, если не считать м е с т а, где он оказался. Земное тяготение действует на него так, будто он действительно на полу, то есть на уровне земли, а не перевернут вверх ногами. И, тем не менее, с чем-то из двух обстояло не правильно — то ли с полом, то ли с потолком. А может, со всем вместе...

Со своего места он не видел ни одного из окон и не мог определить, как обстоит с Вентордераном, какую позицию замок занимает в пространстве. Однако следовало срочно что-то предпринимать...

Возможно, кто-то сочтет это унижительным (ну и черт с ним!), но первые уарды до стены Сварог преодолел ползком. На всякий случай. Будучи ларом, он все равно не расшибся бы, навернись с потолка, но обстановочка оказалась очень уж диковинная...

Потом он рискнул, встал на коленки, а там и выпрямился во весь рост. Зашагал к стене, собственно говоря, вниз головой — но для него самого все выглядело совершенно иначе. Достигнув стены, призадумался — и, по какому-то наитию резко подпрыгнул, так, что коснулся стены всеми четырьмя конечностями.

Да так там и остался. Полное впечатление, что он стоял на четвереньках на полу. Что теперь полом стала стена, а потолок с люстрой и пол со всей мебелью и спя-

щей Яной — стенами. Начинаем помаленьку понимать механизм...

Уже не медля и не топчась на месте, он зашагал к бывшему полу — а там точно так же прыгнул — наконец оказался в самом нормальном положении, стоя на самом настоящем полу. Посмотрел вверх. Его подушка и покрывало так и покоились возле люстры. Посмотрел направо. В широком простенке меж двумя стрельчатыми окнами под углом в девяносто градусов к полу как ни в чем не бывало стоял изящный столик с двумя креслами, и со столика ничего не упало, не разлилось, не рассыпалось. Недоеденные вчера пирожные и фрукты преспокойно лежали на блюдах, уровень «Кабаньей крови» в опустошенном наполовину прозрачайшем графине оказался строго параллелен поверхности столика, как и в недопитом бокале, — конечно же, Яны, у Сварога не было в жизни привычки оставлять бокалы недопитыми.

Одно успокаивает: в окно прекрасно видны деревья парка, и ряды кустарника, окаймляющие дорожку, и сам замок. Судя по увиденному, Вентордеран стоит так, как ему и полагается: основанием на земле, крышами и башенками к небу. Хоть с этим полный порядок...

Оставив самое интересное на потом, он тщательно оглядел спальню (не обнаружив новых диковин), потом только подошел к постели. Яна безмятежно спала, вытянув руки вдоль тела, дышала ровно, спокойно, и на губах даже застыла легкая улыбка, словно ей снилось что-то безусловно приятное. Вот только спала она, лежа (или вися?) в воздухе над постелью, на высоте примерно две трети уарда. И ее великолепные волосы словно беспрестанно трепал легкий ветерок (которому просто неоткуда было взяться в замке), а вокруг запястий неспешно кружили какие-то зеленые и красные огоньки, комки света, казавшиеся пушистыми.

Сварог некоторое время постоял в задумчивости: стоит ли ее будить в такой вот ситуации или подождать, пока проснется сама? Вдруг навредишь чем-нибудь?

Решив все же будить, подошел к постели, отодвинул ладонью колыхавшиеся пряди золотых волос и шепнул на ухо:

— Эй, древний ветерок, вставать пора...

Она всегда просыпалась быстро, легко, вот и сейчас почти сразу же открыла глаза, явно хотела улыбнуться Сварогу... и обрушилась вниз, на постель. Высота небольшая, да и Яна — не дебелая матрона, но все равно, пружины жалобно взвыли, словно орава разорившихся купцов. Что характерно, подушка и столик остались на своих местах.

Сварог с любопытством ждал. На лице Яны изобразилось величайшее изумление.

— Не ушиблась? — заботливо спросил он.

— Нет... — машинально ответила Яна и, кажется, окончательно пришла в себя. — Что творится?

Волосы у нее больше не колыхались и огоньки пропали.

— В любом случае, это не мои штучки, — сказал Сварог, присаживаясь на край постели. — Потому что я такого просто не умею. Ну, а поскольку нас тут только двое? Какой следует вывод? — и усмехнулся. — Вита, ты и в самом деле великий маг. Даже когда напивался вдрызг, никогда в жизни себя на потолке не обнаруживал...

Иронию в его голосе уловить было нетрудно. Растерянно на него глядя, хлопая ресницами, Яна вдруг покраснела — густо, отчаянно. Отвернулась и зарылась лицом в подушку. Даже издала что-то вроде жалобного писка.

Сварог наклонился, глядя ее по плечам, касаясь губами волос, сказал насколько мог убедительнее, уже без всякой насмешки:

— Вита, не надо переживать. Ясно ж примерно, что происходит: освоение, овладение умениями... Ничего страшного, скорее смешно. Ну, повернись, мало ли что бывает... Дело житейское. Тем более невообразимо древняя магия...

Не меньше пары минут, наверное, пришлось поглаживать и успокаивать, рассудительным тоном изрекая всякие банальности. Наконец Яна повернулась, уже не крас-

ная, скорее чуточку пунцовая, со страшно сконфуженным видом.

— Я не знаю, как это получилось... — сказала она жалобно.

— Нечаянно, — сказал Сварог. — А как же иначе?

— Всю ночь происходило что-то странное... — сказала она, глядя на Сварога прекрасными затуманенными глазами. — Я училась разным вещам, кто-то подсказывал, но голоса я не слышала... Приходили всякие знания... Иногда это было приятно, иногда просто жутко... То летала над солнечной равниной, безмятежной, зеленой, то падала в какие-то жуткие подземелья — переходы кривые, корявые, все время кажется, что вот сейчас из-за угла кто-то страшный выпрыгнет... Летала над морем, и спокойным, и штормящим, в голове сами собой всплывали знания, и наставления, и даже строгие предупреждения не использовать то-то и то-то во вред другим... — она улыбнулась, показавшись сейчас маленькой испуганной девочкой. — И знаешь, там все время был ты. Я тебя не видела, но все время знала, что ты рядом, и если я ошибусь, провинюсь, ты поступишь, как тогда, на берегу озера... Потому что Матушка-земля тебе велела за мной следить и воспитывать... Ты же у нее в фаворе...

Сварог вспомнил собственные необычные ощущения, пережитые во время той церемонии в Глане, а потому решил воздержаться от каких бы то ни было комментариев, толкований и попыток понять, в чем тут дело и почему именно он настойчиво маячил в ее снах в виде строгого наставника. На свете было множество вещей, которые он попросту не пытался понять, махнув на это рукой, — возможно, и сейчас следовало так поступить...

— Это очень часто повторялось, — продолжала Яна, понемногу освобождаясь от удивления и конфуза. — Что Матушка тебя поставила меня воспитывать... Не может же все оказаться простой случайностью? Во всем был смысл, хоть я его и не всегда понимала... Может быть, ты знаешь, в чем тут дело?

— Не знаю, — задумчиво сказал Сварог. — Сам теряюсь. Будет время, я тебе расскажу одну историю про Глан, будем вместе думать, вдруг да додумаемся до чего-то понятного... — он усмехнулся. — Коли уж я наставник... Может быть, уберешь за собой? — он кивнул в сторону столика. — Или еще не знаешь, как все поправить?

— Вот это-то я как раз уже знаю, — уверенно сказала Яна. — Это просто...

Глядя мимо Сварога, она подняла руки перед лицом, несколько раз сведя и разведя вытянутые указательные пальцы, беззвучно шевеля губами, — и столик с креслами, описав короткую дугу, отделились от стены, встали на свои места. Сварог вовремя поднял голову, чтобы поймать подушку, летевшую прямо ему на голову, потом подхватил медленно спланировавшее покрывало. Случайно глянув на часы, покачал головой:

— Разоспались, за полдень перевалило... Правда, мы и вернулись под утро...

— За полдень?!

Яна спрыгнула с постели. Виду нее был не то что обычный, но, пожалуй, даже несколько воинственный. С конфузами определенно покончено.

— Тебе обязательно нужно завтракать? — спросила она деловито, направляясь к гардеробу.

— Да можно и обойтись... — сказал Сварог, внезапно догадавшись. — Что, не терпится п о и с к а т ь?

— А как же, — Яна без особых раздумий вынула мужской костюм из плотного зеленого саржета (в подобных Сварог видел ее на каталаунских снимках). Обернувшись, сказала серьезно: — Я, как и обещала, ни на что не претендую... Но коли уж ты меня взял в здешние королевы, должна я близко к сердцу принимать хелльстадские дела и делать, что могу? Вот на э т о ты мне позволишь претендовать?

— Конечно, — сказал Сварог, занявшись собственной одеждой.

И подумал, что речь идет не просто о хелльстадских делах, так что сдерживать ее ни в коем случае не следует, наоборот, пусть пускает в ход все, на что способна...

...Сварог и в этот раз не отступил от заведенного им же порядка — гармов не было, но эскадрилья Золотых Филинов бдительно кружила вверху. Вполне возможно, это было не просто бесполезно, а глупо — слишком многие знающие люди заверяли его, что магии в Токеранге нет ни капельки (да и бессильна против Яны любая з д е ш н я магия). Ну, а что бы то ни было метательное, от стрелы до ракеты с ядерной боеголовкой ей не способно причинить вред изначально. Но ничего не мог с собой поделаться. Очень уж сильным и въедливым оказалось стремление постоянно о ней з а б о т и т ь с я. Быть может, потому, что помнил ее совсем юной, взбалмошной. Это о Маре заботиться не стоит, она в случае чего сама о себе позаботится так, что уцелевшие (если будут) до конца жизни станут стучать зубами при одном воспоминании о рыжей королеве...

Лодка медленно плыла в воздухе в нескольких уардах от бугристых каменных нагромождений. Они обогнули скальный массив практически весь — но Яна сидела с равнодушным, чуть ли не скучающим лицом, ни словечка не произнесла. Сварог тоже помалкивал — если что-то прояснится, сама скажет, а не получится, так не получится...

Она заговорила сама, произнесла досадливо:

— Ничего. Абсолютно. Обычный неинтересный камень, каким он был испокон веков... — и вдруг с изменившимся лицом схватила Сварога за рукав — Остановись!

Он затормозил с похвальной быстротой, благо с лодкой это проделать было легче легкого. Они повисли в нескольких уардах над неширокой быстрой речкой. Слева и впереди, совсем близко, струилась в реку широкая полоса водопадов — белопенных, кое-где вспыхивавших крохотными радугами, когда солнечные лучи преломлялись в облачках водяной пыли.

Сварог покосился на Яну. Т е п е р ь у нее стало совершенно другое лицо — напряженное и чуткое лицо человека, пытающегося расслышать долетавшие издалика звуки — то ли песню, то ли разговор, то ли крик...

Не оборачиваясь, она тихонько сказала:

— На несколько уардов вперед, прямо напротив водопадов...

Сварог плавно передвинул рычажок. Теперь лодка висела прямо напротив водопада — но Яна смотрела не прямо перед собой, а зачем-то задрала голову, словно ее интересовало что-то, находившееся гораздо выше. Ее лицо менялось, охваченное охотничьим азартом, на губах заиграла злая, неприязненная улыбочка — с такими идут навстречу друг другу даже не дуэлянты, а наконец-то нашедшие момент свести счеты враги, и мечи уже выхвачены, и продуманы первые удары...

— Вот вы, значит, как... — процедила она сквозь зубы. — Ничего не скажешь, умно...

Сварог помалкивал: с е й ч а с лезть с вопросами было все равно что торчать за спиной изучавшего мину сапера.

— Вплотную к водопаду! — приказала Яна, и Сварог автоматически подчинился. — Ну, ты ничего неправильного тут не усматриваешь?

Сварог мотнул головой.

— Водопад, — сказала Яна, не отводя глаз от быстрых струй. — То есть падение в о д ы. Вода, как известно, мокрая... Ну?

И тут до Сварога дошло. Водопад был буквально перед ними, только руку протяни, и зачерпнешь воды. Они с Яной давным-давно должны были до ниточки промокнуть, окутанные невесомыми облачками водяной пыли, облитые фонтанами брызг... но оставались совершенно с у х и м и!

— Это о н о? — медленно выговорил Сварог с удивившим его самого спокойствием.

Яна протянула руку, по запястье погрузила ее в колышущуюся стену воды, тут же вынула, приложила ладонь к щеке Сварога. Ладонь была сухая. И Яна спокойно сказала:

— Это оно. Можешь попробовать сам, Это абсолютно безопасно, я чувствую...

Он протянул руку без всякой опаски (ну, коли она уверена...), как только что Яна, погрузил ее по запястье

в безмятежно журчащие струи. И не почувствовал никакой воды, вообще ничего. Иллюзия воды, иллюзия водопада...

— Мы нашли, — сказала Яна все так же спокойно, без всякой рисовки. — Вот только... Чтобы увидеть э т о во всей красе... Отведи лодку уардов на полсотни от водопада.

Сварог этот маневр выполнил моментально, остановился.

— А вот так все выглядит на самом деле, — сказала Яна.

Подняла к лицу сжатые кулачки, прижала большие пальцы к губам, неотрывно уставилась на широкую стену падающей воды. Ее глаза сузились, потемнели, в них появилось нечто незнакомое.

Водопад вдруг исчез, почти весь, остались только узенькие полоски по краям. Сварог восхищенно выругался про себя, затейливо и смачно. Уардах в десяти над речкой в скале зияло черное отверстие чего-то наподобие туннеля — именно туннеля, очень уж правильные у него были очертания, идеальный круг уардов пятнадцати в диаметре, не менее. По такому туннелю не то что крохотный вертолетик токеретов — средний боевой брагант пройдет играючи, да что там, вимана или драккар...

— Голограмма, — сказала Яна. — Великолепно выполненная, постоянно действующая. У них, должно быть, неплохая электроника...

— Дурак я, дурак... — сказал Сварог с чувством. — Шмелям ставили задачу искать исключительно на п л о с к о с т и, на земле. Я и не подумал...

— Не переживай, — усмехнулась Яна. — Все равно ничего бы не вышло, направь ты их и туда. Там постоянно работает какая-то завеса... я все же не сильна в технике, как бы это... В общем, эта завеса... ага, она поглощает все излучения, и любой... любой...

— Детектор, — почему-то шепотом подсказал Сварог.

— Да, именно. И любой детектор покажет, что там только вода и скала...

Грамотно, подумал Сарог. Завеса поглощает все излучения, и никакой прибор не доищется до истины — ну, а человеку и в голову не придет лезть в тот водопад...

— Ты там чувствуешь какие-нибудь датчики? — спросил он, не позволяя себе пока что расслабляться. — Устройства, способные зафиксировать вторжение предмета... или человека?

— Ничего там такого нет, — уверенно сказала Яна.

Самоуверенные ребята, подумал Сварог. А впрочем... это не самоуверенность, а инерция мышления. Пять тысяч лет токереты и Фаларен держали нейтралитет, как бы не замечая друг друга, не предпринимали друг против друга никаких акций. Там, внизу, о ч е н ь у ж привыкли, что ими никогда не интересуются и проходов к ним не ищут. И с появлением Сварога не успели перестроиться... и, быть может, были правы. Никакая его аппаратура не смогла бы этот туннель отыскать. И, не реши Яна р а з б у д и т ь древние умения, так бы и сидел, ломая голову, что же предпринять....

— Я, наверное, сделаю, как было, — сказала Яна.

Тот же жест, тот же внимательный, со злым прищуром взгляд — и на месте туннеля вновь появился водопад во всей красе. Сварог н и словечком не протестовал. Наоборот. Он развернул лодку и повел ее к замку. Подумал холодно и отрешенно, как о ком-то чужом: во времена своей «мушкетерской юности» он тут же, не колеблясь ни секунды, погнал бы лодку в туннель. Т е п е р ь он собирался действовать совершенно иначе: осторожная и тщательная, в несколько этапов, разведка, сначала разнообразные механизмы, только потом уж самому... И на лице Яны он не увидел того дурацкого, щенячьего азарта, который когда-то бросил ее на неведомые дорожки, к тому озеру с чудовищем, где могла и головы не сносить, да и он тоже, не прихвати с собой в Хелльстад Доран-ан-Тег. Спокойное, взрослое лицо женщины, понимающей всю сложность жизни. Значит, вот так, усмехнулся он горько — все же жаль было чуточку той самой лихой мушкетерской юно-

сти. Как там пелось? Значит, все мы рано повзрослели... И правильно, так и надо, но все же чуточку жаль т о г о прошлого...

— Ты знаешь, — сказал он с мимолетным удивлением. — Отчего-то радости не чувствуется. Совсем. Скорее уж нечто вроде усталости. Ну вот, нашли наконец. Но столько еще работать...

— Совершенно те же чувства, — с некоторой печалью сказала Яна.

— Но ты у меня молодец, — сказал Сварог. — Если бы не ты...

Он притянул девушку за плечи и крепко поцеловал. Яна закрыла глаза и освобождаться из его объятий ничуть не спешила. Не плохая мы все-таки парочка, с гордостью, которую посчитал законной, подумал Сварог. Король и его королева. Мара... С ней все остается по-прежнему, но там совсем д р у г о е... Она просто бесценна в других ситуациях, но вот теперь...

Отпустив Яну, он откинулся на спинку мягкого кресла, бездумно улыбаясь всему вокруг. Встретив улыбчивый взгляд Яны, подумал, что жизнь все же неплохая штука. И, глядя в синие глазищи, не сдержался, довольно громко пропел одну из своих любимых:

*— Червону руту не шукай вечорами,
Ти у мене єдина, тильки ти, повир. —
Бо твоя врода, то є чистая вода,
То є бистрая вода синих гир...*

— Интересно, это заклинание, молитва или песня? — спросила Яна, улыбаясь так же бездумно, как и Сварог. — Хотя... Скорее песня. Такое впечатление.

— Песня, — сказал Сварог. — Под нее танцевали. Когда мне было разве что на годик побольше, чем тебе сейчас...

Яна сказала с потаенной настойчивостью:

— А знаешь, мне бы очень хотелось посмотреть на тебя молодого. А то получается как-то несправедливо. Ты-то видел, как я выросла, а я тебя впервые увидела уже взрослым. Хочу видеть молодого. Хочу с тобой танцевать тогда

и под твои песни. Можно? У нас еще один вечер праздника.

— погоди, — сказал Сварог, удивленный несказанно. — Я понимаю — Древний Ветер... Но неужели ты можешь и в мое прошлое...

— Нет, ты не понял, — сказала Яна. — Я и в наше-то прошлое не смогу попасть, даже с Древним Ветром, а уж что касается твоей Соседней Страницы... Можно сделать по-другому. Мысли я не читаю, я не врала, а вот картинку из твоей памяти достать могу. И сама могу оказаться в той картинке. Так что все будет не по-настоящему, но в точности, как было тогда... Ты не против?

— Ничуть не против, — сказал Сварог, не раздумывая.

Яна произнесла не без гордости:

— Только Древний Ветер может извлекать образы из памяти. Так, как я это сделаю вечером. Больше никакая здешняя магия на то не способна.

Ага, подумал Сварог. Это называется — девочке купили новое платье. Не рассказывать же ей, что Горлорг, не более чем неразумная животина, пусть и особенная, способен без всякого труда извлекать из его памяти образы. Картинки.

...Вот так и получилось, что в тот вечер, последний вечер свадебного веселья курсант Стас Сварог и девушка по имени Яна колыхались в медленном танце на натуральной советской танцплощадке. И пусть это была иллюзия, но выглядело все в точности, как тогда, все иллюзорное, что Сварог видел вокруг, было прекрасно знакомо. Ох, эти хрипящие динамики семидесятых...

— Прощай!

Со всех вокзалов поезда
Уходят в дальние края.

Прощай!

Мы расстаемся навсегда
Под белым небом января.

Прощай,

И ничего не обещаю,
И ничего не говори...

Вокруг, конечно, колыхались в примитивном медляке одни призраки, четко впечатавшиеся в его память — но он-то держал в объятиях настоящую живую девушку в черной мини-юбке и розовой кофточке с пышными рукавами, тесно прижавшуюся к нему, положившую ладони на плечи, щекотавшую щеку волной распушенных волос.

Они были с о в с е м одни — потому что Яна как-то так устроила, что никто из гостей, танцевавших в том же зале обычные танцы, их не видел, но не мог на них наткнуться. И они медленно танцевали, пока песня не кончилась, и на эстраде не прохрипел кто-то в микрофон:

— Перерыв!

— У х о д и м? — шепнул Сварог на ухо Яне.

Она подняла сияющие глаза:

— Как хочешь...

И старая танцплощадка исчезла, как сон, они оказались в зале Велрордерана, у портьеры. Гремела райда — и, разумеется, первым в цепочке танцующих выкаблучивал принц Элвар, как всегда, неуклюже, как всегда, с величайшим рвением.

— Это было интересно... — медленно сказала Яна. — Если ты не против, как-нибудь повторим?

— Конечно, не против, — сказал Сварог.

И подумал, что вовремя ее оттуда увел. Потому что по некоторым деталям прекрасно помнил именно тот вечер, В перерыве-то и нагрянули старые, заклятые враги курсантов в синих погонах — курсанты в черных погонах, и, как частенько на той танцплощадке бывало, получилось великолепное побоище с мелькающими в воздухе пряжками ремней, девичьим визгом, милицейскими свистками и прочей веселухой...

— А что это была за девушка? Чье место я заняла? — с любопытством спросила Яна. — Твоя тогдашняя любовь?

— Да нет, — сказал Сварог чистую правду. — Какая-то случайная партнерша. Сама понимаешь, танцы...

— Вот, кстати, о танцах. Они у вас все были такие скучно медленные?

— Ну что ты, — сказал Сварог. — это, собственно, и не танец, а законная возможность пообниматься...

Действительно, нужно будет продолжить, подумал он. Коли уж Яна умеет сделать так, что чувствуешь себя самым натуральным образом вернувшимся в прошлое. И шейк с ней сплясать, и казачок, и редлак...

— У меня впечатление...

— Что? — очнулся Сварог.

— Посмотри на Старую Матушку. Вот честное слово, она давненько уж прохаживается поблизости с таким видом, словно у нее к тебе неотложный разговор. Но пока мы тут болтаем, ни за что не подойдет — королева, этикет знает...

— Интересно, — сказал Сварог, бросив взгляд иско-са. — И правда, похоже. Подожди минутку... — И направился напрямик к Старой Матушке, поклонившейся ему лишь царственным наклоном головы — гордая была особа...

— Как вам нравится праздник, ваше величество? — спросил Сварог.

— Все великолепно, ваше величество, — ответила она. Улыбнулась тонко. — Я никак не предполагала, что в некотором смысле вернусь во времена моей молодости...

Ага, подумал Сварог, ухмыляясь про себя. Гарайла, надо полагать, не подкачал, молодец, маршал, пусть и лет тридцать спустя, но пришел их давний роман к подобающему финалу...

Старая Матушка сказала:

— Я крайне сокрушена, ваше величество, что вынуждена допустить нешуточное нарушение этикета, но я попросила бы вас разрешить мне покинуть дворец и вернуться в Кирулл... Нельзя ли распорядиться, чтобы меня доставили к воротам, к моей вимане?

— Что случилось? — спросил Сварог тихо. — Что-то серьезное?

— Табарций прислал мне срочный вызов, — так же тихо ответила она. — Никаких Тревог, просто срочный вызов. За все время нашей... совместной работы такое впервые

случается. У него должны быть какие-то серьезные причины, вы его знаете лучше меня...

Действительно... Табарций, министр тайной полиции Трех Королевств — человек серьезный и по пустякам не станет выдергивать госпожу наместницу со свадьбы самого Сварога. Давненько работал под началом Интагара, им на эту должность и рекомендован, а до того выполнил пару серьезных поручений Сварога просто-таки идеально. Что-то там стряслось... Но нет никаких Тревог, а значит, фигурально выражаясь, небо на землю пока что не рушится...

В случае чего-то в о в с е у ж серьезного он, согласно негласной инструкции, через голову наместницы связался бы с самим Сварогом, свадьба там или не свадьба...

— Разумеется, ваше величество, — сказал Сварог серьезно. — Я немедленно распоряджусь...

Глава IV

ПОЛЕТ ЗОЛОТЫХ ШМЕЛЕЙ

Как и предполагалось с самого начала, разведку в туннеле вели предельно осторожно, проникая туда едва ли не по миллиметру. Правда, третий наблюдатель, граф Элкон, как Сварог поначалу и подозревал, по молодости лет пытался что-то такое предложить о «лихом броске» — но двумя парами суровых глаз был вовремя успокоен так, что обошлось без словесных выволочек. Можно подумать, Сварогу не хотелось лихих атак, но он уже этим переболел...

Для начала в туннель запустили одного-единственного Шмеля, с задачей даже не осматривать что бы то ни было, а попросту продвинуться в глубь на сотню уардов — единичное создание всегда можно было списать на случайность...

Он продвинулся с невеликой скоростью, из предосторожности не ведя никаких передач и не работая на прием. И невредимым вынырнул из радужной стены мнимого водопада — неподалеку от которого на всякий случай был дислоцирован десяток Золотых Филинов — чтобы достойно встретить любой появившийся из туннеля летающий сюрприз наподобие памятных вертолетов. Что до ракет, их должны в случае чего перехватить системы Велордерана.

Троица добросовестно высидела перед экранами полчаса — но из туннеля посланцы хозяев так и не показались, ни в каком виде. Тогда пошли игры посерьезнее: уже десятка три Шмелей, образовав кольцо, двинулись вдоль стен туннеля — эти уже пустили в ход кое-какие детекторы. А у самого входа, описывая по туннелю круги, от пола до потолка, двинулись двое Золотых Пауков, размером с локоть, пузатых, то и дело замиравших, и тогда у них под брюхами мелькали тусклые сиреневые вспышки. В конце концов, когда они сделали все, что могли и двинулись к выходу, Обезьян под номером Семнадцать доложил:

— По данным геологической разведки, туннель — по крайней мере та его часть, что была доступна исследованию, был проделан год назад плюс-минус несколько дней. Устройства, которыми он был проделан, мне неизвестны, и в памяти компьютеров их не значится.

Он ничуть не поставил Сварога перед очередной загадкой — просто-напросто Фаларен, как теперь совершенно ясно, никогда не вел у себя в Хелльстаде горнопроходческих работ, не прокладывал туннели. Меж тем в голубоватом инфракрасном свете непрерывно работавших передатчиков Шмелей Сварог четко различал, что стены туннеля на всем его протяжении покрыты параллельными бороздами, какие оставляют именно фрезы горнопроходческого комбайна. Приходилось ему однажды в одной далекой стране со своими ребятами охранять шахту от посягательства империалистов — и порядка ради они излазили ее от начала и до конца, осмотрели оборудование, выискивая слабые места, куда затаившаяся вражина может заложить мину.

Вот именно, горнопроходческий комбайн — причем нормального размера, весьма немаленький, занимавший всю ширину туннеля. А вот это уже проходило по ведомству нешуточных загадок. Откуда у крохотулек взялся подобный агрегат, по сравнению с их собственными размерами выглядевший положенным набок небоскребом или океанским лайнером? Чтобы самим построить такую машину, им потребовались бы сотни лет и техника соответ-

ствующих размеров. Поневоле закрадывается нехорошее предположение: они сделали маленький, а потом кто-то его увеличил — прямо в пещере, надо полагать. Значит, они уже и на это способны? Скверно...

Год назад Сварог уже преспокойно королевствовал в Хелльстаде — но и ложный водопад, он прекрасно помнил, уже существовал, приходилось несколько раз мимо него пролетать. Значит, водопад подготовили заранее — а под его прикрытием отгрохали туннель. Будь на его месте Фаларен, покойник так об этом ничего бы и не узнал, он давным-давно отключил большую часть в н у т р е н н и х следящих систем, наблюдая лишь за рискнувшими сунуть нос в Хелльстад странниками. Ну да, та же инерция мышления, слишком долго они с токеретами жили в строгом нейтралитете, совершенно друг другом не интересуясь...

Зачем? А вот тут уж не нужно быть военным гением. Повидали в свое время нечто похожее. Если отрешиться от специфики Токеранга — подземная база ВВС, и не более того. Если у токеретов, помимо вертолетов, отыщутся реактивные боевые самолеты, в нужный момент увеличенные... В пещере длиной в две сотни лиг и шириной шестьдесят их можно наклепать множество — к у к о л ь н ы х ждущих своего часа. А потом... эскадрильи вылетают из туннеля — по ширине тут не только истребитель пройдет, но и легкий бомбер — и начинается. Им вовсе нет необходимости покидать пределы Хелльстада — проводя аналогии с земной техникой, они могут выпустить тучу ракет по сопредельным странам и преспокойно уйти назад. Любое оружие ларов в Хелльстаде бесполезно.

Вот только один немаловажный нюанс: когда начнется эта свистопляска, король Хелльстада ни за что не допустит подобных забав у себя в королевстве. Отсюда плавно проистекает, что их будущие военные операции как-то не предусматривают наличия в Хелльстаде короля, имеющего кое-какие возможности им помешать. Оттого, видимо, и прилетел утренней порой «свадебный подарочек» мощностью в пятнадцать килотонн. И вряд ли тот подарочек — последний... Или нет. Или они, каким-то

образом засекиши, что взрыва не случилось, попробуют что-нибудь другое? Из пещеры могут вести и другие выходы, далеко не такие широкие и удобные, лазы какие-нибудь, но вполне пригодные, чтобы перебросить наверх нечто сугубо свое, кукольное. Вертолеты, между прочим, объявились на земле до постройки туннеля...

Или они пойдут на переговоры, сообразив, что прикончить Сварога не так-то просто? Как бы то ни было, нужно установить постоянное патрулирование вдоль всего периметра Хелльстада, и реку не обойти вниманием. Судя по Батшеве, у них найдутся и боевые газы, а то и бактерии. На Сварога с Яной это, предположим, не подействует, но вот их помощники-люди, оба мэтра, да и Мара здесь бывает, и другие...

Интересно, куда они девали вынутый скальный грунт? Ну, не вопрос, конечно: прокладку вели изнутри, все сбрасывали вниз, благо там откос в триста уардов...

— Ну что? — негромко произнес Сварог, ни на кого не глядя. — Они прошли уже триста уардов, не отметили никаких датчиков, не подверглись нападению... Посылаем до самого конца?

Яна с Элконом дружно поддакнули, малость поерзывая в креслах от азарта. Сварог дал приказ. Шмели, все так же держась кольцом, двинулись вперед чуточку побыстрее, прилежно докладывая о пройденном расстоянии: четыреста уардов, семьсот, девятьсот, тысяча, тысяча двести...

Вскоре синеватое инфракрасное изображение стало чуточку тускнеть. Прежде чем Сварог успел встревожиться, последовал доклад: впереди — огромное отверстие, откуда уже пробивается тусклый, но свет, по яркости напоминающий земной в сумрачный день. Не особенно и раздумывая, Сварог скомандовал: всем погасить инфра, большей части оставаться на месте, выйдя из туннеля, при отсутствии поблизости живых или механических объектов остановиться не далее десятка уардов от выхода, включить панорамное изображение.

И вот оно, свершилось... Быть может, клятые горротцы ухитрились и здесь побывать (иначе откуда штучки с

огромным комбайном?), но, пожалуй что, Сварог оказался первым земным королем, а Яна с Элконом — первыми ларами, увидевшими Токеранг...

Как он и предполагал, от начала туннеля до далекой земли тянулся пологий откос, нагромождение обломков дикого камня — отвал, куда комбайн сбрасывал отходы производства. Никакого комбайна внизу не видно — зато основание откоса окружено добрым десятком каких-то ниточек, на совесть, вплоть до каменных стен справа и слева. Максимальное увеличение оптике... Так-так-так... И справа, и слева виднеются тускло поблескивающие здания, похожие на разрезанные вдоль цилиндры, и несколько рядов палаток — а если вон там, и вот там, и вон там, в доброй дюжине мест расположились не пулеметные гнезда, то Сварог ничегошеньки не понимал в военном деле. Колючая проволока, пулеметы, бдящие солдаты — кто-то внизу старательно позаботился, чтобы отдельные морально нестойкие личности не смогли покинуть Токеранг. Помнится, иные беглецы даже вертолеты использовали. Да и пешие... Для крошки-токерета было бы нешуточным подвигом взобраться к туннелю по оставшемуся после работы комбайна скальному откосу — но все же возможно. Судя по некоторым скудным сведениям, там, внизу, вряд ли в с е живут дружно и счастливо — коли уж представителей н и з ш и х классов запросто дарят в е р х н и м, чтобы творили с ними, что хотели. Король, благородные господа, низшие... В таких условиях отчаянные беглецы всегда отыщутся, несмотря на то, какого они размера. Да и оппозиция здесь, как в свое время выяснилось, имелась — хотя ее судьба неизвестна...

— Еще чуть-чуть... — завороченным тоном произвела Яна. — Никто ведь их не видит...

— Еще десяток уардов — и достаточно для начала, — отрезал Сварог. — Пошли!

К сожалению, ничего интересного рассмотреть не удалось, слева тянулось нечто широкое и серое, больше всего похожее на покрытую асфальтом или бетоном дорогу, справа, вовсе уж вдалеке, протянулась шеренга каких-то

темных коробок. Земля везде серовато-коричневая — и чуть пониже наблюдателей тянется пелена уныло-черных облаков. Из них вдруг вынырнула тройка прекрасно знакомых Сварогу вертолетов — но не к туннелю метнулась, почти вертикально опустилась у тех барakov, приземлилась точнехонько на какие-то белые знаки, обозначающие явно стоянку. Караул оснащен неплохо...

— Все назад, — распорядился Сварог.

— Ой, а как же... — разочарованно протянула Яна.

— Помаленьку, — сказал он решительно. — По шапочку...

Элкон сказал с безразличным видом: вообще-то некоторые воинские уставы предусматривают в некоторых случаях разведку силами людей... И Яна его тут же поддержала:

— Шмели ушли совершенно незамеченными, там нет ни датчиков, ни локаторов...

Чтоб их черти обоих побрали! Сварогу ничего так не хотелось, как самому постоять на краю туннеля, вооружившись гораздо более сильной оптикой, чем та, которой располагали Шмели, осторожно, маскируясь, высмотреть что возможно. Ночью можно будет сюда запустить целую кучу Шмелей (днем опасно, могут заметить, это для человека они крохотные, а для токерета — едва ли не в его рост), но до ночи слишком далеко... Его искушало любопытство, не имевшее ничего общего с мушкетерской юностью — как-никак у него имелись и отличая аппаратура, и нешуточное прикрытие в виде Золотых Филинов, а то и фауны посерьезнее.

— Почему бы нам не посмотреть самим? — спросила Яна нейтральным тоном. — У нас великолепная защита, мы вовсе не лезем наобум...

— Опасно, — сказал Сварог.

— У тебя есть л о г и ч е с к и е возражения? — прищурилась Яна. — Толковые? Или ты по привычке готов меня прикрыть от всех опасностей? А этого сейчас и не нужно...

— Они нас могут засечь... — сказал Сварог и сам почувствовал, что получилось как-то вяло.

Яна все так же шурилась:

— Можно тебя на минутку попросить выйти со мной в коридор? Элкон, ты пока останься...

Сварог вышел — косясь на экран и убеждаясь, что все Шмели благополучно покинули туннель, — а вот погони что-то не видать. Яна свернула вправо, он хотел было последовать следом, но она остановилась: подняла ладонь:

— Нет, стой, где стоишь... Вот так. А теперь медленно, аккуратно попробуй ко мне подойти, только руку выстави вперед и пальцы не ударь...

Что-то слишком уж серьезно она держалась... Сварог неспешными шажками двинулся вперед, старательно вытянув руку — и быстро наткнулся кончиками пальцев на невидимую преграду. Попробовал ее ладонью, потом обеими — ничего не получалось Яна безмятежно улыбалась:

— И вот так — в е с ь коридор. А если понадобится — перегороджу в е с ь туннель. И эскадрилья твоих золотых птичек будет наготове. Это взбалмошное решение или основанное на реальном соотношении сил? Как тебе кажется?

— Дор Террах? — спросил он в некоторой растерянности.

— Вот именно, супруг мрй, — улыбалась Яна. — Скажу по секрету, там гораздо больше возможностей для защиты, чем для нападения, но нам ведь сейчас защита и нужна? Уж если твои золотые обезьянки справились с атомной бомбой, то и я кое с чем справлюсь... Не считаешь меня взбалмошной?

— Нет, — медленно сказал Сварог.

...Их проход по туннелю ничем не напоминал авантюрное, на скорую руку подготовленное предприятие: впереди, уардах в двухстах летели клином Золотые Шмели, готовые в любой момент подать сигнал тревоги, сзади, рассредоточившись во всю ширину туннеля, парили две дюжины Золотых Филинов, а под потолком (инициатива Сварога) скользил еще и Золотой Дракон. Сварог поневоле подумал: такое бы снаряжение в старые времена, когда

тебе давали меч с шауром и очень просили по возможности вернуться живым...

Когда впереди замаячил бледный свет, они отключили «ночное зрение» и двинулись дальше, практически не спотыкаясь — фрезы выбрали скалу ровно, нужно было только приноровиться к ширине поперечных «гребенок», оставшихся на полу и стенах. Все трое из предосторожности надели кожаные камзолы, что крайне пригодилось, когда они распростерлись животами на краю скального отвала. Подняли к глазам овальные ящички «Филинов» — «дальнее зрение», бог его ведает, почему, здесь работать отказалось (хотя ночное, пусть тоже направленное «вне»), работало исправно. Черт бы побрал эти магические казусы, примечания мелким шрифтом... А впрочем, и «дальнее зрение» не помогло бы в тумане или облаках. Хорошо еще, что техника была м е с т н а я: как пояснил Маус, Фаларен любил когда-то игру в прятки во дворце, где было погашено все освещение, или в темном саду. А теперь его безделушки взяли да и пригодились всерьез...

Серые облака почти сплошным ковром лежали над всем Токерангом, несколькими уардами пониже каменного небосклона пещеры — должно быть, неизвестные особенности здешнего климата. Отсюда, из-под этого бугристого каменного неба, было видно вокруг на расстоянии лиг в двадцать, не больше, но и того хватило, чтобы рассмотреть там и сям кое-то интересное. Справа длинными, едва ли не бесконечными рядами тянулись те самые темные коробки, похожие то ли на фабричные корпуса, то ли на ангары... Вероятнее... вероятнее как раз второе! Для фабричных корпусов их соединяла чересчур уж густая сеть серых дорожек: и на их глазах вдруг распахнулись двустворчатые ворота, выкатился своим ходом самолет со стреловидными крыльями, с двумя обтекаемыми баками под фюзеляжем, развернулся направо. В сопле мерцал оранжево-алый огонек, даже сюда доносился едва слышный тяжелый шелестящий свист. Увеличивая скорость, он пронесся куда-то вправо, оторвался от полосы вправо и ушел. Аэродром, подумал Сварог, вон и

радарные башенки видны, правда, радары непривычной формы, похожие на ромбы с вогнутыми сторонами. Значит, он угадал все правильно — тут готовят воздушный флот, и немаленький. Которому на земле просто нечего противопоставить. Кроме хелльстадской системы, отлично пригодной на роль ПВО... но, как уже говорилось, будем реалистами и вспомним, что бессмертных не бывает. Д о с т а т ь Сварога очень просто отнюдь не в Хелльстаде, а в любом из земных королевств. Эти безжалостные и целеустремленные ребята должны были заранее продумать, как решить проблему под названием «король Сварог». Но не станешь же постоянно окружать себя сплошной стеной телохранителей, даже в этих условиях? Не говоря уж о том, что среди охраны как раз и может найтись н е к т о, что много раз случалось... Никогда еще собственная спина не казалась ему столь беззащитной. А ведь безвылазно в какую-нибудь камеру не засядешь, государственными делами заниматься надо, а их немало накопилось. Остается старый, но верный способ: кольчуга из толладской стали под одеждой, многих это выручало, не только монархов...

— Вон там, слева... — показала Яна.

Слева та серая дорога как раз и проходила через несомненный город — странноватой архитектуры, правда, где большинство зданий были похожи на овалы с обрезанными концами, квадратные башни покрыты круглыми невысокими крышами, мощеной выглядела только центральная часть, а остальное представляло собой хаотическое скопище круглых домишек с крышами конусом. Вообще, присмотревшись и выведя резкость на максимум, Сварог пришел к выводу, что этот городишко напоминает скорее земные города, чем обиталище людей, владеющих ядерными технологиями и реактивными самолетами: машин на улицах не видно, а вот крохотные всадники и повозки во множестве просматриваются. А посреди городка, превосходя по высоте все остальные здания, вздымается сооружение, больше всего похожее на замок сеньора: несколько овалов, один на другом, нижнее здание совершенно ли-

шено окон, шесть внушительных башен, на самой высокой развевается неразличимый отсюда флаг. Ну что ж, уже понятно, что в Токеранге уживаются и специалисты по атомным бомбам, и вульгарная знать (быть может, зачастую это одни и те же люди) — вон там вроде бы деревушка, и еще, и еще, а там ухоженные поля... Ничего необычного. Бывает. Разве что на Таларе это р а з н е с е н о в пространстве, одни за облаками, другие на земле, а здесь все уместается в гигантской пещере... В принципе, ничего нового...

— Магии я здесь не чувствую ни на ломаный грош, — тихонько сказала Яна.

— А я вот поймал далекие радиопереговоры, — сказал Элкон.

— Ничего удивительного, — сказал Сварог. — Отключи-ка аппаратуру, а то мало ли...

— Как-то мне здесь не нравится, — сказала Яна. — Чутьточку уныло все выглядит...

— Да уж, — сказал Сварог. — Ничего похожего на веселых гномов в ярких кафтанчиках, с песнями идущих на работу... Режьте мне голову, но во-он там, над речушкой, торчит самая натуральная виселица, пустует, правда...

— Да, похоже...

— Отступаем, — сказал Сварог. — Ночью осмотрятся Золотые Шмели, а у меня еще немало дел. Кончились свадебные песни-пляски, увы... Работать надо...

...Он шагал по роскошным коридорам довольно хмурый: если разобраться, не было особенных причин для радости. Да и Яна с Элконом из туннеля ушли охотно и веселыми отнюдь не выглядели. Видимо, все трое подсознательно ждали если не каких-то особенных красотостей, то чего-то яркого, интересного — столько времени и сил было потрачено, чтобы отыскать Токеранг... И перед ними предстало нечто в буровато-серых, унылых тонах: неприятные деревеньки, скучный городок с замком сеньора и виселицей на опушке, колючая проволока, безликие ряды ангаров. А главное, до сих пор непонятно, чем им это открытие может помочь...

В огромной, роскошной приемной сидели бок о бок Интагар с картонным чехлом для бумаг на коленях и Аурика с небольшой коробкой для здешних дискет, цилиндрическим футляром. Здесь же помещался секретарь Сварога из девятого стола, прихваченный для облегчения работы. Он и здесь исполнял свои функции с добротной надежностью механизма — судя по нему, его нисколько не занимало и не волновало, что штаб-квартира Сварога на сей раз нахоится в Хелльстаде, он бы и в более удивительных местах держался точно так же.

Сварог на секунду задумался и спросил:

— Интагар, у вас что-то срочное, или рутинный доклад?

— Доклад, государь, — ответил Интагар. — Будь что-то срочное, я бы уже доложил.

— Ну, тогда придется вам еще немного поскучать, — сказал Сварог. — Первой я приму герцогиню Марч, коли уж она уверяла, что открыла что-то крайне интересное, пусть и не срочное, способное подождать до окончания свадебных торжеств... Прошу.

Не утруждая секретаря, он сам распахнул перед девушкой высокую резную дверь, проводил в кабинет, а сам задержался и тихонько бросил секретарю:

— Немедленно разыщите маркиза Оклера и отца Грука, пусть ждут в приемной.

Секретарь грустно сообщил:

— Государь, отец Грук, как бы поделикатнее выразиться, не вполне еще пригоден для государственных дел...

— Ну так приведите сначала в пристойный вид, — сказал Сварог и захлопнул за собой дверь.

Кабинет был помпезный, исполненный самой дурной роскоши, шагать к своему столу пришлось уардов десять. Фаларен, конечно, в старые времена позаботился, чтобы оказывать нужное воздействие на придворных. Сам Сварог с удовольствием подыскал бы что-нибудь гораздо поменьше и попроще — должна же здесь располагаться уйма кабинетов для сановников, в том числе и вовсе незначительных — но не было смысла. З д е с ь он делами

более заниматься не собирався, просто так уж выпало, что иные дела совместились со свадьбой...

Он уселся за необозримый стол из цельной малахитовой плиты и, ничего не говоря, устремил на юную сотрудницу долгий вопрошающий взгляд. Который она по врожденному женскому чутью великолепно поняла. Вскинула глаза:

— Осуждаете?

Ни тени раскаяния на лице красивой тихой смугляной что-то не отражалось. Наоборот, там присутствовала явная строптивость. Незавидная все же доля выпала, подумал Сварог: быть не только командиром, но и воспитателем своих доблестных сотрудников — работников хороших, но со свойственными их возрасту заморочками. Парни ему особых хлопот не доставляли, а вот девичья троица... Впрочем, с Томи, вот счастье-то, пока что никаких хлопот вроде бы не предвидится: по докладу Мяуса, оба гуляют по парку, взявшись за руки, «никого и ничего вокруг не замечая», как выразился хвостатый министр. Вообще-то это тоже грядущие хлопоты, если подумать...

— Я не богослов, Аури, — сказал Сварог. — Просто листал однажды Катберта-Молота, и мне там попало отличное изречение: «Кто ты такой, чтобы судить остальных? Кто я такой, чтобы судить остальных? И по какому праву остальные должны судить нас? Оставим это Богу». В общем, на о том и остановимся. Тем более, у меня есть кое-какие идеи... Давай о деле. Что ты там открыла?

— Собственно говоря, это не я открыла, — сказала Аурика со вздохом облегчения, видя, что воспитательная работа закончена. — Кое-что нашлось в старых архивах, где ему не придавали значения... Видимо, не нашли тогда, как это использовать в практических целях. Я обработала материалы, кое-какие соображения и выводы добавила уже от себя. Видите ли, командир, материалы неопровержимо доказывают, что «спектр», или, как его часто называют, «ореол» у всех разный. Я не конкретных людей имею в виду, конечно. Упрощенно говоря, у ларов ореол один, как и у их чистокровных потомков, у потомков от браков

ларов с земными женщинами — другой, у обитателей земли — третий. И различия в каждом случае слишком велики, чтобы можно было ошибиться или спутать. Вот здесь, — она поставила на стол футляр. — все изложено подробно и научно. Есть даже чертежи датчиков для распознавания... но нет упоминаний, что их сделали. Не было практических целей. Но сейчас, когда зашла речь о дитрых Мастерах...

Ай да девчонка! — подумал Сварог. За одно это должна быть избавлена от любого чтения морали. В самом деле, какими бы там хитрыми технологиями Вингельт сотоварищи ни владел, он не может скрыть одного крайне существенного факта: они л а р ы. Их ушло человек пятьсот, сказал тогда Канцлер, Вряд ли они заключали бы браки исключительно в своем кругу — должны были понимать, что это грозит вырождением. Кто-то из их мужчин должен был жениться на земных женщинах... а кто-то из их женщин, очень возможно, выходил замуж за земных мужчин. В любом случае в них должно быть слишком много от ларов. И если располагать детекторами...

— Чертежи детекторов полные? — спросил он деловито.

— По-моему, да, — уверенно ответила Аурика. — Вот только радиус действия невелик, не более сотен уардов.

Это гораздо лучше, чем ничего, подумал Сварог. Сотня уардов — тоже неплохо. В любой толпе можно распознать Хитрого Мастера, и не нужно для этого никакого колдовства — старуха Грельфи по этому поводу предлагала какую-то колдовскую процедуру, но очень уж сложную и запутанную, да и доступную, кроме нее, единицам старых ведуний. Детектор — совсем другое дело. Ну а там, как учит нас история техники, мощность можно и увеличить, первые радиопередатчики тоже могли передавать с крыши на чердак, не более...

— Аурика, ты молодец, — сказал он искренне. — Я нынче же составляю бумагу Канцлеру, попрошу, чтобы занял этим своих умельцев из Техниона, если выйдет толк, я на тебя целый отдел взвалю... Справишься?

— С вами да не справиться, командир... — она попыталась улыбнуться, но личико оставалось грустным. — Разрешите идти?

Ну конечно, подумал Сварог не без сочувствия. Разлука, прощание и все такое...

— Подожди, — сказал он. — Коли уж со служебными делами все, будем решать вашу проблему. Ты прекрасно понимаешь, о чем я...

— Вы полагаете, ее можно решить? — с грустной улыбкой спросила Аурика. — Это нереально. Мы... мы обдумали все, что только возможно...

— Меня вы в расчет не брали, — сказал Сварог, усмехаясь. — Поискал среди золотых завитушек на торце стола ту, что выполняла функцию звонка секретарю, пару раз ошибся, чертыхнулся, наконец обнаружил нужную. Когда на пороге возник секретарь, спросил: — Маркиза и отца Грука нашли? Отлично, давайте обоих...

Маркиз Оклер вошел с видом крайне настороженным, словно ждал от Сварога какого-то подвоха. Чинно прошагал к столу, чинно уселся, и они, не удержавшись, обменялись с Аурикой такими взглядами, что Сварог уверился: о настоящей любви ему не вдали...

Отец Грук, наоборот, важно шествовал с таким видом, словно ему любое море по колено. Его, сразу видно, кое-как привели в более-менее пристойный вид, но последствия еще давали себя знать. Больше всего на свете, сразу видно, ему хотелось не приема в роскошном королевском кабинете, а что-нибудь вроде черпака доброго нэльга. Сварог жестом указал ему место в сторонке, повернулся к влюбленной, чтоб ее, парочке, смотревшей на него с тревогой и робкими надеждами на некое чудо.

— Ситуацию обсуждать не будем, я надеюсь? — спросил он спокойно. — Мы все трое прекрасно знаем, как обстоит дело. А внести изменения в Брачный Эдикт не может даже императрица — это один из тех случаев, когда придется созывать Законодательную ассамблею, а ее собирают по крайне серьезным поводам, и ради вас, уж простите, друзья мои, длать этого никто не будет... Стоп,

стоп, стоп! Что это вы так пригорюнились? Вы что, никогда не слышали о прорехах в законодательстве и юридических казусах? Серьезно?

— Я офицер, лорд Сварог, — пожал плечами Оклер, на которого было жалко смотреть. — Юридическим крючкотворствам не учен. (Аурика понурилась и вовсе печально).

— А зря, честное слово, — сказал Сварог. — Изучая наши законы, можно найти столько интересного... Вот вы три дня дорогими гостями присутствовали на свадьбе некоей королевской четы, но, ручаюсь, были заняты друг другом настолько, что вам и в голову не пришло подумать: а как такое вообще стало возможным? Почему на свадьбе, не выказывая протеста, присутствуют и принцы, и Канцлер? Да исключительно потому, что новобрачные, — он широко ухмыльнулся, — никаких законов не нарушали. Просто-напросто не нашлось закона, прямо запрещавшего бы подобную свадьбу. Ну, а то, что не запрещено, как известно, разрешено... Ничего, если я буду чуточку многословен? Так вы лучше поймете. Там, — он показал пальцем на потолок, — в Брачном Эдикте, четко прописано, что двоеженство и двоемужество прямо запрещено благородным ларам и лариссам. На земле, кстати, тоже — но это касается исключительно жителей земли. А вот третий его варианта не предусматривают ни земные законы, ни имперские. Чему доказательством, повторяю — только что состоявшаяся свадьба.

— Командир! — прямо-таки умоляющее воскликнула Аурика, прижав руки к груди. — Если вы что-то можете... Не томите душу!

— Хорошо, — сказал Сварог. — Так вот, я несколько часов копался в делах самых разных учреждений и выяснил массу интересных вещей. У нас в Империи насчитывается сто одиннадцать благородных ларов и ларисс — впрочем, теперь уже сто двенадцать, включая мою супругу, — имеющих земное дворянство, носящих земные титулы или придворные звания. Кому-то это понадобилось из чистого тщеславия, кому-то из эксцентричности, но мно-

гие и в самом деле обожают с этими титулами и званиями блистать при дворах земных королей. Главное, законы Империи не запрещают эти титулы и звания принимать. И вот тут-то, из-за того, что закон сух и краток, возникает возможность сделать что-то, что этим законом не запрещено. Как сделали мы. Короче говоря, любезный маркиз, любезная герцогиня... Королева Сегура оказалась так добра, что решила присвоить вам обоим сегурское дворянское достоинство. С присовокуплением каких-то титулов, но я не забивал себе голову деталями... Кроме того, вы, маркиз, если вы не знали, — с недавних пор камергер сегурского двора, а герцогиня — фрейлина ее величества. — Он посмотрел на их ошеломленные лица и откровенно рассмеялся. — Остается лишь, чтобы служитель божий... — он посмотрел в сторону, нахмурился и прикрикнул: — Служитель божий!

Отец Грук, нацелившийся было всхрипнуть, моментально поднял голову и придал себе самое внимательное выражение.

Сварог спокойно продолжал:

— Остается лишь, чтобы данный служитель божий — простите ему некоторую усталость — по всем правилам обвенчал там же, на Сегуре, двух лиц дворянского сословия. Понимаете мою мысль? С этого момента вы будете существовать как бы в двух лицах — имперском и земном. Лично со мной это давно случилось, и никаких неудобств я от этого не испытываю, а вот несомненная польза имеется. Там, в Империи, все остается по-прежнему, но вот на земле, в любом ее уголке, ваш брак будет считаться законнейшим. Поскольку заключен по всем правилам. Конечно, там, — он вновь показал пальцем на потолок, — неминуемо возникнут пересуды, трения... но вопрос в том, боитесь ли вы этого? Мы с моей супругой, как видите, не боимся нисколько. Ну, а со временем могут произойти изменения, ни один закон не вечен... Вы оба еще в отпуске, время ждет... И вимана королевы Сегура ждет у Ворот. Вы согласны отправиться с ней на Сегур? Вместе с присутствующим здесь служителем божьим, три дня назад уже

соединившим должным образом одну пару? Если согласны, поторопитесь, у меня масса срочных дел...

Они вскочили, держась за руки, с таким видом, что ответа не требовало. Маркиз Оклер выдохнул:

— Лорд Сварог, вы гений!

— Да, я и сам иногда чувствую, как на меня что-то такое накатывает... — скромно сказал Сварог, — Пойдемте, друзья, не стоит заставлять королеву ждать...

Он крайне деликатно, но настойчиво выставил так и не пришедшую в себя до конца ошеломленную и ошарашенную пару из кабинета, напутствовав их, что все вопросы решит королева Сегура. Повелительным движением руки отправил следом отца Грука, мимоходом удержав за рукав рясы и грозно шепнув:

— Чтобы к свадьбе быть, как стеклышко!

И кивком головы позвал Интагара. Тот присел у малахитового стола, разложил несколько бумаг из своего футляра и, побуждаемый кивком Сварога, начал с ходу:

— По-моему, мои ребята в Гартвейне поработали как следует. Картина представляется следующая. Корас Вингельт, сорока одного года, обедневший дворянин, последние годы занимался ювелирным делом, что дворянину, как известно, не возбраняется. Владеет достаточно большой ювелирной мастерской с двумя дюжинами мастеров и дюжиной подмастерьев...

Вот оно! — подумал Сварог. Прикрытие крайне удачное. Станки, инструменты, сложные работы, к тому же секретность, которой любой серьезный ювелир окружает свои дела. И если там только с в о и, никто не узнает, что именно мастерит старательный ювелир, — затейливое украшение для местной баронессы или нечто, подпадающее под «Закон о запрещенной технике».

— А нет ли у него знакомых... — сказал Сварог. — Скажем, среди владельцев механических мастерских?

— Я понял ход ваших мыслей, государь, — мгновенно ответил Интагар. — Именно что есть. Владельцы двух крупных механических мастерских, выполняющих сложные, тонкие работы, часовщики, стеклодувы, изготовите-

ли компасов и барометров — за этим тоже можно многое спрятать. Мастера по изготовлению приборов для ученых, аптекарской утвари... Словом, куда ни глянь, мы видим в его постоянном круге общения масеров всевозможных точных работ в самых разных отраслях, людей из Сословия Циркуля и Сословия Совы. Внешне, разумеется, выглядит совершенно безобидно: сплошь и рядом именно такой круг общения образуют люди вышеперечисленных профессий, но, учитывая личность господина Вингельта...

— Г н е з д о, а? — спросил Сварог.

— Я бы не исключал, государь, — кивнул Интагар. — Увы, точной информации нет. Моим ребятам пришлось работать в непростых условиях: город, хотя и провинциарий, не такой уж большой, каждый новый человек на виду, а чересчур откровенные вопросы могут всполошить птичек... Мои люди, правда, выбрали безупречное прикрытие: они — агенты банкирского дома, достаточно серьезного, господин Вингельт просит у них достаточно крупный кредит, и их послали, чтобы втихомолку собрали как можно больше сведений о будущем заемщике.

Такое случается сплошь и рядом, подозрений обычно не вызывает. Тут другое... Очень быстро обнаружилось, что кое за кем из моих ребят, в свою очередь, ведут мастерское наблюдение, по качеству не уступающее работе моих лучших специалистов. Видимо, мы где-то, сами того не заметив, наступили на чью-то мозоль...

— Или они ж д а л и кого-то вроде вас, — сказал Сварог. — Понимали, что вы придете. Они открыто высказали мне в лицо: прекрасно осознают, какая сейчас за ними начнется охота. Так что ваши люди не виноваты — вы же наверняка отбирали лучших... И стоило им где-то появиться, их моментально взяли на заметку. У этих людей, Интагар, опыт п р я т а т ь с я огромный и насчитывает несколько тысяч лет... Да, так что сам Вингельт?

— На самом хорошем счету в городе. Спокойный, незаметный человек, живет, не привлекая к себе внимания (Еще бы — подумал Сварог), пользуется самой хорошей репутацией. Иногда со знакомыми посиживает в кабач-

ке «Золотой вебрь» — заведение приличное, для чистой публики. Ходят слухи, что у него есть любовница...

— Или он сам их втихомолку распускает через знакомых, — фыркнул Сварог. — Человек без малейших слабостей или недостатков в глазах некоторых смотрится еще подозрительнее, чем явный повеса или картежник...

— Да, он и в карты понемногу играет — опять-таки в очень приличном игорном доме, куда кого попало с улицы не пускают. Вообще, мои люди наткнулись на множество таких вот закрытых для постороннего доступа компаний — и в двух кабачках, и в игорном доме, и в «Клубе златокузнецов». Само по себе это еще ни о чем не говорит: солидные люиды сплошь и рядом обособливаются от захожих с улицы. Словом, если смотреть только с внешней стороны, не предупреди вы меня кое о чем, картина вырисовывается, не вызывающая ни малейших подозрений: солидный ювелир, владелец крупной мастерской, благонамеренный подданный, с мелкими страстишками, простительными любому... Да, еще одна у него страсть имеется — охота. При любой возможности ездит в отроги Каталаунского хребта. Часто привозит дичь, все честь по чести...

— В Туарсон?

— Обычно через Туарсон. Вот в эти примерно места, — Интагар показал по карте. — Места не такие уж глухие: там есть пара-тройка деревень, небольшой монастырь... — Интагар многозначительно поднял палец. — Монахов-печальников.

— А это еще кто?

— Монашеский орден из приверженцев Единого с одним из крайне строгих уставов, — сказал Интагар. — Я интересовался. Они там у себя дают обет полного молчания, даже, говорят, в монастыре друг с другом не разговаривают, молятся молча, не пускают к себе на ночлег прохожего-проезжего, разве что он серьезно ранен, ограблен, при смерти...

— Понятно, — сказал Сварог. — Еще одно местечко, где при желании можно укрыть что угодно и кого угодно, а?

— Пожалуй что, ваше величество, — Интагар помолчал и серьезно сказал: — Вообще-то серьезно раненного и ограбленного организовать нетрудно, кровь ручьями будет литься...

— Нет уж, пока подождите, — сказал Сварог столь же серьезно. — Ничего ваш раненый может не увидеть, кроме каморки, куда его поместят сердобольные отцы... Вина, конечно, тоже не пьют?

— Никоим образом.

— Ну, вот видите, — сказал Сварог, — Самое неподходящее место для внедрения. Это вам не какой-нибудь монастырь Катберта-Молота, где всегда найдется пьющий и разговорчивый монах вроде нашего отца Грука...

— Вот и я так думаю, государь. Поэтому мы ограничились тем, что послали людей по его обычным охотничьим маршрутам. У меня там задействовано человек сто, но вы же сами приказали людей не считать...

— И еще раз приказываю, — сказал Сварог. — Под саymi благовидными предложениями, с величайшей осторожностью постарайтесь натолкать в Гартвейн побольше о с е д л ы х, сколько удастся. Самых неожиданных: студента на каникулах, новобрачных в свадебном путешествии... Ну, не мне же вас учить.

— Сейчас подготовлены семнадцать человек «неожиданных», как вы выражаетесь, разновидностей, — сказал Интагар. — Вы не спрашиваете, что с Вингельтом?

— Я примерно догадываюсь, — сказал Сварог. — Он же не идиот, чтобы туда возвращаться. Либо отправился в долгое путешествие по торговым делам, либо задержался на охоте, откуда уже не вернется. А потом, чего доброго, придет известие, что его заporол на охоте матерый вепрь...

— Вот именно. В городе говорят, что он на охоте. Он и раньше выбирался на пару недель, так что никто пока не беспокоится.

— Семья?

— Жена, дочь одиннадцати лет. В доме еще постоянно живет пятнадцатилетний племянник, сын покойной се-

стры. Трое слуг... — Интагар поморщился. — Продувные бестии. Так просто к ним подходы не найдешь.

— Племянник пятнадцати лет... — задумчиво повторил Сварог. — И дочь — одиннадцати. Вот это уже крючочек, а? Племянник может совершенно случайно познакомиться с очаровательной ровесницей, а среди дочкиных подруг затесаться новая... Не делайте столь ханжеского лица, Интагар. Я прекрасно знаю, что вы и агентов с т о л ь нежного возраста используете.

— Ну как же без этого, государь, — сказал Интагар спокойно. — И никого не приневоливаем, конечно. Понимаете, у полицейских и тайных агентов есть малолетние сыновья, дочери, племянники и племянницы... Если их сызмальства заинтересовать р е м е с л о м... Иногда очень полезно выходит. Я обязательно учту все, что вы говорили... И знаете, что мне пришло в голову? Наш Вингельт не может отсутствовать бесконечно и пропасть безвестно, как бродяга на большой дороге. Его отсутствие обязательно надо будет как-нибудь о б о с н о в а т ь. Если в торговой поездке, убит разбойниками. Если на охоте — как вы говорили, запорот кабаном. Жене просто полагается вскоре начать беспокоиться, наводить справки... А то и явится кто-нибудь ей сообщить о смерти мужа. Вот и посмотрим, что она б у д е т делать. Если она совершенно не в курсе мужниных дел, — а такое бывает — поступит, как многие на ее месте, — продаст все, с чем не сможет управляться, и то ли станет мирно жить-поживать на проценты, то ли уедет. А если — в курсе? Если эти мастерские нельзя бросать? Одним словом, хоть какая-то ниточка у нас есть. Агенты в Гартвейне осядут. Наблюдать будем тщательнейшим образом. И подходы к перспективным б о л т у н а м будем искать ювелирнейше. Не может же в е с ь город оказаться в заговоре?

— Да, это было бы уж чересчур, — кивнул Сварог.

— Вот и я не верю...

— А сколько лет жене? — спросил вдруг Сварог.

— Тридцать один.

— Красивая?

— Мои парни говорят, весьма... — Интагар заговорил деловито. — Вы полагаете, государь, следовало бы и ей кого-нибудь... подставить? Репутация у нее вроде бы самая благонамеренная...

— Да нет, я просто из любопытства спросил, — сказал Сварог.

Любопытство тут было ни при чем. Простой житейский расчет. В конце концов, Вингельт — живой человек, а не робот. Нормальный мужик рано или поздно попытается украдкой навестить темной ночью молодую красивую женушку всего-то тридцати одного года от роду. А сделать ему это чертовски просто, коли уж он умеет управлять Древними Дорогами. В комнате на первом этаже, под которой нет подвала, внезапно откроется дверь, за которой виднеются странные деревья, и Вингельт оттуда выйдет, как ни в чем не бывало, а на рассвете тем же образом уйдет. И самые опытные сыщики Интагара не смогут этого засечь... А вот аппаратура Велордерана может, она, в отличие от систем ларов, способна проникать и под крыши, в дома, в комнаты. Вот и придется поставить домик покинутой женушки под круглосуточное наблюдение — все равно роботы не устают. А заодно и несколько других домов, тем, что с точки зрения Интагара, наиболее подозрительны. Самому Интагару об этом, конечно, пока знать не следует — ревностнее работать будет, не зная, что его подстраховывают электронные уши и глаза. В з я т ь Вингельта, конечно, не удастся, нереальная задача, вспоминая, чем кончилась такая попытка в Латеране... но если жена в курсе дел, а то и сама из э т и х, можно будет, пожалуй, услышать что-нибудь интересное.

И приказ Тринадцатому Обезьяну нужно отдать как можно скорее. Неизвестно, сколько времени осталось в запасе. Вингельт достаточно умен, чтобы предсказывать иные ходы Сварога, не все, но некоторые, особого ума тут и не требуется, мало-мальски соображающему человеку ясно, что Гартвейн вскоре будет наводнен агентурой. И Вингельту придется поторопиться, если он опасается, что Сварог вполне может взять его жену в заложницы, как

уже проделал это с Эгле... А вообще-то это мысль... Жена и дочка одиннадцати лет... Опять совесть начнет покусывать, но цыкнешь, в сотый раз напомнив о королевском ремесле, — и спрячется... А ведь это мысль! Нет времени для вдумчивых наблюдений, нет!

— Вот что, Интагар, — решившись, сказал Сварог. — Я вам дам поручение, которого, уж простите, объяснять пока не буду. Постарайтесь как можно быстрее выяснить, есть ли в доме жены Вингельта комната на первом этаже, под которой нет подвала или иного подземелья. Есть или нет. Далее. Я туда отправлю отряд... своих ребят. Нужен пароль, чтобы их начальник сразу признал моего. Устройте это в кратчайшие сроки.

— Сделаю, — лицо Интагара изобразило сложноватую для него гамму чувств. — Хотите ее взять? Думаете, он придет за ней?

— А почему бы и нет? — спросил Сварог холодно. — Не придет за ней — придет за дочкой.

— Комната на первом этаже, под которой нет подвалов... — задумчиво повторил Интагар. — Думаете, это какое-нибудь колдовство?

— Не знаю, — сказал Сварог, чтобы не посвящать своего верного бульдога во все тонкости.

— По-моему, тут другое... — сказал Интагар словно бы в некоторой растерянности. — По-моему, они там через одного лары...

А вот т а к и х подробностей он ни от кого узнать не мог...

— Почему вы так решили? — спросил Сварог жестко.

— Понимаете, государь... Мне не хотелось вставлять это в отчеты, мало ли тут какая высокая политика...

— Интагар, вы служите не высокой политике, а мне, — сказал Сварог. — Не забыли, часом?

— Ну что вы... Может, то все была случайность... Понимаете, сыщик мялся, я из него клещами вытягивал... В общем, Алита Вингельт как раз выходила со двора, и какой-то уличный мальчишка запулил ей из рогатки в спину. Они там не особенно вредливые, не камнями пуляют, а хлеб-

ным мякишем... Так вот, он клянется, что шарик отлетел у нее от спины, будто отброшенный невидимой рукой, а она даже и не почувствовала... — Интагар словно бы замялся. — В общем, я подрядил с полдюжины таких вот сорванцов, дело поручил нехитрое: каждый должен был пальнуть в спину парочке почтенных граждан. Сам не знаю, что меня толкнуло... За каждым шел сыщик. Так вот, удалось им это с десятью человеками. Пятеро вели себя, как обычные люди, — обернулись, пальцем погрозили, постращали, что уши оборвут... а от половины так же точно отлетело...

Гнездо, подумал Сварог. И некогда, учитывая сложную обстановку, его вдумчиво разрабатывать. Нужно тряхнуть Гарвейн, самым решительным образом.

— Ваши люди, конечно же, заметили, от кого именно отлетело?

— Конечно.

Сварог встал (Интагар торопливо поднялся следом):

— Передайте вашим людям, пусть работают по-прежнему. И жду моих.

Едва за Интагаром захлопнулась дверь, он по привычке потянулся к столешнице, забыв, что это не его кабинет в девятом столе и нужных устройств тут нет. Выругался сквозь зубы, без лишней торопливости вышел в коридор. Бросил секретарю:

— Девятому столу — Белая Тревога. Полная готовность. Это не касается только герцогини Марч. Восьмой департамент в полную готовность. Второму манору передайте вот что...

Отдав все приказы, вышел в коридор. Главное — не суетиться, обдумать все холодно и четко. Во второй раз осечки быть не должно... если только он не опоздал.

В коридоре попался навстречу граф Гаржак, с крайне довольным выражением лица.

— Ну как, граф? — спросил Сварог. — Изложите впечатления по-солдатски прямо...

Гаржак блеснул великолепными зубами:

— Если по-солдатски — эта особа может стать украшением любого дорогого борделя...

Сварог усмехнулся:

— Она, часом, не уговаривала воткнуть мне в спину ножик или проделать еще что-нибудь столь же хамское?

— Ну что вы, государь, — серьезно сказал Гаржак. — Не того полета птичка. Серьезная особа. Просто-напросто опять крайне деликатно выспрашивала, доволен ли я своим положением при дворе, как идет служба, нет ли от вас каких притеснений, нет ли на вас каких обид... Приглашала в Лоран погостить.

— Поезжайте, — сказал Сварог, — Глядишь, к тому времени и обиды объявятся... Ну, мы это еще обговорим.

Он кивнул графу и быстро зашагал дальше. Поднявшись на последний этаж, вошел в дверь мимо торопливо отступившего Золотого Истукана, прямоком направился в наблюдательный зал. Плюхнулся в кресло, жестом подозвал ближайшего Обезьяна за номером шесть, подложил перед ним полученную от Интагара подробную карту Гартвейна и кратенько объяснил задачу. Тот проворно уселся за пульт.

Изображение на экране двигалось на высоте колена. Сварог распорядился поднять его повыше. Немоощная, но чистенькая улица, застроенная двухэтажными приличными домиками, сразу видно, принадлежащими зажиточным хозяевам — аккуратные вывески торговых лавок и разных дел мастеров, ни луж посреди дороги, ни бродящих свиней, — ну, как-никак провинциарий... Он сверился с картой — теперь налево и прямо, прямо, не сворачивая...

Вот оно! Первый этаж каменный, второй — из потемневших бревен. Слева — вход во двор, справа — вход в небольшую лавочку под вывеской «Корас Вингельт. Ювелирные работы, починка украшений». Что ж, все правильно: солидные ювелирные заведения, даже в столицах, никогда не стремились к пошлому р а з м а х у — сплошь и рядом помещались в заведениях немногим побольше этого. Но в задних комнатах как раз проворачивались миллионные дела. Специфика ремесла.

Он, конечно, никогда не видел Алиту Вингельт, но по описанию Интагара узнал ее моментально: красивая, ни-

чуть не полноватая брюнетка лет тридцати. Она как раз закрывала ставни в лавочке. Итак, она еще там. Возможно, Вингельт ожидал от Сварога долгой разработки, а не повторения истории с Эгле. Возможно, Вингельт был слишком занят далеко отсюда. Возможно, наконец, этой ночью он ее все же заберет. Но ничего тут не поделаешь: Сварог прекрасно помнил свое поражение. Чтобы тщательно подготовить серьезную операцию, нужны как минимум сутки. Даже если Вингельт опередит, он не заберет с собой весь Гартвейн — и быть не может, чтобы там не осталось никого и ничего **интересного**.

Ну и, наконец, смеркалось. Вскоре Золотые Шмели должны уйти в Токеранг — а наблюдать их глазами, пожалуй, еще важнее, чем устроить на Вингельта охоту с живцом...

Глава V

СЮРПРИЗЫ И НАХОДКИ

С сумерками Вентордеран покинули все посторонние — и королек из Вольных Маноров, ухитрившийся и за третьим застольем переправить в карман золотую ложку, и бережно погруженный в виману Мары отец Грук. Яна со Сварогом остались в одиночестве перед огромными экранами, в окружении Золотых Обезьян и Мяуса, скромно притулившегося в уголочке, как и положено министру тайной полиции.

Началась разведка — крайне неспешная, осторожная, без всяких попыток лихого кавалерийского наскока. Они не разговаривали об этом, но по глазам было видно, что и ему, и ей хотелось именно лихого рывка под землю целых эскадрилий. Пришлось эти мысли безжалостно гнать.

Сначала десяток Шмелей проник внутрь, пролетел над осыпью, и, держась над облаками обстоятельно и подробно рассмотрел укрепления, прикрывавшие осыпь. Все подтвердилось: и десяток рядов колючей проволоки, и коробчатые броневики, и зенитные орудия были установлены исключительно для того, чтобы в случае чего не выпустить в туннель с о и х беглецов — пеших или на вертолетах. Вторжения извне никто, сразу видно, не опасался.

С н а р у ж и никто не ждал сюрпризов. И никто не отреагировал на крохотных соглядатаев. А потому их станови-

лось все больше — они, опять-таки не особенно спеша, вереницами проникали все глубже в Токеранг, рассыпались веерами, счет маленьким шпионам уже пошел на сотни. Это продолжалось часа два, пока последние не достигли противоположного конца пещеры, уже в Заречье. Под каменным небом, над серыми облаками, закрывавшими едва ли не две трети здешнего «небосклона», повисли сотни крохотных, в полпальца, золотых соглядатаев. И никто их пока что не замечал, так что уже, видимо, не следовало подозревать какой-то коварный умысел токеретов — впустить, например, всех и уничтожить разом. Никто не пытался нащупать их радары, самолеты в воздух не поднимались. Правда, в несольких местах Шмели зафиксировали радиопереговоры, но они, тут же переданные в Центр, касались исключительно происходящего на земле: рутинные переговоры каких-то сторожевых постов, донесение о выходе какого-то каравана, о выпуске очередной партии продукции (о чем шла речь, не уточнялось)

Еще часа через полтора Сварог с Яной имели о Токеранге довольно точное представление — хотя, конечно, понять предназначение многих зданий было трудновато.

Почти все примыкавшее к морю Заречье — добрая четверть Токеранга — представляла собой сплошную промышленную зону: скопища зданий, по величине и форме несомненные заводы и фабрики, странные купола, соединенные крытыми переходами, высокие усеченные конусы. Создавалось впечатление, что часть всего этого хозяйства упрятана под землю: один раз прекрасно было видно, как прямо посреди квадратной бетонированной площадки раскрылся двустворчатый люк, и оттуда, из освещенного туннеля, потянулись крытые грузовики.

Самый большой в пещере город располагался на полдень от скопища заводов, достаточно далеко по здешним меркам. Уже потом, когда отозвали всех Шмелей и стали просматривать записи, Сварог с Яной пришли к выводу, что выглядит город довольно современно, гораздо больше похожий на существовавшие до Шторма, чем на нынешние земные. Самое большое здание, практически в цен-

тре, хотя и выглядит в точности как иные «доштормовые», окружено высоченной стеной с частыми башенками, откуда торчали стволы то ли пулеметов, то ли малокалиберных пушек, а в одном месте, у самой стены, расположился аэродром с двумя десятками вертолетов, прекрасно знакомых Сварогу по первой встрече. Самое большое здание в стране, сразу видно: с парками, озером, расположенными вдоль стены зданиями казарменного вида, в каких обычно располагается охрана или придворные гвардейцы. Точно известно, что еще несколько лет назад здесь правил какой-то король. Если монархия по-прежнему благоденствует, это и есть королевский дворец. А если ее кто-то сверг, то победители, несомненно, разместились здесь, в бывшем дворце, удобства и безопасности ради — удачливые мятежники обычно так и поступают.

— Обратила внимание? — спросил Сварог. — Это ведь определенно столица. Но что-то никаких признаков развеселой ночной жизни — ни вывесок горящих, ни рекламы. Да и машин почти нет. То ли они тут такие уж аскеты, то ли комендантский час действует...

Потом они насчитали еще восемнадцать городов, городков и городишек — полдюжины современностью построенек напоминали столицу, а вот остальные больше походили на крупные дворянские поместья — с могучим замком посередине, гораздо более скромными домами вокруг и скопищем лачуг на окраинах. И виселицы были замечены не в одном маноре. Получалось какое-то причудливое сочетание современных технологий (сеть автострад, колонны грузовиков, «зона» заводов) и тут же поместья, мало чем отличавшиеся от земных. Разве что на земле давненько уж короли отобрали у магнатов «право на виселицу и плаху».

— Удивительное сочетание... — протянула Яна.

Сварог покосился на нее, но благоразумно промолчал. Хотя мог бы сказать, что знает не менее причудливое сочетание: заоблачные замки с высокими технологиями и натуральнейший феодализм на земле. В конце концов, не она это придумала...

Он попытался было пересчитать однотипные самолетные ангары, но спохватился, что это можно прекрасно перепоручить Обезьянам. Буквально через минуту был получен точный ответ: триста. Даже учитывая крохотные размеры самолетов, в о в н у т р е н н е й войне было бы форменным идиотизмом их использовать, для усмирения мятежей, о которых смутно упоминалось — слишком много. И никак не похоже, чтобы здесь имелось д в а государства. По всему выходило, что эту армаду собираются использовать с н а р у ж и. Для того и туннель.

Шмели, к сожалению, не могли заглянуть в исполинский по здешним меркам ангар подводных лодок, расположенный под самым потолком пещеры. Слева, наискосок, наверх вела широкая дорога, заканчивавшаяся на огромной площадке — но там обнаружилось шесть высоких ворот, кажется, металлических. Впрочем, что там расположено, и так прекрасно известно...

— Ну вот, — Яна, не удержавшись, зевнула (стояла уже поздняя ночь). — Великая тайна древности раскрыта. Теперь бы догадаться еще, ч т о с ними сделать...

Сварог промолчал. Идеи-то у него были, и не самые глупые — но вот последствия...

— Пойдем спать, — сказал он. — Утро вечера мудренее.

Оба изрядно устали, в Вентордеран идти было просто лень, и они направились в свою спальню для новобранных, все еще убранную роскошными цветочными гирляндами. Яна блаженно вытянулась в кресле, прикрыла глаза. Сварог сидел в соседнем и обдумывал кое-какие подходы.

— Послушай, — сказал он негромко, — а этот твой Древний Ветер на что-нибудь такое... способен?

— Со в с е м Токерангом я справиться не могу, — сказала Яна, не открывая глаз. — Сбивать самолеты поодиночке, рушить здания, опять-таки по одному... Видишь ли, Древний Ветер — никак не б о е в а я магия, скорее защитная. Против нечистой силы, против зла. — По-моему, там в пещере — натуральное зло...

— Все равно, я многое могу, но чтобы справиться с целой страной...

Ну да, все, как обычно. Подумал Сварог. Пресловутые примечания мелким шрифтом, сводящие большинство способностей на нет или загоняющие их в узкие рамки. Сначала сторяча кажется, что ты всемогущ, а потом выясняется, что по-настоящему великие маги существовали в незапамятные времена, в седом прошлом — да и то, если не наврали сказители...

— Вообще-то я могла бы запечатать туннель, — сказала Яна. — Надолго и надежно. Будет нечто вроде невидимой неодолимой стены, о которую разобьется любой самолет...

— Нет уж, не будем экспериментировать, — сказал Сварог решительно. — Меня одно беспокоит: если у этих поганцев есть ядерные технологии, может найтись и что-нибудь для бактериологической войны. У нас есть от нее средства?

— Я даже плохо и представляю, что это за война, — сказала Яна. — Нужно будет поговорить с Канцлером... Или с военным министром...

Взрывчатку бы, подумал Сварог. Тонн несколько. Взорвать ее так, чтобы воды Итела хлынули в пещеру, и получится Всемирный потоп в отдельно взятой местности. Но в Хелльстаде взрывчатых веществ нет, взрывчатка ларов здесь работать не будет, а обычного земного пороха понадобится столько... Но это все вторично, главное в Горроте...

Потом мысли как-то незаметно перетекли на другое. Он подумал, что зря в очередной раз поддался глупому мушкетерству. Решил б р а т ь Гартвейн своими собственными силами. Как ему это поначалу представлялось? Окружить город несколькими полками (неподалеку от тех мест просив Горрота на всякий случай сосредоточена серьезная группировка, в основном гвардия и конница Гарайлы). Пара сотен агентов Интагара, опытных полицейских, спецназы восьмого департамента и девятого стола лихим налетом врываются в город и берут тех, кого Ин-

тагар про я в и л как ларов, другие занимают все мало-мальски подозрительные мастерские и прочие заведения. Сначала это показалось неплохой задумкой, но потом он совершенно точно понял, что не справится с о и м и силами. Гартвейн — не такой уж большой город, но и не маленький, сил недостаточно, к тому же те, кто будут обыскивать, совершенно не представляют, что им искать (как и сам Сварог, кстати). Ну, а вдобавок он своими глазами видел, как хватко Хитрые Мастера умеют уходить Древними Дорогами.

Так что предстоит, не балуясь излишним гусарством, завтра же идти к Канцлеру. Вот Канцлер сможет поднять такие силы...

...Конечно, как и признавался Канцлер, его Технион Магистериум заметно уступал — не полтора десятка плававших в пространстве громадных зданий, а всего три. Однако Сварог подозревал, что интересного здесь ничуть не меньше, чем в Магистериуме...

Они шагали вдвоем по широкому серому коридору, иногда попадались двери с надписями, которые Сварог по своему научному невежеству даже и не пытался прочитать за исключением «лаборатории» или «зала». Должно быть, прекрасно понимая такие тонкости, профессор Марлок, встретивший их с Канцлером на причале, и не пытался давать ему пояснения. Сварог украдкой покосился на него — профессор чем-то неуловимо походил на Канцлера: такой же кражистый, основательный, солидный. Представляясь, он с деланной небрежностью пробормотал: «Ну и, разумеется, лорд и граф...» Вот только, в отличие от Канцлера, короткие густые усы и стриженные ежиком волосы были совершенно седые (хотя он выглядел не настолько уж старше Канцлера). Очень представительный ученый муж, в светло-сером глухом мундире с перечеркнутой золотым зигзагом шестеренкой на левом рукаве повыше локтя (над главным входом в Технион красовалась та же Эмблема) и обильным золотым шитьем не только на плечах, но и словно образовавшим некий нагрудник. Судя по этому обилию, Марлок занимал здесь

достаточно высокое положение, если вообще не был главой Техниона — он не назвал свою должность, когдазнакомился. Однако практически все, встречавшиеся им на пути, шитьем таковым украшены были не в пример скромнее, а то и вовсе скупое, да и приветствовали профессора крайне почтительно...

— Я не стал приглашать Яну, — сказал Канцлер, не оборачиваясь к Сварогу. — По этому поводу... Очень не хотел бы, чтобы вы полагали, будто я снова что-то от нее скрываю. Я давно уже ничего от нее не скрываю, она достаточно повзрослела. Просто... Согласитесь, она ничего не понимает в э т и х вещах. Профессору пришлось бы потратить неизвестно сколько времени, объясняя ей то, что вы и так знаете. — Он скупое усмехнулся: — Вы-то другое дело, вы у нас первый за пару тысяч лет командир боевой подлодки... Первый подводник Империи....

— Есть еще Оклер с его Морской бригадой, — сказал Сварог.

— Ну, во-первых, они приступили к делу гораздо позже вас, а во-вторых, их «ящеры» очень многим отличаются от подводных лодок. Так что... Вы понимаете мои мотивы касательно Яны?

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— Буквально через несколько дней я непременно устрою расширенный осмотр, — сказал Канцлер. — Императрица, военный министр, еще несколько человек, чьи служебные интересы это задевает. А пока лучше будет, если мы осмотрим все только втроем... и обсудим кое-что предварительно... Сюда, профессор, насколько я помню?

Профессор кивнул и распахнул дверь слева — на сей раз не с исполненной зубодробительной научной мудрости табличкой, а просто-напросто большой цифрой «7», нарисованной на сером металле красной краской.

За дверью обнаружился внушительный зал. Ни единого человека там не было, зато имелась масса интереснейших вещей. Слева, на двух невысоких стальных подставках каждая, стояли две подлодки токеретов, аккуратнейшим образом разрезанные пополам в длину —

этакое идеально выполненное наглядное пособие. Вдоль трех тянулись столы, заваленные то маленькими предметами, то большими — и каждый стол был снабжен освечивающей фиолетовым огромной линзой на черном штативе.

— Это конечно, чисто демонстрационный зал, — сказал профессор. — Я думаю, господа, вам и самим было бы неинтересно бродить по лабораториям, где все это исследуется? Мне пришлось бы давать массу объяснений, а вам это, собственно, ни к чему, вам нужны результаты... Итак... Вот эта р ы б к а, лорд Сварог — та, что вы нашли в Гиуне. Точности ради, та, которую сто двадцать лет назад потопил Асверус с помощью самых примитивных приспособлений. Черт меня побери, дерзкий все же был юноша — вот так, очертя голову, с пороховыми бочонками бросаться в неизвестность... А эта — из тех трех, что Оклер совсем недавно потопил возле Дике. Присмотритесь. Чувствуете заметную разницу?

Сварог присмотрелся. Разница, и правда, бросалась в глаза. Та, первая, напоминала скорее остроносый цилиндр, и рубка у нее выполнена гораздо топорнее, что ли. Да и винт какой-то архаичный. Вторая выглядела гораздо изящнее и совершеннее: бульбообразный нос (значит, рассчитана в основном на подводное плавание), и винт ничуть не выглядит музейным, и рубка длиннее, красивой обтекаемой формы (а не смахивает на консервную банку, как у первой), и рули глубины другие...

— Ну что же, — невозмутимо сказал профессор. — Очередное доказательство того, что ничем не стесненный технический прогресс не стоит на месте. Вторая — гораздо совершеннее во всем, что ни возьми. Гораздо более совершенный реактор, обеспечивающий, по расчетам, втрое большую автономность. Электроника на несколько порядков выше, как и вся аппаратура. И уж тем более — оружие... Взрывчатое вещество, которым снаряжены торпеды у второй, при том же объеме обладает примерно вчетверо большей мощностью. Может представлять нешуточную опасность для любого вашего военного ко-

рабля, к о р о л ь Сварог... впрочем, я слышал, вы видели их в действии?

— Видел, — кратко ответил Сварог.

— Перейдем к ракетному вооружению, которым обе лодки оснащены, — тоном опытного лектора продолжал профессор. — Здесь также наблюдается серьезный прогресс. Ракеты первой лодки почти неуправляемы и снаряжены той же взрывчаткой, что и торпеды. А вот с современными обстоит гораздо интереснее... Ракеты крылатые, управляемые, но не это главное. Я специально распорядился в качестве наглядного пособия оставить именно эту из трех, добытых Оклером. Обратите внимание: если у «старой» и двух других — вот снимки — ракеты установлены вертикально, числом от четырех у старой и до двенадцати у новых, то здесь, если вы хорошенько присмотритесь, обнаружите нечто совсем другое... Ваши соображения? Лорд Сварог, вы военный...

— У нее о д н а крышка ракетного люка, — сказал Сварог. — А не четыре и не двенадцать. И выглядит все так, словно одна-единственная ракета там находилась в горизонтальном положении. Перед стартом ей, надо полагать, придавали вертикальное положение... не берусь судить, подводный должен быть старт, или им приходится всплывать... впрочем, возможен и подводный, при условии достаточной герметичности отсеков... — и только теперь до него дошло окончательно. — Р а з м е р ы! Она вполне может оказаться ядерной. А ядерное оружие у них есть. Длинной уарда в три, не меньше... Вполне достаточно для компактного плутониевого заряда... А сама ракета?

— Отсек был пуст. — сказал профессор Марлок. — Видимо, никто им не ставил соответствующего задания... К счастью для обитателей земли.

— Ну, вот уже две недели, как ни одно ядерное устройство, где бы ни было выпущено на Таларе, не взорвется, — с оттенком самодовольства сказал Канцлер.

— Мне это прекрасно известно, — ответил профессор с какой-то нехорошей вкрадчивостью. — Вы не забыли, что я принимал самое активное участие в этом проекте? Но вот

беда, Канцлер... Вам интересно и дальше рассматривать внутренние интерьеры лодок? Ах, абсолютно неинтересно? Мне тоже. Тогда пойдемте вон к тому столу. Там ракеты. Увеличительное стекло сдвиньте куда-нибудь в сторону, оно тут совершенно ни к чему, ракеты достаточно велики, чтобы их можно было рассмотреть невооруженным глазом... — он подвел их к столу, на котором лежало десятка три поблескивающих трубок длиной примерно в полумарда и стояли конусы высотой в ладонь. — Вот, извольте. Топливо, конечно, слито, боеголовки разряжены... Так вот, интересный факт. Касаемо тех трех, потопленных Оклером у Диори. Та, что вы видели — с пустым отсеком, предназначившимся для одной-единственной ракеты. Ракеты второй были заряжены сплошь взрывчаткой. А вот с третьей получается вовсе уж интересно. Все ее боеголовки мало напоминают обычные. Изготовлены из гораздо более тонкого сплава, мало того, сплошь, как паутиной, покрыты правильной сетью канавок. Взрыватель тем не менее столь же мощный, при взрыве такая головка должна разлететься на мельчайшие кусочки... впрочем, по некоторым наблюдениям, никакого «попадания» могло и не быть, есть версия, что взрыватель должен был сработать еще в воздухе. И содержимое — разбрызгаться на большой площади. Именно что разбрызгаться. Все боеголовки были наполнены белой маслянистой жидкостью. О, ничего опасного. Мы с соблюдением всех предосторожностей проверили. Все двенадцать боеголовок заполнены безобиднейшей эмульсией на основе одного из растительных масел, чтобы она причинила вред человеку, он должен выпить единым духом ведро... А вот э т о какие у вас вызывает ассоциации, господа мои?

Канцлер смотрел на него с величайшей озадаченностью. А вот Сварог... Он уже думал об этом несколько раз, и потому у него чуть ли не моментально вырвалось:

— Бактериологическая война!

— Вот таковы и мои подозрения, лорд Сварог, — сказал профессор. — Кое-кто не сразу понял, с чем имеет дело, но такой уж у меня конек — история военного искусства...

— Подождите... Позвольте... — протянул Канцлер (Сварог подумал, что впервые видит его таким растерянным). — Но ведь это — н а с т о л ь к о древняя история...

— Для нас, — хладнокровно сказал профессор. — А для них, как видите, — он кивнул на стол, — самая что ни на есть современность. И н а ч е такие штуки я просто истолковать не могу.

— А почему не газ?— спросил Канцлер. — В конце концов, при нападении на Батшеву...

— Мои компьютеры провели все возможные анализы, — сказал профессор тихо. — Ни один газ, сгущенный, сжиженный не может быть приведен в состояние такой вот субстанции. А вот культуры бактерий — вполне...

— Подождите, — судя по всему, Канцлер никак не желал сдаваться. — Может быть, они готовились к испытаниям... И эта мерзость как раз и имитировала отравляющий газ?

Профессор покачал головой:

— Исключено. Газ — пусть безобидная имитация боевого — должен р а с п р о с т р а н я т ь с я. Иначе и нет смысла в испытаниях. А это... Когда мы разобрались, с чем имеем дело, пустили одну такую ракетку на втором полигоне. Взрыв боеголовки оставляет шар микрокапелек диаметром п р и м е р н о в пять уардов. Они очень быстро оседают на землю, никуда не «распространяясь»...

— И начинают размножаться... — машинально перебил Сварог. — Размножаться...

— Совершенно верно, — покосился на него профессор не без одобрения. — Скорость размножения может быть очень и очень велика — мы же не знаем, какие штаммы вывели их специалисты... — он продолжал тихо и словно бы печально. — Кажется, они нашли наше уязвимое место, Канцлер. Это средство блокировки ядерных взрывов мы смогли наладить в кратчайший срок — потому что были специалисты, не забыты технологии, военный министр человек запасливый, как все военные — мало ли для чего может пригодиться — держал их не в самом дальнем углу арсеналов... Здесь же... Я проверял материа-

лы обо всем, что касается бактериологических войн, придется неизвестно сколько времени собирать по крупицам по самым разным архивам, бактериологов у нас можно пересчитать по пальцам — и то в Магистериуме, у меня их вообще нет — развернуть лаборатории в кратчайшие сроки не представляется возможным. Средства защиты нам быстро не разработать.

— А ошибаться вы не можете, Марлок?

— Очень хотелось бы, — грустно усмехнулся Марлок. — Боюсь, не получится... Все, абсолютно все указывает не на газ, а на бактерии.

Сварог видел, каких усилий Канцлеру стоило взять себя в руки.

И не мог его за это не уважать.

— Но ведь н а м это не может угрожать? — произнес он спокойным голосом. Слишком спокойным.

— Если успеем вовремя эвакуироваться, — сказал профессор. — А вот если какая-нибудь сволочь, связанная с теми, внизу — вы понимаете, о ком я — разобьет несколько пробирок з д е с ь? Впрочем задолго до того, как на земле начнутся... события? На Мистериору у меня, честно говоря, никакой надежды нет — это, по большому счету кунсткамера...

— И что вы предлагаете? — спросил Канцлер.

— Я? — Марлок пожал плечами. — Да единственное, что здесь можно предложить: создать особую группу и лихорадочно искать, что удастся. Нет микробиологов? Попробуем поискать среди медиков людей, способных в данной ситуации оказаться полезными. Постараться в кратчайшие сроки подготовить группу, способную бороться с эпидемией, если она вдруг возникнет. Примерно так. И знаете... Будь у меня сейчас под рукой вернейшее средство уничтожить Токеранг дочиста, я бы им не воспользовался. Если при этом будут разрушены их бактериологические лаборатории, неизвестно, что оттуда может вырваться. Мало того, что-то уже может находиться не в самом Токеранге, а на их базах, которые вы так и не обнаружили. Или в Горроте. Г о л о в а всего предприятия

там, а не в Токеранге, я уверен (судя по всему, профессор был осведомлен обо всем). А кое-какое время, кстати, у нас есть. На месте токеретов я не предпринимал бы никаких масштабных акций до того, как они приобретут нормальные размеры. Помните, мы обсуждали все это и многое другое? И наконец, нам совершенно неизвестно, что они хотят. Истребить или просто прогнать с планеты нас? Уничтожить все живое на земле, чтобы занять освободившееся место? И что хотят эти, из Горрота? Переворота здесь? Части власти? Талар в собственность? Лично я не уверен, что токереты им нужны как равноправные партнеры — не та компания собралась в Горроте. Скорее уж Токеретов используют как подручное средство, как пугало, а потом...

Сварог с удивлением услышал свой собственный голос:

— Но ведь должны обязательно последовать какие-то переговоры, угрозы, шантаж...

— Весьма даже не исключено, — благосклонно кивнул профессор. — Не исключено... Кстати, они должны опасаться — уж простите, Канцлер — в первую очередь вас, лорд Сварог. У вас в Хелльстаде есть что-то, способное моментально уничтожить Токеранг?

— Нет, — сказал Сварог, чувствуя на себе внимательный взгляд Канцлера. . .

И подумал, что он, строго говоря, не соврал: у него и в самом деле не было ничего, способного моментально уничтожить Токеранг.

— А они могут это знать точно? Особенно после того как вы перехватили и уничтожили их подарочек?

— Пожалуй, нет.

— Вот видите, — усмехнулся профессор Марлок. — Что нам дает лишний шанс. Возможности ларов им прекрасно известны. Ваши — практически неизвестны. Так что не завтра и не послезавтра нам посыплются на головы бактериологические бомбы, господа мои... Есть запас времени, и нужно его использовать. Люди вы бывалые, в истерики впадать не будете, да и я не из истериков... Давайте работать.

Судя по его взгляду и нетерпеливым движениям, он уже наметил себе какие-то планы и рвался их выполнять. И выпроваживал их недвусмысленно. Но все равно Сварог субординации ради дождался, пока Канцлер откланяется первым.

В браганте они долго молчали. Наконец Сварог осторожно спросил:

— Он когда-нибудь ошибался?

— Во всем, что касалось работы — никогда, — не поворачиваясь к нему, ответил Канцлер. — Лорд Сварог... Я так понял, в том мире, откуда вы... пришли, в т а к и х вещах разбираются гораздо лучше?

— Пожалуй.

— Это действительно настолько реальная угроза?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Если у них есть свои физики-ядерщики, почему бы не найтись микробиологам? Это, кстати, вышло бы дешевле и проще. Создание ядерной бомбы требует во много раз больше энергии и трудов, чем разведение микробов в пробирках... но как получилось, что вы об этом забыли?

— Так уж получилось, — с вымученной улыбкой сказал Канцлер. — С самыми опасными болезнями покончили давно, а для многих научных дисциплин у нас просто не хватает людей. Есть немало перспективных направлений в самых разных областях, закрытых исключительно оттого, что у нас не тысяча ученых, а сто... А давать необходимые знания антланцам... Мои предшественники считали, что этого делать не следует — ну, разве что единицам... Я не собираюсь их осуждать или давать оценку их действиям. Они поступали, как считали нужным, вот и все. Ну, в любом случае какое-то время у нас есть... Лучше скажите, как ей э т о удалось?

Сварог усмехнулся про себя. Они с Яной подробно обсуждали нынче ночью то, о чем сейчас говорил Канцлер. Сварог не хотел засвечивать свой Центр, как и Арсенал, а Яна считала: поскольку Канцлер в свое время немало от нее скрывал, не грех и ей, в свою очередь, ответить тем же. В рамках большой политики и интриг императорского

двора. Так что Канцлер получил подробную карту Хелльстада и все сведения о туннеле — но ни о каком Центре, ни о каких Золотых Шмелях и речь не шла, боже упаси. Карту Сварог старательно перерисовал с экрана компьютера, а Канцлеру объяснил, что все это — результат пущенного Яной в ход ясновидения. В рамках внезапно проснувшегося в ней целиком Древнего Ветра. В ответ на неизбежные вопросы, пожимая плечами и недоуменно тараща глаза, объяснил, что представления не имеет, как она это делает. Ну вот так как-то входит в транс, что ли, бледнеет, закаменеет лицом, таращится в никуда совершенно жуткими глазами и ее рука сама чертит по бумаге... Канцлер, впрочем, особо не допытывался — поскольку знал о Древнем Ветре еще меньше Сварога, который и сам знал самую капелюку...

— Интересно... — задумчиво сказал Канцлер. — А может она увидеть, что творится в Горроте? В этом их Центре?

Сварог пожал плечами:

— Сам Центр она, может, и увидит, но вот что происходит внутри... Во всяком случае, ей было не под силу увидеть, что происходит внутри домов в Токеранге... Да и потом... Мне вот пришло в голову... Ветер Ветром, а девушки девушками. Если они не получили технического образования, тут, по моему, никакое ведовство не поможет. Предположим, она что-то увидит. И опишет нам это так, как видит о н а: большой черный ящик, мигая синими огоньками, вертит золотыми зубчатыми колесами... Много мы поймем?

— Пожалуй, вы правы, — со вздохом сказал Канцлер. — Ничего не поймем... — он тяжело вздохнул сквозь зубы. — Самое скверное, что мы н и ч е г о не знаем...

— Знаем кое-что, — сказал Сварог. — Я вот, например, знаю, где расположен один из приютов Хитрых Мастеров.

Такого он никак не ожидал от Канцлера, образца выдержки и хладнокровия: Канцлер резко развернулся к нему, сгреб за лацкан камзола и прямо-таки прорычал в лицо:

— Не шутите такими вещами! Только сейчас этого не хватало!

Впрочем, он тут же опомнился, убрал руки и сказал глухо:

— Извините...

Сварог и не думал обижаться. У всех нервы. Особенно сейчас.

— Я нисколько не шучу, Канцлер, — сказал он серьезно. — Моя тайная полиция отработывала один след... И он привел их напрямик в Гартвейн. Там еще вчера преспокойно обитали в своем доме жена и дочь Вингельта. Вполне возможно, он долго не был в Туарсоне и попросту не знал, что тамошний староста из житейского практицизма мне его заложил. И еще там живет некоторое количество достаточно странных людей. Странных хотя бы тем, что, если им выстрелить в спину из рогатки, шарик отлетает в точности так, как это происходит с ларом... И многие из них владеют механическими мастерскими... Интересно, правда?

...Старая Матушка вошла со своим обычным величественным видом, но тратить время на чопорные приветствия не стала, попросту медленно склонила голову и присела к столу — что для нее, скрупулезно соблюдавшей этикет, было чуточку странно.

В одной руке у нее был привычный посох, знакомый всем и каждому, но вот в другой — картонный тубус, в каком художники носят эскизы. Что было еще более чем странно: особа старой закалки и невероятного гонора, носовые платки и те за ней камеристки носили...

— Скверные дела, брат мой король, — сказала она просто. — Действительно, Табарций по пустякам беспокоить не станет...

— Что случилось? — спросил Сварог тихо.

— Вернулись два моих корабля от одного из необитаемых островов Девайкира. Какие-то у них там были дела...

Сварог понятно кивнул и промолчал — эти острова уже которую сотню лет были отличной перевалочной базой для контрабандистов, все это знали, но в прилич-

ном обществе говорить об этом было не принято: еще и оттого, что в старые времена многие этим ремеслом заложили основу фамильных состояний. Да и теперь иные высокородные аристократы не считали для себя зазорным вступать пайщиками в подобные предприятия, а иные, помоложе и удалее (главным образом не имевшие права на наследство младшие сыновья) и самолично «учились морскому делу» на этих именно корабликах. И разведки имели там свой интерес, и, что греха таить, иная корона...

— Глубокой ночью они стояли на якоре у берега, на фоне густого леса их было совершенно не видно с моря...

Сварог и тут ограничился понятливым кивком. Либо стружали товар, либо принимали, либо притаились на всякий случай, опасаясь проплывавших поблизости более сильных конкурентов. Такова уж специфика ремесла, что в случае чего в полицию никак не побежишь — а немного облегчить трюмы конкурента считается не столь уж и предосудительным делом — главное, чтобы не было лишнего пролития крови, вот это у серьезных людей не приветствуется...

Корабль, конечно, был выкрашен в темный цвет, с темными парусами — встретив в море такое судно, опытные капитаны прекрасно понимают, что к чему, но нет законов, предписывающих, в какой цвет можно красить корабль и паруса, а в какой нельзя...

— Где-то ближе к полуночи они увидели подводную лодку токеретов, — будничным тоном сказала Старая Матушка.

Ничего удивительного, в эту тайну она была посвящена, как и все заместники Сварога. Что-то ему эта история напоминала... Ах да! Он обернулся к полке, после недолгих поисков выдернул толстый морской атлас, быстро нашел нужную страницу:

— Они показали, где это было? Уж моряк-то такие вещи должен знать точно...

Присмотревшись к Карте, Старая Матушка уверенно показала безупречно наманикюренным ногтем:

— Вот здесь, в этой бухте.

Карта была крупного масштаба, вся страница отводилась островам Девайкир, и Сварог моментально вспомнил, моментально узнал место... ну, п о ч т и то же самое место. Немаленький остров изрезан многочисленными бухточками, удобными для стоянки и кренгования (за что любим и контрабандистами, и честными моряками). В одной из таких бухточек, разве что десятком лиг полнее, подлодку токеретов и увидели моряки с ронерской бригадины «Косатка», из глупого азарта кинулись в погоню, и подлодка, вместо того, чтобы погрузиться, их потопила...

Сто двадцать лет прошло, а токереты по-прежнему крутятся у того острова? Нужно будет попросить Оклера, чтобы осторожненько поискал: вдруг у них там база...

— Никто из них не знал, конечно, что это такое, — продолжала Старая Матушка. — Они просто насмерть перепугались, видя такое «чудище» — мудрено было бы его не заметить... Когда они вернулись, принялись болтать по кабакам, и в каком-то из них оказался человек Табарция. Табарций по своей милой привычке, — она тонко улыбнулась, — взял всех до единого, допрашивал поодиночке, но все описывали примерно одинаково — нашлась там парочка, которая добавляла вовсе уж фантастические детали, явно почерпнутые из морских легенд, но, если их не считать, девятнадцать человек описали очень точно. Художник рисовал строго с их слов...

Она сняла крышку тубуса, вытянула лист, развернула и подала Сварогу. Действительно, никакой ошибки: в надводном положении шла натуральнейшая подлодка токеретов, как две капли воды похожая на те, что потопил Оклер, и перед рубкой, у спаренного орудия стояли трое в плащах с капюшонами.

— Это ведь они? — спросила Старая Макушка с вежливо скрываемым любопытством.

— Они самые, — сказал Сварог. — Доподлинные... Вот только морячки попались какие-то трусоватые...

— Почему?

— Зрелище, конечно, странное и диковинное, — сказал Сварог. — Но я не помню, чтобы хоть кто-то раньше, рас-

сказывая о подлодках, неважно, морской или сухопутный, сравнивал их с чудищами...

— Я полагаю, было от чего испугаться, — сказала Стара-я Матушка спокойно. — Я не сказала главного, ваше величество. Она была длиной не менее ста двадцати уардов. У моряков глаз наметанный, они прекрасно умеют определять расстояние и размеры. У них были два обычных гукора, уардов тридцати в длину, не больше, и когда мимо проплыла такая громадина, она, конечно, показывалась им чудищем, как, возможно, и мне на их месте...

— С т о д в а д ц а т ь? — спросил Сварог севшим голосом.

— Они все клянутся, что никак не меньше. Даже те двое, что расцветивают разными фантастическими подробностями. Не менее ста двадцати.

Вот это был сюрприз, от которого в ушах звенит. Судя по рисунку — натуральнейшая подлодка токетеров, но не менее ста двадцати уардов длиной... Значит, н а ч а л о с ь? Значит, у них уже есть как минимум одна н о р м а л ь н ы х размеров? Настоящая океанская субмарина с вооружением соответствующих масштабов..

В первый миг его охватила злость: куда смотрели орбиталы-наблюдатели Морской бригады? Ему клялись, что они способны засечь любую подлодку токеретов на предельной для нее глубине, ну, а уж идущую в надводном положении...

И тут же он вспомнил, что винить следует исключительно самого себя — он сам просил Оклера задать наблюдателям-роботам именно такие параметры, ограничив размеры искомых целей пятнадцатью уардами. Из-за «Рагнарока». Чтобы безмозглый робот, случись Сварогу выйти в море на «Рагнароке», не засек его и не поднял сдуру боевую тревогу. Так что виноватых нет — он сам не предвидел такого оборота дел. Робот, конечно, подлодку засек, но из-за ее размеров программа требовала оставить ее в покое...

Он еще раз присмотрелся к рисунку, пытаясь установить, сколько на лодке ракетных люков, — но, увы, ху-

дожник, хотя и явно небесталанный, такими деталями пренебрег, изобразив позади рубки совершенно гладкую поверхность. Скорее всего, это не его оплошность — что ему описывали моряки, то он добросовестно зарисовал, вряд ли они, ошеломленные появлением «чудища», присматривались к таким подробностям...

— Это плохо? — хладнокровно осведомилась Старая Матушка.

— Безусловно, — кивнул Сварог. — Но паниковать не стоит. Это означает лишь, что наши друзья из Горрота смогли-таки сделать одну из подлодок своих крохотных союзников уже не крохотной. И больше ни о чем это пока не говорит...

Ее, как и прочих своих, пусть и ближайших, надежных соратников он не посвящал в кое какие государственные тайны. Она не знала, что ядерный взрыв на Таларе невозможен, что инфразвуковые излучатели Оклера с одинаковым успехом сработают что против крохотного токерета, что человека нормального роста — разве что мощность придется вывести на повышенную. Оснований для паники и в самом деле нет никаких. Но вот тревог прибавится. Поскольку есть железное доказательство: о н и н а ч а л и. А это, помимо прочего, может означать еще, что энергоприемник в Горроте уже работает. И неизвестно, сколько у них времени, ясно лишь, что его вдруг стало еще меньше...

— Насколько я понимаю, лично я в данной ситуации ничего предпринять не в состоянии?

— Как и я, пока сижу в э т о м кресле и в э т о м кабинете, — усмехнулся Сварог, глядя в окно на каменное кружево Торкильского моста, одного из красивейших мостов Латераны. — А вот д р у г и е предпринять кое-что смогут. Что до нас с вами, ваше величество... Остается разве что внести небольшие уточнения в секретные капитанские пакеты...

Она поняливо кивнула. Т а к и е тайны она знала. С некоторых пор у капитана всякого военного корабля любой подвластной Сварогу державы лежал в потайном ящич-

ке секретный пакет, где настрого предписывалось: при встрече с подводной лодкой токеретов (следовало подробное описание) ни в коем случае не ввязываться в военные действия, вообще постараться как можно быстрее оказаться от нее подальше. И в то же время быть готовым к тому, что корабль может внезапно оказаться торпедирован. При опасности захвата в плен пакет уничтожить, о его существовании не упоминать ни за что. Ну, теперь придется только добавить, что указанные подводные лодки могут оказаться и в е с ь м а больших размеров...

— Что касается вас — то есть Трех Королевств, — сказал Сварог. — Пожалуй... пожалуй, вот что. Передайте это Табарцию. Пусть его люди, помимо обычной работы, еще и отслеживают возможные случаи возникновения массовых болезней. Со всем прилежанием. Если вдруг где-то вспыхнет массовая болезнь, уведомляйте меня немедленно. Я не знаю, что это будет за болезнь, но она может вспыхнуть. Неважно, пусть речь даже будет идти о чем-то вроде насморка — но если это примет массовый характер, начнет распространяться...

— Я поняла, — спокойно сказала Старая Матушка. — Вообще-то на Таларе с незапамятных времен не случалось массовых болезней, или, как выражаются ученые, эпидемий...

— Теперь, не исключено, могут и случиться, — сказал Сварог.

— Вы хотите сказать, что у токеретов есть какие-то средства, которые могут распространять болезни? Или мне таких вещей не полагается знать?

— Отвечу предельно честно, ваше величество, — сказал Сварог. — Я просто сам еще не знаю, есть у них такие средства или нет. Но допускать их существование следует. Из этого и будем исходить...

...Дом у Вингельта был небольшой, но двор оказался достаточно просторным, чтобы там смогли, не царапая друг друга боками, приземлиться два браганта, на малой высоте вышедшие из состояния невидимости. Сварог успел еще заметить, что то же самое происходит вокруг, куда

достигает взгляд. Этаким диковинный дождь: над всем Гартвейном внезапно возникли из воздуха сотни полторы драккаров и брагантов и целеустремленно обрушились вниз — по плану операции каждому было отведено точное место. Канцлер еще раз удивил Сварога — всю операцию он разработал за четыре часа, не один, разумеется, с помощью ближайших помощников и компьютеров, но все равно, задача не из легких...

Выпрыгивая первым, он слышал, как снаружи, за забором, разгорается паника: без сомнения, большинство жителей Гартвейна были самыми обычными людьми и занимались сейчас обычными для буднего дня делами. И можно представить их ошеломление, когда на город, неизвестно откуда возникнув, посыпались многие десятки летательных аппаратов ларов... Брехали собаки, слышался заполошный конский топот и стук колес, крики. Ну конечно, сплошь и рядом «точное место» приземления того или иного аппарата означало, что он садился в уличную пыль прямо перед какой-нибудь телегой молочника, впритык к трактирному крылечку, а то и у колодца, где ничего не подозревающая хозяйшюшка крутила ворот. Так что паника, и гадать не стоит, разгорится нешуточная. Правда, ее быстренько должны погасить два кавалерийских полка, вошедших в город по всему периметру и сжимающих кольцо. Оригинальнейшая операция, право слово — наверное, впервые, причем с нешуточным размахом, действуют имперские и земные военные и сыщики...

Но думать о постороннем было некогда. Из брагатов уже высыпался его спецназ — все, как и Сварог, в тяжелых серых пластинчатых доспехах, в глухих шлемах, с опущенными на лицо прозрачными щитками. Теоретически рассуждая, эти скафандры должны были защитить от любого энергетического воздействия наподобие того, каким люди Вингельта, освобождая Стахора и Эгле, парализовали и лишили сознания охрану из ларов. Ну, а на практике никто и представления не имел, чем именно располагают Хитрые Мастера... Лишь самую чуточку отставая от расчетного времени, в калитку вломился Интагар с полудю-

жиной своих сыщиков, доспехами не обремененных (не хватило бы времени готовить еще и для них). Сразу видно, узрев во дворе браганты и Свароговых орлов в полной боевой красе, чуть ли не все глаза выпучили от удивления (впервые в жизни им выпал случай наблюдать такое зрелище), но народ был вышколенный: без малейшей заминки рванул к крыльцу, занимая позиции, как им и предписывалось, во втором эшелоне.

Совсем неподалеку затрубил кавалерийский рожок — ага, началось наведение общественного порядка...

Сварог был уже у крыльца, когда входная дверь распахнулась, и на пороге встала красивая темноволосая женщина лет тридцати, которую Сварог уже знал в лицо. Из-за ее спины выглянуло испуганное личико девочки, но сама она стояла, не выказывая ни малейшего испуга, глядя, пожалуй, даже чуточку надменно.

Дела идут прекрасно, пронеслось у Сварога в голове. Положительно, Вингельт давненько не заглядывал в Тумарсон и представления не имел, что тамошний староста, мужик по-крестьянски практичный, давно сделал выбор меж мирной жизнью для деревни и его персоной. И при том староста никак не заслуживает оскорбительных эпитетов. В самом деле, Вингельт ему не друг сердечный и не брат родной — так, проезжает иногда, случается посидеть за чаркой...

В руках у нее ничего не было, но Сварог был готов ко всему — кто их знает, Хитрых Мастеров...

— Госпожа Алита Вингельт? — спросил он отрывисто.

— Да, — ответила она преспокойно, даже бровью не шевельнув. — Чем обязана такому... зрелищу?

— Где ваш муж?

— В очередных разъездах по торговым делам, — ответила она столь же невозмутимо. — Маршрут мне обычно известен в самых общих чертах, так что решительно не могу вам подсказать, где его искать... — вот тут уже почувствовалась легкая насмешка.

В приступе неожиданной злости Сварог подумал вдруг: тебя бы к Одноглазому с подручными, гордячка, посмот-

рел бы я на тебя там... Отогнав эти мысли и помня, что на всякий случай следует торопиться, он сказал, стараясь, чтобы в голосе не было ни малейших эмоций:

— Вы арестованы, госпожа Вингельт. Прошу немедленно пройти туда, — он указал на ближайший брагант. — Девочку, разумеется, можете взять с собой.

— На каком основании? — спросила она невозмутимо.

— Вам все объяснят, — сказал Сварог. — Тайная полиция Империи... — он не удержался и сам подпустил толику иронии: — Если вы еще не догадались...

— Ах, вот оно что... — сказала она, глядя в глаза Сварогу, пожалуй что, без злобы, лишь с той же холодной надменностью. — Блистательный король Сварог посреди очередных героических свершений...

Не стоило разводить долгие беседы — мало ли что могло произойти... Сварог сказал с напором:

— Может быть, вы пойдете сами? К чему нам... сцены? Не стоит пугать девочку... — он видел, как девчонка, побледневшая, перепуганная, что есть силы обхватила мать, словно боялась, что их разлучат сию минуту.

Алита Вингельт, сжав губы, крепко прижимая к себе дочку, спустилась с крыльца и зашагала к ближайшему браганту. Что-то зашептала успокоительное, когда девочка заплакала навзрыд. Совесть Сварога на сей раз помалкивала, и он, проводив взглядом стартовавший на бешеной скорости брагант, вынул из кобуры бластер и, кивнув Интагару следовать за собой, пошел в дом. Никакого вооруженного отпора он не ждал — будь в доме мужчины, не отдали бы Алиту с дочкой так просто, надо думать — но бывают ситуации, когда душа требует рубчатой рукоятки в руке, хоть ты тресни...

В небольшой чистой прихожей, в углу, обнаружилась чуть присевшая от испуга женщина средних лет, по облику — классическая служанка. Усмехнувшись, Сварог подошел к ней, сунул бластер в кобуру, стянул толстые перчатки, извлек из набедренного кармана шарик мягкой губчатой резины — у него там был запас — и легонько запустил служанке в плечо. Разочарованно pokrивил губы:

шарик не отлетел в сторону, а, не причинив ни малейшей боли, угодил в правую руку чуть пониже плеча и упал на пол. Поднимать его Сварог не стал. Самый обыкновенный человек.

— Интагар, — сказал он, не оборачиваясь. — Прихватите и ее.

Следовало допросить всех поголовно слуг в домах, где отыщется нужный человек: слуги, даже если нисколько не посвящены в секреты хозяев, все равно, если состоят на службе долго, могут случайно увидеть и услышать что-то такое, чего сами не поймут, а вот людям вроде Сварога это будет крайне интересно. Да и иных соседей придется допросить тщательно. Сварог хмыкнул. Вряд ли в здешней полицейской практике такое случалось: чтобы обыску и допросам подвергся целый город, пусть и провинциальный, не особенно и большой...

Все, что ему попадалось, выглядело самым обычным — ничем не примечательная обстановка разорившегося дворянина, промышлявшего ювелирным ремеслом и обитавшим с женой и дочерью. Впрочем, иного не следовало и ожидать...

И все же он, повернувшись к неотступно сопровождавшему его Интагару, распорядился:

— Обыщите дом самым тщательным образом. Во-первых, тайники, потайные комнаты и все такое прочее. Во-вторых... Внимательно смотрите, не попадутся ли какие-нибудь вещички... необычные вещички. Каких никак не может оказаться в доме здешнего, обычного человека. Возможно, маленькие, безделушки, не суть... Главное — з д е с ь такого быть не должно. Понятно?

— Понятно, государь.

Интагар, как ни старался сохранить свое обычное хладнокровие, все же выглядел чуточку возбужденным: ну еще бы, вряд ли мог предполагать, что ему доведется участвовать в т а к о й операции...

— И главное, — сказал Сварог. — Поищите-ка и наберите побольше вещей, к которым хозяин н е п р е м е н н о должен был прикасаться часто и долго, постоянно поль-

зоваться: ну, скажем, бритва, гребни, давно ношенная одежда... Понятно?

— Да, государь.

Самому ему все это было без надобности: но Яна просила набрать именно таких вещей (и в других домах тоже), уверяя, что с их помощью сможет **в ы с м о т р е т ь**, где человек находится. А это уже крайне полезное дело...

Больше ему здесь делать было нечего. Ему вообще нечего было делать: свою задачу он выполнил, Алиту взял, самому ему в обыске участвовать нет необходимости, а по другим объектам работают другие группы, людей сюда Канцлер нагнал неисчислимое количество, да и его собственных сыщиков тут сотни две. Поэтому он вышел во двор, с превеликим облегчением стащил дурацкие доспехи, сгрузил их в брагант (оставив предосторожности ради при себе лишь кобуру с бластером) и не спеша двинулся за ворота.

В городке уже навели полный порядок. Не наблюдалось не то что суеты и паники, а и вообще прохожих — обывателей со всей вежливостью, на какую только способны конногвардейцы и шпики при выполнении служебных обязанностей, отправили по домам с наказом сидеть смирно и носа не высовывать. Обыватели еще не знали, что в завершение операции всем совершеннолетним обоего пола, тысячам пяти, предстоит пройти нехитрую и ничуть не болезненную процедуру: выстроят их, больных, длинными шеренгами и кинут в каждого чем-нибудь подходящим: тем же резиновым шариком, спелой вишней, да просто тяжелой пуговицей. Придумавший это Интагар все же гений в своем ремесле: процедура примитивнейшая, зато моментально станет ясно, кто обычный земной обыватель, а кто лар или ларисса...

Ну, что поделать. Приходится обходиться подручными средствами, коли уж физически не было времени сделать нужное количество «датчиков ореола» по идее Аурики.

Резко остановившись, Сварог даже чуточку втянул голову в плечи — слева, не так уж и далеко, послышался

переливчатый громкий свист, и над крышами взлетел высокий фонтан розового дыма, тут же застывший в воздухе, принявшийся медленно расползаться легкими ключьями. Так-так-так, недовольно поморщился Сварог. Об заклад биться можно, что там нечто л ю б о п ы т н о е самоликвидировалось, от Хитрых Мастеров такого фокуса вполне можно ожидать. Будем надеяться, хоть что-то удастся взять целехоньким — но это еще не означает, что удастся в нем разобраться...

Неторопливо шагая мимо торчавших там и сям конных гвардейцев (самых здесь непосвященных и потому напускавших на себя невероятно загадочный вид), суетившихся агентов непонятного происхождения (большинство оперативников восьмого департамента и братских служб маскировки ради обрядились под местных), он вышел на небольшую мощеную площадь перед резиденцией провинциария, где тоже, судя по мелькающим в окнах фигурам, кипела работа. Провинциария с чадами и домочадцами тоже следовало тщательно проверить, а как же иначе? Проверить здесь следовало в с е х.

Недалеко от крыльца стоял синий с золотым брагант Канцлера с распахнутой настежь дверцей. Канцлер сидел на сиденье боком, поставив обе ноги на брусчатку, ссутулившись, держа руки меж колен. Вид у него был крайне усталый, но довольный. Подняв на Сварога покрасневшие глаза с набрякшими веками, он усмехнулся:

— Сiju вот и думаю, чем бы таким вас наградить, лорд Сварог. Впервые в жизни собственными глазами видел Хитрого Мастера, и не одного...

— Что докладывают? — спросил Сварог.

— Вы взяли Алиту Вингельт?

— Да, — сказал Сварог.

— Ну вот, вместе с ней будет уже шесть, обоего пола — если считать только взрослых. Захватили парочку интересных штук, хотя никто не понимает пока, что это такое. Третья мастерская, увы, при попытке войти...

— Да, я слышал, — сказал Сварог. — Свист и дым... Жертв с нашей стороны нет?

— Ни единой. Там не было взрыва, просто все улетучилось дымом...

— И то хорошо, — сказал Сварог.

Они перебрасывались словами устало, неторопливо. Обычное ощущение: когда все закончилось удачей, о с о б о й радости почему-то и нет...

— Шесть человек и две мастерских... — сказал Канцлер. — А ведь мы только начали, еще массу народу предстоит проверить... Черт, люди искали тысячелетиями, да так в жизни не увидели, как говорится, и кончика плаща... Мне, правда, так и хочется вас чем-нибудь наградить.

— Наградите лучше Интагара, — сказал Сварог. — Как никак это он все раскрутил. Лишь бы нам...

— Не заполучить немедленную ответную акцию? — понятно подхватил Канцлер. — Не беспокойтесь, все возможные меры приняты. Пленных будут содержать так, что туда и муха не проберется. Вокруг городка — едва ли не половина боевого флота и Серебряная Брига да в полном составе. А главное... — он усмехнулся. — Они не привыкли воевать, они все эти годы совершенствовались мастерство скрываться...

— Ну, не скажите, — покрутил головой Сварог. — Когда они устроили налет и освободили Стахора с Эгле, все было проделано на высшем уровне...

— Я говорю о м а с ш т а б н ы х действиях, — сказал Канцлер без улыбки. — Учитывая, сколько здесь сосредоточено войск и техники...

— А... Ну, пожалуй.

— У вас характерный вид, — сказал Канцлер. — Чуть-чуть загадочный. Я уже успел вас немного изучить... Какая-нибудь очередная затея?

— Как вам сказать, Канцлер... — пожал плечами Сварог. — Я, кажется, придумал, как с большими шансами на успех провести разведку в Горроте.

К его некоторому изумлению, Канцлер никак не отреагировал — так и сидел в усталой позе, уронив руки меж колен. И лишь потом поднял голову, фыркнул:

— А вы знаете, вы меня ничуть не удивили. Я давно понял... особенно после хелльстадской свадьбы, что от вас всего можно ожидать...

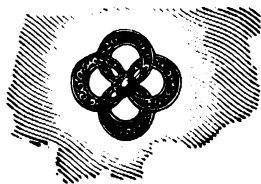
— Я не шучу, — сказал Сварог.

— Я тоже, — без улыбки сказал Канцлер. — После того, как вы наведались туда на «Рагнароке» и ухитрились выбраться невредимым, от вас всего можно ожидать... Надеюсь, на этот раз будет что-то менее шумное?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Один-единственный человек, то бишь я, ночной порой...

— Избавьте меня от подробностей, — сухо бросил Канцлер. — Я только надеюсь, что вы постараетесь вернуться живым.

— Да, мне бы тоже чертовски этого хотелось... — сказал Сварог. — И есть неплохие шансы.

Глава VI

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

Сварог и не подозревал, что в иных случаях волшебство — чертовски нудное занятие.

Алая мантия хелльстадского короля, конечно, была великолепными крыльями — бесшумными, быстрыми, позволявшими совершать в воздухе головокрумные маневры. Однако в скорости она заметно уступала реактивному истребителю и могла выжать не более сотни лиг в час. По Хелльстаду — точнее, над Хелльстадом — Сварог на ней летал из чистого развлечения, на небольшие расстояния. Меж тем загадочное «Горное гнездо» о котором говорила Литта, располагалось примерно лигах в трехстах от гланской ганицы. Так что в его выходе на разведку не было ни капли романтики, которую иные склонны приписывать магии — он летел, летел, летел, и это было так же скучно, как тащиться пешком через какой-нибудь немаленький город. Летел себе стоя, и летел. Сдохнуть можно от скуки. Хорошо еще, что в силу тех же волшебных свойств мантии он совершенно не ощущал бьющего в лицо ветра, которого следовало бы ожидать на такой скорости. Спасибо и на том.

Под ним, уардах в трехстах, проплывали уже надоевшие расселины, горные пики, крутые склоны. Несколько раз он видел внизу тусклые огоньки горных деревушек, но

уверен был, что никто его с земли не заметил, что его вообще не обнаружили здешние умельцы. Вздумай они его захватить, вряд ли стали бы ждать, пока он пролетит лиг двести вглубь горротской территории, над хребтом Каррер. Да и охрана молчала, не поднимая тревоги. Он и сейчас никоим образом не собирался мушкетерствовать: впереди него, вереницей, шел десяток Золотых Шмелей, на расстоянии в две сотни уардов друг от друга, так что любая угроза была бы обнаружена заранее. А полдюжины Золотых Филинов, сомкнутым строем прикрывавших ему спину, в случае появления чего-то непредвиденного обеспечили бы отход. Не было никакого мушкетерства. Была серьезная операция, разработанная по всем правилам. Вот только с оружием плоховато: никакие бластеры ларов здесь не действуют, а земные пистолеты в этих условиях смотрелись бы слишком убого. Доран-ан-Тег, висевший на боку на удобной перевязи, да кинжал на поясе — вот и все оружие... Оставалось одно — думать. А мысли были невеселые: выходило, что при той самой крайней необходимости он не сможет использовать ни против токеретов, ни простив Горрота свою могучую Золотую Орду. После событий у Батшевы нет никаких сомнений, что где-то, то ли в пещере, то ли в местах, над которыми он пролетал, есть как минимум один завод по производству отравляющих газов. А если еще и лаборатории по разработке и производству бактериологического оружия... Один случайный лучевой удар по такому вот заведению, разрушивший бы хранилища, — и мало никому не покажется. Нет даже аппаратуры, способной определить присутствие этой дряни, — хотя профессор Марлок по самую задницу зарылся в старинные архивы, иные даже не компьютерные, а бумажные. Он, конечно, храбрился, он обещал золотые горы — но Сварог как-никак был профессиональным военным и хорошо представлял, что это такое: создать на пустом месте нормальную санитарно-эпидемиологическую службу. В особенности, когда неизвестно, какие газы или вирусы будут применены. Нереально в считанные дни создать от них защиту и противоядие.

Просто нереально. Интересно, понимает ли это Канцлер? Задавать ему такие вопросы у Сварога, откровенно говоря, не хватило духу — Канцлер и так на нервах... впрочем, как и он сам. Хорошо Янке — она по недостатку знаний не способна в п о л н о й м е р е осознать опасность...

Ему уже не в первый раз приходило в голову, что все они действуют к а к-т о н е т а к. Что нужно избрать совершенно другую тактику... вот только какую? Что-то вертелось в голове, но упрямо не давалось в руки. Где-то здесь была зацепка. Но вот...

Внимание! Под серебряной митрой, словно бы у него в голове зазвенел тоненький металлический голосок, и Сварог остановился в воздухе, повис над двойной скалой с острыми вершинами. Передовой Золотой Шмель сообщал, что в лиге впереди себя обнаружил поток излучения — неизвестного, непрерывного, стоящего словно бы завесой над ночными горами. Сварог мгновенно дал ему команду остановиться, замереть, а остальным, достигнув передового, ни в коем случае не двигаться дальше, там же и висеть. Глянул на запястье, на нехитрый прибор, совмещавший компас и, если можно так выразиться, счетчик пройденного пути. Что, вот оно? Литта не называла никаких расстояний, потому что не могла их знать, твердила одно: «На восход от столицы, милях в двухстах от Акобара». Выдвинул крохотный экранчик навигатора. Вообще-то по косвенным приметам примерно подходит...

Он сбросил скорость и двигался теперь не быстрее идущего скорым шагом человека. Вертел головой, но ничего интересного или опасного вокруг не видел — голые отроги гор, темные полосы лесов у подножий, пронзительная ночная тишина... Показалось ему, или далеко впереди и в самом деле встает над горами тусклое гнилушечье свечение?

Разумеется, он с самого начала летел с «ночным зрением», чтобы видеть все, как днем — мало ли что интересное могло на земле подвернуться помимо намеченной цели. И сейчас для проверки ночное зрение о т к л ю ч и л.

Какое-то время висел, крепко зажмурясь, чтобы глаза привыкли к такой перемене. Потом посмотрел.

Теперь он видел все, как самый обыкновенный человек, «взглядом филина» не владеющий. Семела на небосклоне не имелось, одни звезды, так что темнота стояла вокруг не крошечная, но довольно густая.

Все правильно. Там, впереди, явственно виднелась полоса тусклого зеленоватого сияния, видимая теперь, когда он смотрел обычным зрением, даже чуточку поярче. На ее фоне четко просматривались вершины парочки гор. Размеры определить было невозможно, Шмели бы тоже не смогли с такого расстояния, не подлетевши поближе, но осталось впечатление, что полоса не особенно высокая. Ровный, неподвижный свет без всяких переливов, колыбаний, за все время, что Сварог его наблюдал, он не стал ни тусклее, ни ярче.

Вот так они и висели в воздухе бравой эскадрилей: аккуратная шеренга Золотых Шмелей, где-то в уарде от них Сварог, а сзади, чуть повыше его головы — Золотые Филины. Шло время, и ничего не происходило, хотя они находились не далее чем в лиге от объекта. Это, конечно же, был о б ъ е к т. Во-первых, координаты примерно совпадают, во-вторых, Сварог что-то не слыхивал о подобных природных явлениях.

Пора было на что-то решаться. Если послать на разведку Шмеля, и его засекут, и против него что-нибудь предпримут — получится скверновато. Если пробираться туда самому Сварогу и случится то же самое — тоже ничего хорошего. Но есть некоторые отличия. Сварог как-никак — не безмозглый механизм с ограниченной программой. И потом, при обоих вариантах, как ни крути, отступить придется с боем, так что, в общем, никакой разницы...

Он принял решение. И, приказав своему летучему воину оставаться на месте, осторожно двинулся вперед, со скоростью пешехода, но не по прямой, а поднимаясь выше и выше, к редким облакам. Теперь мог рассмотреть, что тусклое зеленоватое свечение представляет собой не горизонтальную полосу наподобие забора, а плавно изги-

бается дугой... полукругом... идеально правильным кругом...

Повис в воздухе и со своего места видел все, как на ладони. Там, впереди и внизу, обнаружилась стиснутая горами долина, какие нередко встречаются. По форме ближе к квадрату, чем к кругу. Размеры пока что не определишь, хотя есть зацепка...

Добрую половину долины, точнее, ее центральную часть, занимало сооружение, словно попавшее сюда прямиком из архивных иллюстраций в Музее техники: ажурная полусфера, обращенная к небу чаша, красивая, как многие инженерные сооружения. Без малейшего изъяна, сразу видно, что она г о т о в а. И, безусловно, работает: вся она светится этим самым зеленоватым сиянием, ровной стеной поднимавшимся над краями чаши на небольшую высоту.

Она работала. Она исправно качала всевозможные виды космических излучений, качала из космоса энергию. Почти все оставшееся пространство занимали невысокие купола, квадратные и прямоугольные строения, рядом с чашей энергоприемника казавшиеся кукольными. Сварог прекрасно помнил реферат, который Элкон составил для него в Музее техники. Подобные сооружения, располагавшиеся в космосе, передавали добытую энергию на землю строго фокусированным лучом. А наземные либо передавали энергию в нужные места посредством своеобразных линий электропередач, только беспроводных, либо собирали ее в некие супераккумуляторы, куда ее вмещалось чертовски много (между прочим, такой аккумулятор, если умело его в з л о м а т ь, мог устроить взрыв в парочку килотонн, хорошо еще, что работали эти устройства во времена, когда Империя уже не знала ни войн, ни терроризма).

Логически рассуждая, стоит предположить, что здесь выбран второй вариант. Тот горнопроходческий комбайн, что вырыл туннель, несомненно, не издали везли (как осталось бы незамеченным перемещение такой громадины чуть ли не через весь Харум, да и через Хелльстад ее уж

никак не провезти незамеченой?). Его у в е л и ч и в а л и прямо на месте, в пещере, доставив туда аккумуляторы. Как помнил Сварог, самые маленькие из них были размерами не больше сорокаведерной бочки — а такой груз способна перевезти и подлодка токеретов: трудно ли переделать боевую субмарину в грузовую? Убрать ракеты, сделать из ракетного отсека грузовой трюм, вместо крышек ракетных шахт поставить один грузовой люк — всего делов... Значит, эти здания и есть мастерские по зарядке аккумуляторов. Ага... От долины в сторону столицы ведет не особенно широкая, но ровная дорога, петляющая меж скал и уходящая куда-то за горизонт. Распрекрасно можно вывозить на самых обыкновенных ломовых телегах, обшив досками и замаскировав под самые обыкновенные бочки. Если обоз пойдет под военным конвоем, ни одному обывателю и в голову не придет лезть с расспросами: «Что везете, служивые?» В любой стране, не обязательно в Горроте, охрана военного обоза любопытствующих не любит, не то что по матушке пошлет, а и плеткой добавит — о чем те же обыватели давно и прекрасно осведомлены.

Скорее всего, так и происходит. Не используют же они грузовики или трактора? Подавляющее большинство населения Горрота представления не имеет, что с некоторых пор у их королевства появилось д в о й н о е д н о , к чему удивлять их всевозможными техническими чудесами? Слухи пойдут, за границы выплеснутся. Нет, так оно гораздо выгоднее: вереница тяжелых повозок, запряженных могучими битюгами, груженых бочками, полдюжины хмурых драгун вокруг... Самая обычная картина для любой страны. Такие обозы используют не только военные — те же виноторговцы в первую очередь.

Подумав об этом, Сварог помрачнел. Четко просматривалась еще одна угроза. Предположим, некий виноторговец завозит в Латерану полдюжины таких вот бочек — конспирации ради, кружным путем, через три границы. Документы безупречные, торговый дом вне подозрений.

Замаскированные под бочки аккумуляторы преспокойно стоят себе в винном подвале рядом с настоящим вином. А в условленный час г р о х а е т. Ведь полгорода снесет. Если Брашери у ж е до такого додумался — плохо. Нетрудно, в общем, внедрить на все таможенные посты и в порты своих людей с замаскированными детекторами, способными сразу обнаружить, что именно в бочке. Но вот проверять такими приборами все винные склады в королевствах Сварога — работа на год. Если где-то в крупных городах у ж е стоят в подвалах мнимые «винные бочки» — лишняя головная боль, придется учитывать и эту угрозу...

Сразу возникают серьезнейшие вопросы: как давно работает энергоприемник? Какое количество энергии они уже сумели накопить — процентов десять от необходимого для п о л н о г о завершения операции? Двадцать? Половину? Или больше? Сколько подлодок они уже успели увеличить? И где они базируются? Пусть даже та, о которой рассказала Старая Матушка, — пока что единственная, у нее должна быть где-то с в о я, отдельная база, за пределами Токеранга...

Подлететь поближе и рассмотреть все еще лучше? А для чего, собственно? Уже и так ясно, что за заведение тут разместилось, поэтически поименованное «Горным гнездом». И к тому же... Не видно ничего, напоминавшего бы радары или зенитные ракеты, однако мало ли что они могли придумать, не верится, чтобы столь хитрые господа оставили столь важный объект без охраны и систем, определяющих постороннее вторжение... И вот, кстати... И вокруг долины, на скальных отрогах, и кое-где меж зданиями там и сям виднеются какие-то странные предметы, хаотично разбросанные, отличающиеся по цвету и от горной породы, и от зданий, и от сухой каменистой земли. Несколько десятков, на первый взгляд. И одно вроде бы в о р о х н у л о с ь едва заметно...

Сварог, если можно так выразиться, запустил на полную мощность заклинание «подзорной трубы». Ах, вот оно что...

Птицы, и довольно крупные. Впрочем, скорее какие-то гарпии — на шее вместо обычной птичьей головы с клювом сидит скорее звериная морда с высокими ушами. Ага, ага, вот одна подняла башку, какое-то время озиралась с видом бдительного часового, потом снова опустила ее на крыло. Один черт знает, чего можно ждать от выдумщика Брашера. Быть может, это и охрана, и живые детекторы одновременно. Еще одна неплохая задумка: поставь он тут каких-нибудь боевых роботов, рано или поздно кто-нибудь заметит, пойдут ненужные разговоры. А вот если кому-то и удастся уйти живым от этих гарпий, и он потом начнет трепать всем и каждому, никакого ажиотажа не возникнет: испокон веков бродит масса легенд о жутких, неизвестных науке и большому миру чудищах, обитающих в горах и чащобах (и не все из них выдумка, кстати). Дело совершенно житейское.

Так что пора отступать. Если его почуют и снимутся всей стаей... Даже для Доран-ан-Тега этих птичек чересчур много. Конечно, совсем недалеко остались Золотые Филины, а уж они-то без труда перещелкают всю эту летучую братию — но Брашера будет знать, что к нему кто-то вторгался, а Сварог сюда не драться прилетел. Он повернулся и, быстро снижаясь, полетел к тому месту, где оставил свою бравую эскадрилью — обнаружившуюся на том же месте в полном составе. Двинулись в обратный путь — причем Сварог предусмотрительности ради пустил вперед Золотых Шмелей точно в том же порядке, в каком они летели к «Горному гнезду»: разведгруппа и на обратном пути расслабляться не должна, бывает, засаду на обратном пути и устраивают...

Плохо, что не удалось установить размеры установки, просто не к чему было привязаться. Но это, в конце концов, неважно. Главное известно: энергоприемник закончен и работает. Знать бы еще, с каких пор. Неплохо, ох, неплохо было бы как следует потрясти владельцев судовладельческого дома «Каурат и сыновья» — уж эти-то должны знать немало. Однако, едва Сварог о них услышал от Стахора и послал в Фиарнолл людей, оказалось, что означенный

судовладельческий дом еще полгода назад неожиданно для многих обанкротился, хотя, казалось, прочно стоит на ногах и деньги гребет лопатой. Каурат с сыновьями исчез из Фиарнолла, по секрету шепнув кое-кому из знакомых: после такого позора он потерял и цель, и смысл жизни, а потому вместе с сыновьями решил уйти в монастырь (вот только никому не сказал, в какой и где). Еще с дюжину его высокопоставленных служащих тоже вскоре бесследно испарились из города — правда, в отличие от хозяина, не объявляя заранее о своем отъезде. Видимо, Брашеро это заведение перестало быть нужным, свою задачу выполнило, и корабельщики наверняка сейчас беззаботно попивают пиво в Горроте. Если только их косточки не гниют по разным безлюдным местам — Брашеро ни гуманизмом, ни сентиментальностью не страдает, судя по всему, что о нем известно, большой прагматик...

Идиотская создалась ситуация, зло подумал Сварог, за последнее время понаторевший в юридических тонкостях и казусах. Самое смешное, что с а м о п о с е б е создание энергоприемника никому из тех, кто обосновался в Горроте, нельзя поставить в вину.

Как и то, что они туда перебрались. Не существует законов, запрещающих бы благородному лару инсценировать собственную смерть и инкогнито обосноваться на земле. Творческий кризис, нервный срыв, черная меланхолия, ученый навсегда бросает свои колбы-реторты и уединяется в глуши. Бывало. И не раз. И не только здесь. Да вот Ройла хотя бы взять...

А энергоприемник, что самое трагикомическое, не подпадает под действие закона «О запрещенной технике», поскольку давно уже переведен в разряд музейных экспонатов. Кто-то в свое время не подумал, что иные музейные экспонаты можно и сейчас использовать на всю катушку. Предстань Брашеро перед судом вот сию минуту, он с честнейшими глазами может утверждать, что построил агрегат исключительно для собственного употребления и удобства. М е с т н ы м его не показывал, наоборот, прятал подальше в глуши. Доказать, что это именно он построил

систему «дорожных знаков», вряд ли возможно — наверняка он об этом позаботился. А п р я м ы х доказательств того, что он задумал некую грандиозную пакость, что он успел увеличить как минимум одну подлодку токере-тов, опять-таки нет. Свидетелями могли бы стать Стахор с Эгле, но они неизвестно где. Ситуация, для которой и определения-то не подберешь... С точки зрения существующих законов Брашера абсолютно чист. Литта? Но и ее при некоторой изобретательности ума можно дискредитировать, после чего и подмену королевской четы доказать невозможно. Все все понимают, но если соблюдать букву закона, руки у юстиции связаны. Хоть ты плюнь на все и посылай Золотого Дракона, чтобы разнес эту красивую чашу в лохмотья...

А почему, собственно, Дракона?!

Сварогу внезапно пришла в голову столь великолепная идея, что он даже захохотал во всю глотку, несясь над горными вершинами.

Положительно, великолепная идея! Он летел и хохотал, не в силах остановиться, быть может, давая еще этим выход нешуточному нервному напряжению, в котором все посвященные в тайну пребывали в последнюю пару недель. Хорошо еще, что его легучая золотая свита, полностью лишенная, и намека на эмоции, никак на этот чуточку истерический хохот не реагировала. Вот Мяус — тот, вполне возможно, принялся бы задавать вопросы, но его, слава богу, здесь нет.

Но ведь великолепная идея!!!

...В углу приемной, в низком мягком кресле, крепким сном спал профессор Марлок — вытянув ноги, чуть похрапывая.

— Умаялся до крайности, — сказал Канцлер тихо. — Мало того, что сутками напролет шарил по архивам, выискивая все, что касается микробиологии, еще и пришлось заниматься тем, что захватили у Хитрых Мастеров...

— Вы бы его положили где-нибудь... — так же тихо ответил Сварог.

— Не хочет, — развел руками Канцлер. — Упрям, как кидоратский бык. Собрался вздремнуть немного и вновь ввязаться за дело... Ладно, пойдемте.

Они вошли в кабинет Канцлера, выглядевший, как обычно — разве что на столе помещался какой-то накрытый синей материей предмет, а в углу стояло нечто непонятное, размером с небольшой сундук — переплетение сверкающих шестеренок, усыпанных разноцветными стеклянными призмами треугольников и ажурных полушарий.

— Что это? — кивнул Сварог на загадочный механизм.

— Представления не имею, — хмыкнул Канцлер. — И никто не имеет. Взято в Гартвейне в числе прочих диковинок, никто еще не пытался к ним п о д с т у п и т ь с я, не до того... Давайте сразу к делу. Общий итог, надо сказать, неплох. Взято шестьдесят два человека обоего пола, не считая детей — ну, не оставлять же было их там без родителей, многие совсем малыши... Бургомистр Гартвейна, кстати, тоже оказался из н и х, и очень многие его сотрудники тоже. Примерно в половине мастерских сработали какие-то системы самоликвидации, но в остальных нам кое-что досталось, три комнаты приличных размеров забиты. Все... пленные помещены в такие условия, что освободить их не получится: манор постоянно в движении, перемещается по непредсказуемым орбитам, окружен целой эскадрой боевых кораблей... Знаете, ваш Вингельт оказался довольно-таки важной персоной. Наши там захватили и кое-какую переписку: Хитрые Мастера иногда проявляли удивительную беспечность... а впрочем, все из-за того, видимо, что они за тысячелетия привыкли к собственной неуловимости. Очень удачно, что в наших руках оказалась Анита Вингельт вместе с дочкой...

— Вы что, собираетесь ее... допрашивать? — хмуро спросил Сварог.

— У вас такое лицо, будто это вам крайне не по вкусу.

— Пожалуй...

Канцлер прищурился:

— Честное слово, лорд Сварог, сколько к вам ни приглядываюсь, не могу определить точно пределы и фор-

мы вашего гуманизма. Вы мне сами подробно рассказывали, как допрашивали Стахора... Можете ответить честно: если бы он все же стал запираться, ваши палачи, взявшие за Эгле, остановились бы?

После короткого напряженного молчания Сварог, отведя глаза, кроя себя в душе последними словами, буркнул:

— Нет. Я был обязан получить от них сведения...

— На вашем месте я поступил бы точно так же, — сказал Канцлер серьезно. — Но вот этот ваш причудливый гуманизм... Вы чертовски нелогичны. Королеву Эгле могли изнасиловать и использовать всевозможные палаческие приспособления. Это ничего. А вот допрашивать Аниту Вингельт с помощью аппаратуры, не причиняющей человеку ни малейшего вреда, кроме разве что головной боли на пару-тройку дней... Это плохо. Простите, но вы рассуждаете крайне не логично.

— Сам знаю, — сказал Сварог, не поднимая глаз. — Простите, Канцлер. У меня в последние дни голова идет кругом...

— Ну, предположим, не у вас одного, — хмыкнул Канцлер. — Так вот, ни Аниту Вингельт, ни кого-то еще я и не собираюсь допрашивать с применением... технических средств. Пока что мои ребята наскоро провели чисто словесные допросы. Без малейших результатов — они все просто молчат. И тем не менее пока я не буду пускать в ход технику. Не из гуманизма. Сейчас просто не до того. Есть дела посерьезнее. Только сегодня окончательно стало ясно, с чем мы имеем дело. Вы ведь непременно, как я, как многие, должны были ломать голову: а за чем Брассеро, собственно, все это затеял?

— Ломал, конечно, — сказал Сварог. — И мало-мальски убедительных версий у меня нет. Захватить власть на Харуме? Да зачем ему это, не тот человек... Свергнуть Яну и самому сесть на трон? Чепуха. Он достаточно умен, чтобы понимать: против него поднимутся все. Вы же сами мне как-то объясняли: лары никогда не станут подчиняться человеку со стороны, не имеющему отношения к импера-

торской фамилии. Разве что он, как проделал это в Горро-те, подыскал какую-нибудь марионетку из числа принцев крови... Но на кой черт ему трон? Судя по тем материалам, что я изучал, этот человек совершенно не должен стремиться к власти...

— Мы все тоже так полагали, — кивнул Канцлер. — До сегодняшнего дня все считали, что у него попросту нет психологической мотивации, вообще мотивов для захвата власти. А оказалось, мотив есть, он просто-напросто никому не пришел в голову... Все не так уж и сложно, лорд Сварог. Брашерио — не сам по себе Это обширный заговор... точнее, переворот, подготавливаемый Магистериумом.

Ну, разумеется, не в с е м, не Магистериумом как таковым, но замешана изрядная часть его сотрудников. Мотив... Мотив, как у многих заговорщиков водится, чертовски благородный. В нашем случае — развитие научного познания. Ученых у нас не просто мало — катастрофически мало, из-за этого они лишены возможности развивать целые научные направления. Вы ведь, как начальник восьмого департамента, должны были читать кое-какие обзоры и аналитические записки о состоянии умов в Магистериуме?

— Конечно, — сказал Сварог. — У меня сложилось впечатление, что многие там, назовем вещи своими именами, люто ненавидят существующую систему. Им катастрофически не хватает научных кадров — а в это время сотни детей, выросши, становятся светскими бездельниками. Примерно так, если вкратце. Их это просто бесит.

— Вот именно, — сказал Канцлер. — И они, наконец, решили изменить ситуацию самым кардинальным образом. Императрицу предполагается надежно изолировать. Нас с вами... — он усмехнулся, — вот нас с вами, как людей для них крайне опасных, предполагается без затей прикончить. И бросить все силы на развитие науки. Мне попали в руки их программы... хотя, подозреваю, не все. Честно признаться, там есть и здравые мысли, и планы кое-каких реформ, которые и в самом деле не мешало бы провести. Но, в общем и целом... Как бы

ни относиться к образу жизни Империи, вы, думаю, согласитесь, что тиранией ее назвать никак нельзя. А вот планы Магистериума как раз и предусматривают сущую тиранию. Оттого, что это будет тирания академиков и профессоров, ничуть не легче. Домашнее воспитание детей они собираются просто-напросто запретить. Все дети по достижении шестилетнего возраста изымаются у родителей и помещаются в закрытые учебные заведения, где им дают самое широкое образование в течение десяти лет. За это время выявляются способности каждого — и каждый будет о б я з а н учиться дальше тому, к чему предрасположен.

— А если он ни к чему не предрасположен? — усмехнулся Сварог.

— Они и это предусмотрели, — серьезно сказал Канцлер. — В этом случае человека опять-таки не оставят в покое: низший технический персонал, лаборанты... Армию — распустить, потому что она, собственно, и ни к чему. Светскую жизнь оставить уделом старшего поколения — а всю молодежь, буквально всю з а г н а т ь в ряды служителей науки. Широко внедрить агентуру в земные университеты, чтобы выявлять подходящие для себя кадры, то же проделать на Сильване... Ну, а против родителей, которые не захотят отдавать детей, против всех, кто вообще воспротивится, предусмотрены, как они там деликатно выражаются, «самые решительные меры». Взрослые, черт уж с ними, пусть по-прежнему занимаются балами и увеселениями, все равно их число будет падать в силу естественных причин... а все поголовно дети, вся молодежь будет служить науке. Хотят они того или нет. Как вам такое будущее?

— Это страшно, — сказал Сварог. — Это по-настоящему страшно. Это такая тирания...

— Господа ученые именуют это иначе, — усмехнулся Канцлер. — Благородной борьбой за расцвет научно-технического прогресса. Вот такие дела. Вот ради чего все затеяно. К о н к р е т н ы е планы мне неизвестны, но предугадать примерно можно: Брашерио с помощью вырос-

ших токеретов устроит на земле какую-нибудь серьезную заварушку — собственно, токереты ему, надо полагать, только для этого и нужны — и под шумок они захватят власть з д е с ь...

— Подождите, — сказал Сварог. — Но, в конце концов, у нас же есть гвардия... Армия... Серебряная и Морская бригады... Ваш Технион...

— Мой Технион, увы, значительно уступает Магистерииуму и по количеству людей, и по возможностям, — упрямо сказал Канцлер. — Что до армии... Армия, собственно говоря, всего-навсего определенное количество вооруженных людей на боевых машинах. А вот о б е с п е ч е н и е армии, так уж исторически сложилось, давным-давно находится в д р у г и х руках. Конечно, никто не знает конкретных планов. Но мои аналитики считают, что есть теоретическая возможность нейтрализовать армию, точнее, ее технику. Есть даже более печальные варианты. Три дня назад мои люди зафиксировали попытку проникнуть в систему управления боевыми орбитами. Нечто вроде разведки. Отследить любопытного нам не удалось... В руках Магистерииума изрядная доля управления в с е м и нашими техническими системами. Достаточная, чтобы они... ну конечно, не перехватили управление целиком, но внесли изрядный хаос и многое парализовали. При этом они намерены действовать от имени императрицы, решившей провести масштабнейшие реформы... Теперь понимаете, с чем мы имеем дело? Т а к о г о еще не было...

— Мысль, конечно, идиотская... — сказал Сварог. — Но я бы перехватал в с е х сотрудников Магистерииума. Их не так уж много. Ну, а там разберемся...

— Ну почему же — идиотская? — усмехнулся Канцлер. — Я и сам думал о чем-то подобном. И остановило меня только одно: а если они предусмотрели подобный оборот дела и в этом случае автоматически пойдет в дело давно заготовленный о т в е т? Смогли же они как-то расшифровать единственного моего тамошнего агента, сумевшего проникнуть в круг заговорщиков? Материалы

он успел передать, но сам бесследно исчез... Остановить их можно одним-единственным способом: разделаться с Брашеро и токеретами... но никто пока что не представляет, как это сделать. Теперь понимаете? В э т и х условиях нельзя тратить время на в д у м ч и в ы е допросы Хитрых Мастеров. Неизвестно, сколько у нас осталось времени, тем более, как вы докладывали, энергоприемник работает всюю.

— А не может оказаться так, что Хитрые Мастера с ними связаны? — спросил Сварог.

— По к о с в е н н ы м данным — нет, — сказал Канцлер. — В Магистериуме, как докладывал мой агент, на них принято смотреть свысока и считать чем-то вроде эксцентричных отшельников с дурацкими хобби, не имеющими ничего общего с «подлинной» наукой. Во-вторых, нет информации о каких бы то ни было контактах меж Хитрыми Мастерами и Магистериумом. Но это чисто косвенные данные... — он склонился над столом, уперся тяжелым взглядом. — Лорд Сварог, вы готовы рискнуть? Может быть, жизнью?

— Да приходилось раз несколько... — пожал плечами Сварог. — Дело, в общем, житейское...

— Я хочу послать вас парламентаром к Вингельту, — сказал Канцлер. — Да, черт побери... Именно парламентаром. Я предлагаю им переговоры. Мы с м и р е н н о, отбросив всякую гордыню, предлагаем им переговоры. На самом высоком уровне. Меж императрицей и их главой... у них есть такой, не знаю точно, как он именуется, мужчина это или женщина, но глава у них е с т ь... Пойдете к Вингельту?

— Я бы хоть сейчас... — задумчиво сказал Сварог. — Вот только где мне его искать.

— А его не нужно искать, — сказал Канцлер почти что весело. — Яна его уже нашла. Древний Ветер — это оказалась такая штука... — он с непонятным выражением лица покрутил головой. — Он с еще несколькими сидит на Древних Дорогах. Вот, полюбопытствуйте. Разумеется, это тоже Яна.

Он протянул руку и сдернул покрывало с загадочного предмета на столе. Это оказался шар чуть поменьше неизвестного здесь футбольного мяча, прозрачный, светло-фиолетового оттенка, и что-то там виднелось внутри...

Приблизив лицо почти вплотную, присмотревшись, Сварог прямо-таки охнул от удивления: он прекрасно рассмотрел красивый домик с цветником у крыльца, где бывал уже два раза. Ну да, вот и озеро, и холмы...

— Видите? — почему-то шепотом спросил Канцлер, тоже приблизивший лицо к шару.

Из леса неспешной походкой вышел человек и вошел в домик. Он выглядел слишком крохотным, чтобы попытаться его опознать — ясно только по движениям, что это мужчина.

— Это — с е й ч а с, — все тем же шепотом сказал Канцлер. — Все, что вы видите, там происходит сейчас. Яна уверяет, что Вингельт там.

— Странно, — сказал Сварог. — Они знают, что тот домик мне прекрасно известен, но остаются там...

Канцлер пожал плечами:

— А что мы о них знаем? Возможно, этот дом для них отчего-то чертовски важен. Яна говорит, что с этим озером что-то странное, хотя и не может пока понять, что. Но это не просто озеро. Возможно, и оно им необходимо. И, кроме того... В прошлые ваши... в и з и т ы там были только Стахор и Эгле... а в последний раз, точности ради, вообще одна Эгле. Сейчас, как мы с Яной видели, их там человек десять. Возможно, поэтому они и не опасаются вашего очередного визита.

— А того, что мы пошлем туда отряд, они не опасаются? — хмыкнул Сварог.

— Нет, — серьезно сказал Канцлер. — Есть поверье: на Древних Дорогах нельзя воевать, проливать кровь, посылать туда вооруженные отряды. Это — м и р н ы е дороги меж мирами. Там есть какая-то стража, жестоко расправляющаяся с нарушителями, никто ее никогда не видел, но она там есть. Это поверье идет из такой седой древности и держится так устойчиво... К тому же Яна уверяет, что

это правда, а после известных изменений, происшедших с ней, я склонен ей верить... Скорее всего, поэтому они так и беспечны. Прекрасно знают, что никакого отряда мы туда не пошлем. Только вас одного.

— Не пойму, где же в таком случае угроза для моей жизни? — усмехнулся Сварог. — Коли уж там нельзя проливать кровь?

Канцлер бесстрастно сказал:

— А кто им мешает, одолев числом и связав, унести отсюда и прикончить за пределами Древних Дорог?

— Да, пожалуй, — спокойно согласился Сварог. — Это вариант... А как мне на Древние Дороги попасть?

Канцлер хохотнул:

— Вы, право, как дитя малое... А на что у вас Горлорг? И не изображайте несказанное удивление. Вы просто забыли. Вы сами писали в том числе и о нем, когда подавали отчет после операции по уничтожению Глаз Сатаны. Я тогда же решил — пусть остается вашей личной игрушкой. Видите ли, я не ученый, я государственный чиновник. Признаюсь по совести: меня совершенно не интересуют Древние Дороги. Вреда от них никогда не было, а пользы я от них никакой не вижу. Ну, странные, невероятно древние пути между мирами... надо полагать, очень многими мирами. И что? К моей обычной повседневной деятельности и практическим задачам это не имеет никакого отношения. Главное, оттуда никогда не лезло никаких **н а п а с т е й**. Марлок в свое время, прочитав ваш отчет, порой говорит, что неплохо было бы послать туда научную экспедицию — но и его постоянно отвлекают текущие дела. Да вы и сами относились к Древним Дорогам примерно так же, вас все время отвлекали текущие дела, и вызвали вы Горлорга, когда возникли чисто практические надобности...

— Да, пожалуй... — сказал Сварог. — Итак, какие будут инструкции?

Глава VII

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ

Чтобы не посвящать хозяев домика в кое-какие подробности (хороший дипломат должен держать в рукаве как можно больше козырных роз), Сварог оставил Горлорга в лесу неподалеку от домика.

Не особенно и крепко привязал поводья к не особенно и толстой ветке — прекрасно знал, что конь не убежит, что это теперь е го конь. Постоял рядом, медленно выпуская дым. Еще раз обдумал недавний разговор с Канцлером. Судя по всему, господа из Магистериума понятия не имели, что Яна обладает Древним Ветром. А потому сомнительно, что им удастся ее «изолировать». Скорее уж, она понесет их ученое заведение по кочкам так, что ему не поздоровится. Вообще, т е п е р ь, когда у Яны есть такие способности, а Канцлер довольно хорошо осведомлен о планах заговорщиков, н а в е р х у им, думается, успеха не видать. А вот на земле ситуация остается прежней, увы — никому неизвестно, на что еще способен Брашеро и что еще он может выкинуть хотя бы шантажа ради...

Вздохнув, он тщательно затоптал окурок и не спеша направился к домику, выглядевшему, как обычно. Может быть, его и увидели из окна, когда он подошел совсем близко — но никто не показался ни в окнах, ни на крыльце. Самую чуточку раздосадованный таким не-

вниманием к собственной персоне, Сварог остановился в паре шагов от крыльца, засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул, мимоходом пожалев, что он не сказочный мельник Карклай, от свиста которого черепица охапками сыпалась с крыш, а рыцари кувырком летели с коней.

Почти сразу же дверь распахнулась, и на крыльце объявился Вингельт, одетый точно так, как в последнюю их встречу. Может быть, он и удивился, но не подал виду. Однако смотрел на Сварога исподлобья, хмуро, с нескрываемой злостью — ну, как и Сварог на его месте, что уж там...

Вингельт бросил быстрый взгляд вправо-влево.

— Да успокойтесь, — сказал Сварог, заставив себя беззаботно ухмыляться. — Я один, никого больше нет. Я уже знаю, что сюда нельзя приводить вооруженные отряды, здесь нельзя воевать, проливать кровь и так далее... Вот кстати, как эти порядки сочетаются со скрамасаксом у вас на поясе?

Сквозь зубы, ледяным тоном Вингельт ответил:

— Я не собираюсь здесь пускать его в ход. Простое ношение оружия дозволено.

Черт меня раздери! — мысленно ахнул Сварог. А ведь если бы мы со Стахором скрестили тогда клинки, чего доброго, нагрянули бы загадочные Стражи, и неизвестно, как обернулось бы. Но кто же знал? Уж Лесная Дева предупредила бы, если бы знала...

— Кстати, оружия у меня нет, — сказал Сварог. — Никакого.

— И что же вашу милость сюда принесло? — тем же ледяным тоном осведомился Вингельт.

— Жизненная необходимость, — сказал Сварог. — Давайте сразу внесем ясность: я к вам направлен парламентом.

Он мог бы поклясться, что в глазах Вингельта мелькнуло удивление — но лицо осталось столь же невозмутимым. Хитрый Мастер спросил бесстрастно:

— Кем?

— Императрицей и Канцлером, — сказал Сварог. — Честное слово. Как видите, к вам относятся крайне серьезно... Могу я войти?

Чуть подумав, Вингельт посторонился:

— Ну что ж, входите, раз пришли...

Сварог вошел, Вингельт тут же захлопнул дверь за его спиной. Значит, вот так, подумал Сварог, чуть поклонился и вежливо сказал:

— Здравствуйте, господа.

В знакомой ему прихожей, кроме Вингельта, стояли человек шесть и из боковой двери вышли еще несколько, так что набралось не менее десятка. Парочку Сварог помнил по полету к Багряной Звезде, но остальные были сплошь незнакомы. Все они, знакомые и незнакомые, проходя по комнате, размыкаясь, окружая его плотным кольцом, смотрели еще мрачнее Вингельта. А все-таки вы были слишком самодовольными, господа мои, подумал Сварог, стоя на месте и не двигаясь, пока его откровенно окружали. Чуть ли не с шуточками-прибауточками уверяли, что найти вас невозможно и предлагали поискать. Ну, я и поискал. Кто ж вам виноват?

Никто не отдавал команды — но на него бросились как-то очень уж слаженно, не мешая друг другу, заломили руки за спину и тщательно обшарили.

С грохотом распахнулась дверь из другой комнаты, появилась Эгле и, остановившись лицом к лицу со Сварогом, уставилась своими прекрасными глазами вовсе уж ненавидяще. Сварог философски признал мысленно, что кое-какие причины у нее имелись.

— Скотина! — воскликнула она и залепила Сварогу столь оглушительную пощечину, что в глазах искры заплясали. Тяжелая ручка оказалась у бывшей скатеронской княжны, чуть ли не с детства привыкшей охотиться и умирять норовистых коней...

Сварог ей благожелательно улыбнулся и сказал:

— Когда я буду совсем старым и дряхлым, стану сидеть с внучатами у камина, как водится, рассказывать им сказки и истории, я им обязательно скажу: «Эх, пострелята,

знали бы вы, какая ослепительная красавица однажды залепила мне пощечину и как — даже люстра с потолка рухнула...»

Побелев от злости, она размахнулась снова, но двое молодцов по знаку Вингельта не без труда оттащили ее от Сварога и деликатно оттеснили к стеночке, шепотом успокаивая. Она понемногу унялась, только время от времени бросала на Сварога взгляды голодной пантеры.

Меж тем какая-то зараза надежно и крепко связала Сварогу руки за спиной и подтолкнула в спину кулаком. Он пошел, куда пихали. За дверью, куда его втокнули, оказалась приличных размеров комната, явно игравшая роль то ли гостиной, то ли пиршественного зала: длинный стол из темного дерева посередине, две дюжины кресел вокруг, клинки и звериные головы на стенах. Одна из стен сплошной витраж от пола до потолка в светло-синих и бледно-сиреневых тонах: узоры из неизвестных цветов, странные птицы, иные с прекрасными девичьими головками.

Вингельт шумно отодвинул кресло и сел. Двое конвоиров усадили Сварога по другую сторону стола и бдительно встали по бокам. Все остальные остались за дверью — должно быть, занимали не особенно высокие места в здешней иерархии, и слушать разговоры Вингельта с такими вот визитерами им по чину не полагалось. Вингельт начал:

— С вашей стороны было удивительной наглостью...

Витраж вдруг б р ы з н у л внутрь комнаты вихрем бледно-сиреневых и светло-синих осколков, и ворвалось что-то огромное, высокое, издавшее злое карканье. Все так и шарахнулись, в том числе и Сварог.

Впрочем, он-то, единственный из присутствующих, опомнился моментально и даже радостно осклабился — у края стола стоял Горлорг, постукивая передней ногой, похрустывая копытом по осколкам стекла. Потом, каркнув вовсе уж оглушительно, разинул пасть — там оказались не лошадиные зубы, а жутковатый набор натуральных волчьих клыков. Сделал два шага вперед и рявкнул

на Вингельта. На уздечке у него болталась обломанная ветка.

Пленители Сварога застыли, как статуи, нельзя сказать, чтобы лица у них оказались исполнены особой отваги, скорее уж наоборот.

— Хорошая лошадка, — сказал Сварог едва ли не растроганно. — Господа, не кажется ли вам, что в данных обстоятельствах следует развязать мне руки и не торчать над душой? Подозреваю, возможны инциденты...

Держа голову так, чтобы не выпускать Горлорга из поля зрения, Вингельт кивнул. Ухмыляясь, Сварог встал и повернулся спиной к одному из конвоиров. Тот принялся развязывать ему руки — чувствовалось, дрожащими пальцами. Когда руки оказались свободны, Сварог сказал:

— Вингельт... Если эти господа занимают серьезные должности, позволяющие присутствовать на переговорах такого уровня, пусть, конечно, остаются. Если нет, я был бы очень признателен, если они удалились бы. Вы, надеюсь, не боитесь оставаться со мной наедине?

Сразу видно, Вингельт пытался сохранять прежнюю невозмутимость и самообладание. Он повелительно дернул подбородком — и оба молодца вышли. Обойдя стол, Сварог потрепал Горлорга по шее и сказал:

— Спасибо, старина, от всей души... Постой пока в сторонке, ладно? — и, взяв коня за уздечку, легонько потеснил его к стене. Горлорг покладисто проследовал в угол, где и встал с видом бдительного часового, не сводя с Вингельта горевших нехорошим огоньком желтых глаз с кошачьим зрачком. Пасть, правда, захлопнул.

— Что за черт? — недоуменно спросил Вингельт. — Откуда у вас Горлорг?

— Это долгая история, — сказал Сварог. — А у нас чисто деловая встреча. Судя по всему, ваша первая фраза в полном виде должна была звучать так: «С вашей стороны было удивительной наглостью заявиться сюда». Верно? А почему, собственно? Когда мы расставались, я честно предупредил, что буду вас искать. А вы с этакой прене-

брежительной ухмылочкой бросили что-то вроде: да пожалуйста... Вот я и нашел. Да, нам пришлось арестовать вашу жену. Но такие уж игры идут, Вингельт... Не я эти законы придумал... Заверяю вас честным словом: ни с ней, ни с кем-либо другим ничего не случилось.

— П о к а? — ядовито бросил Вингельт. — Я имею некоторое представление о Канцлере. Да и о вас. Не ожидал от вас такой мерзости. Я имею в виду историю с Эгле.

Сварог вздохнул:

— Вы никогда не были королем, Вингельт. Скажу по совести, сволочное ремесло... Прямо-таки обязывает делать такие вещи, каких обычный человек ни за что бы себе не позволил. Поганое ремесло, да... Я говорю совершенно серьезно. Но вы просто не представляете себе, что это такое: быть ответственным за миллионы людей, которым грозит опасность. Тут уж судьба одного-единственного человека, пусть даже это молодая очаровательная женщина, не имеет никакого значения. Остается только государственная необходимость. Я бы хотел, чтобы вы меня поняли...

— Я понимаю, — сказал Вингельт без особого сарказма. — А вы постарайтесь понять другое: наши предки в свое время покинули небеса еще и оттого, что не захотели жить по той философии, которая сейчас вами движет... — он вздохнул. — Конечно, я допустил непростительную оплошность. Не ожидал, что вы так быстро возьмете след. — Он поднял голову, глянул Сварогу в глаза и без всякой злобы, даже чуточку равнодушно, сказал: — А ведь вас, пожалуй, пора убивать. Без всякой злобы. Согласно тем же принципам государственной необходимости, которые вы мне только что изложили. Вы становитесь для нас чересчур опасны.

— З д е с ь убивать как-то не принято, — усмехнулся Сварог.

— Речь не идет об э т и х местах, — сказал Вингельт спокойно. — Вы ведь отправились сюда из своего малого кабинета в Латеранском дворце, верно? И наверняка вернетесь туда же — я слышал кое-что о Горлорге, он всегда

возвращается на то место, с которого ушел. И вот там-то вы получите кинжал в спину, едва вернетесь... Не верите?

— Отчего же, верю, — сказал Сварог.

Если они п о в я з а н ы с компанией Брашери, мне, и точно, конец, подумал он с холодной отстраненностью, словно речь шла о ком-то постороннем. Есть не менее десятка человек, способных под благовидным предлогом — принесли важные документы, явились со срочным сообщением — оказаться в малом кабинете в отсутствие Сварога и поджидать его там. Так что это вполне может оказаться не блефом, хотя все до одного вроде бы проверенные и надежные...

— Вот только не поторопились ли вы, меня предупредив? — усмехнулся он жестко. — Теперь, когда я все знаю, свободно могу прикончить вашего человека первым.

— Это еще как получится, — столь же жестко усмехнулся Вингелът. Действительно, подумал Сварог. Это может оказаться не кто-то из десяти, а некто посторонний, выучки Мары — и вот в этом случае у короля Сварога слишком мало шансов. Печально. Хотелось бы пожить еще, и подольше. Одно утешает: будучи порой пессимистом, перед поездкой сюда поговорил с теми, кому доверял, как никому другому: Яна и Мара — его женщины, а старина Мяус попросту н е у м е е т предавать. Так что при известии о его безвременной кончине Мара (уже научившаяся неплохо управляться с «Рагнароком») встанет на субмари-не напротив Акобаского дворца и снесет там все к чертовой матери — не только Центр Брашери, но и весь дворец, где, будем надеяться, пребывает большая часть заговорщиков, если не все. Мяус пустит в Токеранг все наличные боевые силы с приказом жечь все дотла, живое и неживое. Ну, а Яна проследит, чтобы его идея насчет накопителя была немедленно претворена в жизнь. Ну и, наконец, Золотые Касатки уничтожат базу подлодок токеретов, а ту, нормального размера (и другие, если их уже несколько), выследит и уничтожит Оклер. Есть риск, что при этом вырвется какая-нибудь з а р а з а — но на сей счет Сварог письменно изложил кое-какие соображения, с которыми

Элкон тут же пойдет к Канцлеру. Так что смерть получится безвременной, но не бесполезной...

— Интересно, что вам даст моя смерть? — спросил Сварог. — Нет, в самом деле? Да лишь то, что Канцлер форменным образом осатанеет. У нас был разговор перед моим отъездом. Вот тут-то он возьмется за ваших людей всерьез, и, будьте уверены, выкачает все. И начнется грандиозная охота. Может быть, даже что-то вроде маленькой войны. Но он не успокоится, пока не достанет в с е х. Ну, кто-то, быть может, и успеет сбежать сюда, но что это будет за жизнь... Это не угроза. Вы ведь не угрожали, вы просто предупреждали. Вот и я... Вообще, я не ожидал, что вы такой эгоист, Вингельт. Убивать меня только потому, что я представляю опасность для вас... А все остальные обитатели земли вас, выходит, не волнуют? Коли уж с вами Стахор и Эгле, вы должны знать, что творится в Горроте, возможно, знаете и про Токеранг...

— Это авантюра чистейшей воды, — сказал Вингельт. — Дешевая авантюра. Ничего у них не получится. Да и мы попробуем кое в чем помешать.

— У н и х м о ж е т все получиться, — сказал Сварог. — Вы знаете только о том, что происходит на земле. А вот о том, что параллельно готовится там, за облаками, вы, я уверен, представления не имеете... Рассказать?

Он рассказывал кратко, отсекая все побочное. И подумал еще, что был дураком и допустил небольшой, но досадный промах: Хитрые Мастера не могут быть повязаны с Брашеро. Иначе не укрыли бы у себя Эгле со Стахором.

— Ну, так как? — спросил он закончив. — Это может увенчаться успехом?

Чуть подумав, Вигельт кивнул:

— Это — может...

— Вам это понравится? Только честно.

— Никоим образом, — почти не раздумывая, сказал Вингельт. — Та же тирания, только в другом обличье. Сделать учеными всех поголовно... Идиотская идея.

— Рад слышать, — сказал Сварог. — Стоит ли в э т и х условиях меня убивать?

— Пожалуй, нет...

— Ну, а уж это я н е с к а з а н н о рад слышать, — сказал Сварог. — Да, кстати. Чутье мне подсказывает, что Брашери, придя к власти, станет охотиться за вами — и особенно за вашими детьми — вовсе уж яростно. Вы же сами понимаете: ваши дети — отличные кандидаты для их «научной армии», они наверняка у вас получают образование гораздо лучше обычного земного...

— Что вы предлагаете? — серьезно спросил Вингельт.

— Для начала — поговорить о ситуации, — сказал Сварог. — Отбросив глупое самолюбие. Я согласен, Империя в ее нынешнем виде... ну, дальше я бы вставил ряд нецензурных эпитетов,

— Я бы тоже, — усмехнулся Вингельт.

— Вот только с в а м и, простите великодушно, обстоит не лучше, — сказал Сварог. — Если вы умный человек, не станете вспыхивать от гнева и швыряться стульями. А вы, по-моему, ох как неглупы... Вы тоже проиграли, знаете ли. Я просмотрел старые материалы об у х о д е ваших предков на землю. И прекрасно помню, какие благородные цели они перед собой ставили: ускорить на земле прогресс, помочь п о д н я т ь науку и технику, в перспективе сделать так, чтобы земляне могли на равных говорить с Империей. Прошло три с половиной тысячи лет. Хотя что-то из этого плана удалось реализовать? А? Ну, положила руку на сердце, Вингельт? Судя по вашему вмиг осунувшемуся лицу, вы все прекрасно понимаете. Ничего не удалось и не удастся. Вы давным-давно превратились в этакую вещь в себе, тайное общество искусных механиков, никак не связанное с окружающей земной жизнью и не способное оказывать на нее м а с ш т а б н о е влияние. И, если оставить вас в покое, так и будет тянуться черт знает сколько тысяч лет... Не сверкайте так на меня глазами. Знаете, когда я только-только стал королем, подобно вашим предкам, самонадеянно полагал: моментально проведу кучу прогрессивных реформ, и жизнь станет — краше не бывает. А потом понял: не смогу перевернуть ту г л ы б и щ у, как бы ни старался. Сама жизнь не позволяет. В общем... Вы в тупике, если откро-

венно. Если хотите этот тезис опровергнуть, сделайте это убедительно и логично, я готов слушать, сколько угодно. Вы молчите... Вполне возможно, у вас есть люди, пришедшие к тем же выводам, какие-то дискуссии... Не может не быть, вы умные люди...

— Куда вы клоните? — тусклым голосом спросил Вингельт, глядя в сторону.

— Вы еще не поняли? — пожал плечами Сварог. — Империя в тупике. Вы в тупике. Почему бы в этом случае не плюнуть на старые распри и не вступить в переговоры? Как я уже говорил, на самом высшем уровне — императрица и ваш глава. Императрица, кстати, намерена провести обширные реформы, но по молодости лет и недостатку опыта не всегда представляет, как это делать... Ну, и я — лицо заинтересованное, из-за общей ситуации мои королевства тоже в тупике некоторым образом... Послушайте, Вингельт, давайте, черт возьми, попробуем что-то изменить. Вдруг да получится хоть что-то? Если работать вместе...

— И как вы себе это представляете? — криво усмехнулся Вингельт.

— Не знаю, — откровенно признался Сварог. — Вот и попробуем обсудить, как это может выглядеть. Там, наверху, есть отличная молодежь, я бы мог вас с ними познакомить... От обычных светских бездельников они отличаются, как небо от земли. Всего лишь переговоры, Вингельт. Вдруг да хоть что-то получится?

— Кое-что уже получилось, — сказал Вингельт бесстрастно. — Вы разгромили Гартвейн.

— Хотите, я совершу должностное преступление? — усмехнулся Сварог. — Когда вернусь наверх, доложу: вы согласны на переговоры только в том случае, если немедленно отпустят всех ваших людей... которых пока что никто и в самом деле пальцем не тронул. Хотите? Но и вы в качестве ответной любезности дадите мне честное слово, что все же пойдете на переговоры.

— Я не Глава, — сказал Вингельт. — И ничего не могу гарантировать.

— Ну, так доведите мое предложение до Главы.

— А наши люди, следовательно, — предмет торга?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — Едва я вернусь назад, устрою так, чтобы их отпустили и оставили Гартвейн в покое. И никто больше не будет за вами охотиться. По простой и рациональной причине: я не считаю вас опасными для Империи. Вы в тупике... как и мы. Обеим сторонам гораздо выгоднее сесть за стол переговоров. За которым вы будете полноправной стороной.

— Отпустите их, — сказал Вингельт. — Я, со своей стороны, сделаю все, что в моих силах...

— Договорились, — сказал Сварог и встал. — Вы согласны, что это шанс? Для обеих сторон?

— Допустим, — сказал Вингельт.

И по тому, как это уклончивое словцо прозвучало, Сварог понял, что... нет, не выиграл, но поймал своего собеседника на крючок. Расшевелил в нем кое-какие мысли и идеи. Они все же умные люди, и наверняка у них хватает тех, кто понимает: господа Хитрые Мастера оказались в тупике. Оказались примерно в том же состоянии, что Империя.

— Ваши люди будут на земле уже через пару часов, — сказал он, поворачиваясь к Горлоргу.

— Подождите, — сказал Вингельт, и Сварог обернулся, стараясь это сделать без поспешности. — А если я поставлю условием, чтобы переговоры происходили на земле? В неофициальной обстановке?

— Да никаких проблем, — сказал Сварог. — Я, если вы запомнили, земной король, у меня столько дворцов и замков...

— А если я выдвину еще одно условие, последнее? Чтобы переговоры... по крайней мере, сначала проходили без Канцлера? Императрица, я и вы?

— Думаю, и это нетрудно устроить, — сказал Сварог.

И подумал: да ведь ты и есть Глава! Ты маскируешься, принижаешь свою роль, но ты, отчего-то возникло стойкое убеждение, и есть Глава. Иначе не выдвигал бы столь уверенно требования, которые непременно требуют со-

гласования с Главой, — а ты их выдвигаешь от своего имени... Без всяких оговорок типа «нужно доложить и посоветоваться». И тебе интересно то, что я предложил...

— Хорошо, — сказал Вингельт. — Вас известят.

— Каким образом?

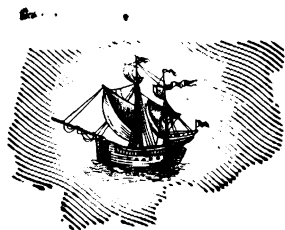
Вингельт с улыбкой развел руками:

— Узнаете...

— Ну что же, — сказал Сварог. — В таком случае разрешите откланяться.

Он поклонился, подошел к Горлоргу, прыгнул в седло и направил коня сквозь выбитый витраж. Не оглядываясь, коротким галопом поскакал прочь. Отъехав достаточно далеко в лес, натянул поводья, и, когда конь остановился, выпустил поводья, сгорбился, прижался лбом к костяному панцирю конской головы. Горлорг стоял смирно, временами издавая что-то вроде фыркания. Сварог сидел так долго, с радостью ощущая, как медленно отступает сумасшедшее напряжение. Потом сказал негромко:

— Оказывается, я еще и дипломат, кто б подумал... И, похоже, мы выиграли, коняшка, по его глазам видно, что ему интересно...

Глава VIII

О ЗАДНИХ КОМНАТАХ ИНЫХ КАБАКОВ

Сварог после трехчасового пешего хождения по городу чувствовал себя чуточку уставшим, но довольным. Яна, надо признать, придумала неплохо: ей давно хотелось вот так побродить по Латеране, да и Сварог впервые выбрался, хотя сто раз собирался. Правда, чтобы не спеша осмотреть все архитектурные красоты Латераны, понадобилась бы пара недель — но все равно, отличная получилась экскурсия, позволившая чуточку отвлечься от жизненных сложностей.

Они с умыслом оделись, как весьма захолустные провинциалы. Чтобы не переигрывать, Яна выбрала платье, вышедшее из моды всего месяц назад: пуговицы до самого пояса, квадратный вырез, отороченный серебряно-золото-серебряной тесьмой, как и рукава с подолом. Правда, для записных модниц устаревший месяц назад фасон — все равно, что прабабушкины наряды.

Сварог добросовестно постарался соответствовать. Напялил камзол с двойным рядом пуговиц на рукавах, от локтя до запястья, золотым галуном сзади по плечам и обшитыми кружевом разрезами по бокам. Столичные щеголи зарезались бы, но не появились на улице в таком виде. Однако вышедшие из моды наряды служили для

пользы дела: нет ничего удивительного в том, что парочка несомненных провинциалов подолгу таращится на мосты, дворцы, памятники и прочите красоты, мимо которых столичные жители проходят, не удостоив и взгляда. Правда, как и следовало ожидать, Яна частенько ловила на себе насмешливые взгляды идущих навстречу или проезжавших в экипажах местных дворянок — но ее это нисколько не трогало, как легко догадаться. Сварог подобных взглядов от здешних модников получил не в пример меньше, всегда украдкой — меч висел у него на поясе, и любой щеголь понимал, что можно нарваться...

Конечно, учитывая ситуацию, он принял все меры предосторожности: их плотно, совершенно незаметно для окружающих держали в «коробочке» шестеро ликторов, доставшихся в наследство от Конгера, — держась так, чтобы полностью исключить удар холодным оружием, одинаково опасный как для Сварога, так и для Яны (увы, ее полную неуязвимость, подаренную Древним Ветром, нельзя было надеть в виде этакого скафандра, пришлось бы накрыть обоих невидимым колпаком, а на такой, того и гляди, мог наткнуться случайный прохожий...). По обеим сторонам улицы двигались четверо людей Интагара, чуть позади ехали два всадника и неприметный, без гербов на дверцах отк~~ры~~тый экипаж (пустовавшее рядом с кучером сиденье лакея на деле представляло крышку пистолетного ящика, где стволов лежало с полдюжины). Сварог не считал, что все это — чересчур. Настало время, когда бдительность следовало включить на полную.

Очень уж много проблем кое-кто мог решить ударом стилета в спину — и могли нанести такой удар, что имперские лекари способны опоздать.

Т е п е р ь Сварог еще лучше понимал, почему снольдерские и ронерские короли столетиями дрались за Латерану, стараясь, чтобы при самом ожесточенном сражении в сам город не залетело не то чтобы ядро, на даже случайная стрела. Безусловно, правы были те, кто считал Латерану самым красивым городом Харума. Человеку свойственно жаждать обладания красотой, в чем бы она

ни выражалась. Даже Годо Второй Снольдерский, патологически невежественный тип, неграмотный настолько, что свое имя не мог написать, а главным развлечением считавший беготню с метательными дубинками за кошками в дворцовом парке, и тот по неведомой потребности души четыре года воевал за Латерану, тогда ронерскую, груду золота потратил, половину гвардии положил — и, не помри он от келимаса, наверняка воевал бы дальше...

— Ну что, путешественница? — спросил Сварог негромко. — На сей раз притонов искать не будем?

— Ой, ну не нужно поминать юную дурь... — надула губки Яна.

Это он намекал на историю трехлетней давности, когда взбалмошность Яны еще блистала во всей красе. Она тогда увлеклась многотомным дамским романом какого-то земного писаки, бездарного, но сколотившего неплохое состояние на своих опусах. И всерьез предложила Сварогу отправиться на землю, чтобы разыграть там сцену из романа: она, как юная графиня Антина, зайдет в какой-нибудь исключительно грязный притон, где ее добродетель, конечно же, попытаются подвергнуть испытанию, — а Сварог, аки маркиз Пандар, в последний момент ворвется со сверкающим клинком наголо и наведет такую справедливость, что от притона один фундамент останется. Сварог ее не без труда отговорил и вымучил честное слово самой подобные представления не затевать.

— Притон нам, конечно, ни к чему, — сказала Яна. — А вот пообедать не мешало бы, как ты думаешь? Смотри, вполне приличное заведение, уж сюда-то можно?

— Можно, — кивнул Сварог, присмотревшись.

Они были в приличном районе, буквально в лиге от королевского дворца, и все заведения здесь были исключительно приличными (в результате мягкого и ненавязчивого воздействия полиции). Вот и эта таверна под вывеской «Рог единорога» выглядела приличнее некуда: красивое старинное здание из желтого кирпича со светло-коричневой черепичной крышей, старинные фонари, старинные, искусного чугунного литья перила крыльца,

мало того — над вывеской помещалось целых пять корон, две снольдерских и три ронерских. Сие означало, что таверну пять раз посещали коронованные особы. А может, и не пять, а гораздо больше, вот только инкогнито, подумал Сварог после кое-каких наблюдений. Дело в том, что у таверны имелся второй этаж — а вот вывески, гласившей бы, что таверна служит еще и гостиницей, не имелось. Поскольку согласно старинным законам «общепит» мог располагаться исключительно на первом этаже (вроде бы их приняли после того, как какой-то принц, будучи в стельку, спускаясь из ресторана на втором этаже, полетел кубарем и сломал шею), объяснение подворачивалось только одно: там, на втором этаже, комнаты свиданий, но, учитывая квартал, приличный вид заведения и короны над вывеской, ручаться можно, что комнаты предназначены для самой что ни на есть знати, быть может, и монархи бывали, читывали мы кое-какие бульварно-исторические книжки...

Они вошли. Вся охрана осталась снаружи после поданного Сварогом условного сигнала — не следовало доводить бдительность до абсурда, они зашли сюда чисто случайно, никто не мог знать заранее, а вздумай кто за ними следить, его давным-давно сграбастали з а м ы к а ю щ и е, чтобы как следует порасспросить, кто подбил на такие шалости...

К ним тут же подскочил разбитной слуга — «встречальщик» — в ливрее, как полагается, и морда самая продувная, как опять-таки полагается. Конечно, в глубине глаз у него затаилась легонькая насмешка над одетыми черт-те как провинциалами, но все равно, он был сама почтительность: кто-кто, а такие молодчики прекрасно знают, что кошелек иного провинциала может быть набит потуже, чем у иного столичного франта...

— Благородный господин... Благородная дама... (он кланялся после каждого слова) Какие будут желания? Общий зал? Уютная и тихая задняя комната, которая, кстати, как раз пустует? — и, ничуть не изменив выражения лица, закончил: — Быть может, второй этаж?

Сварог огляделся. В общем зале столиков из тридцати было свободно три-четыре. Публика, конечно, находилась приличная и благонравная, главным образом дворяне и высшие гильдии, так что разговоры шли негромкие, ложки и вилки не звякали — но все равно, их разговор могли подслушать, а им могло прийти в голову поговорить о серьезных вещах...

— Задняя комната, — сказал Сварог.

— Прикажете, пока вы здесь пребываете, сохранять ее исключительно за вами?

Сварог уверенно кивнул, мельком переглянувшись с Яной. Слуга с бесчисленными поклонами провел их через общий зал и сдал с рук на руки второму ливрейнику, прохаживавшемуся у невысокой резной двери, каковую и распахнул с поклоном.

Комната была гораздо меньше общего зала, всего на четыре столика. Возле каждого — небольшая ниша с отдернутым занавесом, так что сразу видно, ниши очень маленькие, всего-то и вмещают широкий уютный диван, и еще остается чуточку места. Слева — еще одна дверь, резная, старинная. Ага, кое-что ясно, весело подумал Сварог, судя по интерьеру, комнату эту в основном посещают не собравшиеся потолковать о солидных сделках крупные купцы, а светские пары, у которых то и дело обнаруживаются неотложные дела в этих самых нишах — или за той дверью. Ради чистого любопытства надо будет порасспросить Интагара, кто именно из входящих во дворец сюда ходит... Входную дверь изнутри заслоняет тяжелая портьера, сейчас, конечно, отдернутая — ну точно, местечко для веселых компаний...

Едва слуга вышел, приняв довольно обильный и дорогой заказ, Яна, весело блестя глазами, сказала:

— Сдается мне, тут примитивный великосветский бордельчик...

Сварог отметил, что в ней вдруг почему-то объявилось то ли некое оживление, то ли напряженность, то ли все вместе — непонятно, отчего. Предложить посетить второй этаж, быть может?

Дверь распахнулась, послышались громкие, уверенные шаги, и в комнату вошли четверо — судя по одежде, дворяне из небогатых, отнюдь не франты, но, как положено даже захудалейшим, при золотых дворянских поясах и перстнях. На поясах вместо мечей висят кинжалы покороче даги, что по неписаным правилам этикета означает: вооруженный столь скромным образом дворянин не намерен ввязываться в дуэли по пустякам — ну, разве что уж воспоследует настоящее оскорбление, смертельная обида, тогда придется домой за мечом послать...

Вот сволочь, подумал Сварог о слуге. Ведь ясно было обговорено, что комната остается исключительно за нами. В приличных заведениях подобные договоры нарушать категорически не принято. Тут уж не о чаевых речь пойдет, а о парочке оплеух, учитывая обстоятельства, дворянину сойдет с рук...

Вошедшие, вместо того, чтобы усесться за один из свободных столиков, обступили тот, за которым сидели они с Яной. Сварог, в общем, не встревожился: вздумай кто-нибудь из них схватиться за кинжал, получил бы мечом в организм, а учитывая еще способности Яны...

— Из провинции изволите быть, лаур? — спросил один, крючконосый, с роскошными усами и замашками главаря.

— Из Катагара, — кивнул Сварог.

Он умышленно назвал самую дальнюю от Латераны снольдерскую провинцию, у черта на рогах — возле устья Тея. Чем дальше отсюда, тем меньше шансов, что собеседник там бывал и может со знанием дела потолковать о Катагаре, где Сварог в жизни не бывал.

— Изрядная глушь, — кивнул усатый. — Говорят, там у вас на одного человека по пять леших...

— Попадаются, — без улыбки сказал Сварог.

— А барышня вам кем приходится — жена или так... подруга?

Сварог уставился на него с непритворным изумлением: подобный вопрос в устах незнакомца был вопиющей бестактностью. Стопроцентным поводом для немедленной

дуэли. Есть, конечно, в столице любители задирать провинциалов разными хамскими вопросиками — но такие непременно носят мечи, прекрасно зная, что иные провинциалы за оружие хватаются даже быстрее, чем столичные бретеры. А у них только кинжалы. Странно...

Решив не задираться пока что, он кратко ответил:

— Жена.

— Счастливчик вы, — усмехнулся усатый. — Такую красотку отхватили..

Завизжали железные кольца по стальному пруту — это слуга проворно, плотно задвинул тяжелую портьеру и выскочил за дверь. Сварогу все это решительно не понравилось. Еще и полной непонятностью. Будь то покушение, не стали бы лезть с хамскими разговорчиками. Грабители? Не просто среди бела дня — в приличном квартале, в приличном заведении, в лиге от королевского дворца? Такие штучки проходят только раз: и полиция (несомненно, по традиции получающая от хозяина неплохую денежку) разъярится, и сам хозяин, справедливо видя в происшедшем нешуточный удар по репутации, пустит по следу нахалов молодчиков еще покруче... Нет, так дела не делаются, во время вынужденного путешествия на каторжном корабле Сварог столько наслушался о рабочих буднях «ночных портняжек»...

— А позвольте спросить, лаур, вы ревнивы? — продолжал усатый.

Подняв на него тяжелый взгляд, Сварог сказал с металлом в голосе:

— Господа, хотя я и из провинции, однако понимаю, что ваше поведение... скажем так, несколько невежливо и может повлечь...

— Что поделать, таковы уж здешние традиции, — пожал плечами усатый. — Понимаете ли, в заведении, где вы оказались, есть давняя, незыблемая традиция: уж если сюда попала молодая красотка, ей обязательно следует провести пару часов там, в спальне, — он небрежно указал большим пальцем за спину, на дверь в глубине комнаты. — С нами, если до вас все еще не дошло, господин

провинциал. Наличие мужа или кавалера, скажу вам сразу, значения не имеет, наплевать нам на таковое...

Уже с угрозой в голосе Сварог сказал:

— Дурацкие розыгрыши у вас в столице, лаур, вот что я вам скажу...

И демонстративно покосился на прислоненные к стене рядом с ним ножны с мечом.

— Ульдер, — спокойно сказал усатый.

Тот, что стоял ближе других к Сварогу, неуловимым движением метнулся вперед, пинком отшвырнул меч на середину комнаты, а в следующую секунду горло Сварога защекотало лезвие кинжала — короткого, но широкого, отлично заточенного, из покрытой бледно-серыми разводами знаменитой толладской стали. Второй, выхватив кинжал, встал над Яной, поигрывая клинком у ее щеки.

— Никаких розыгрышей, друг мой провинциальный из лешачьих мест, — усмехнулся усатый. — У нас и в самом деле так заведено, и не вижу причин, почему ваша красotka должна составить исключение. — Уже не улыбаясь, он произнес медленно, с расстановкой, с угрозой: — Я полагаю, любезный, даже в вашей глуши слышали о «ночных портных»? По роже вижу, что слышали... Перед вами, да будет вам известно, Баглар-Погибель, один из здешних «ночных королей». Шутить мы не любим, добротой не страдаем, и если уж чего захотим... Там, в спальне, есть еще потайная дверка в подземный ход, выходящий аккурат к берегу Итела. На дне реки с незапамятных времен немало трупов с перерезанными глотками и проломленными головами. Если к ним добавится еще парочка с камнями на шее, — это будет совершенно житейское дело. Хорошо поняли, лаур? А вы, красоточка? — он ухмыльнулся. — Если будешь тихим, как мышка, а красotka — послушной, через пару часов уберетесь отсюда на все восемь сторон света. В противном случае... Вся разница в том, что вы, господин из провинции, отправитесь в плавание сразу, а красotka — через несколько часов. Я вас уверяю, парочку потрепанных провинциалов полиция будет искать без всякого усердия, если вообще будет. Спишут на кварталы

вроде Крысиной слободки, решат, что по незнанию города вы туда сдуру забрели, а там и за медяк прикончат, а девку попользуют на первом же углу...

Вид у него был крайне серьезный. Вот только... Ради окончательной проверки Сварог, вспомнив каторжанские уроки, спросил:

— Хысь, кутявый, а не чумаришь на бутяку налететь?

На высокопробном жаргоне сие означало: «Слышь, шустрый, а не боишься нехорошую ответку заполучить?»

Усатый поднял брови:

— Любезный, я в вашей провинциальной ругани не силен. Ну, никак не знаток. Так как, поняли мы друг друга?

Сварог усмехнулся про себя, несмотря на приставленный к горлу нож. Этот таракан усатый безбожно врал и насчет своей принадлежности к «ночным портным», и насчет подземного хода. И к тому же не понимал ни словечка на «тарабарской музыке». Никакие это не уголовники... что, впрочем, не делает ситуацию менее безопасной: слышал он краем уха от полицейских о великосветских хлыщах, примерно так и развлекавшихся в с е р ь ез. Ну и наплевать. Что такое даже при приставленном к горлу ноже четверо придурков с п е р ы ш к а м и против человека, владеющего неизвестными на земле приемами рукопашного боя и фехтования? Да и Яна с ее возможностями способна связать всю эту четверку морским узлом, а здание в буквальном смысле слова разнести по кирпичику. Так что ни малейшего страха, ни даже тревоги он не ощущал. Наоборот. Скорее уж это е м у выпало занятное приключение, исполненное черного юмора: четверо идиотов напоролись на короля королев и императрицу... И ножичек у горла его ничуть не беспокоил: меж его стулом и стеной свободное пространство шириной в локоть, резко откинуться назад, подбить коленом запястье руки с кинжалом, а там им и вовсе станет грустно, без Яны справимся...

Яна вдруг склонилась к нему и быстро зашептала на ухо:

— Не смей ничего делать, пока я сама не начну. Это приказ, категорический. Сиди и жди. Понял?

Он хмуро кивнул, покосился на спутницу жизни и смачно выругался про себя: ага, решила использовать ситуацию для собственного развлечения. Осуществить то, что не удалось три года назад, — и самой же выступить в роли маркиза Пандара...

— Не смей вмешиваться, пока я не начну, — повелительно шептала Яна. — Я тебе приказываю.

Ну ладно, коли уж ей угодно развлечься...

— Что-то вы погрустнели, лаур, — сказал Баглар насмешливо. — Судя по всему, женушка у вас рассудительная и посоветовала вам не дергаться, чтобы уйти живыми. И правильно. От нее не убудет.

Он отодвинул стол, сел на свободный стул, правой рукой приобнял Яну за плечи и, нахально уставясь на Сварога, принялся гладить ее колени. Ладонь поползла выше, сминая легкую ткань, все больше открывая ноги. Яна сидела смирнехонько, опустил глаза.

— А она у тебя умница, не трепыхается, — ухмыльнулся Баглар, поглаживая ее бедро. — Надо же, какие ножки попадают в провинции... — он резко встал и поднял Яну со стула, ухватив за локоть. Легонько подтолкнул к нише: — Пошли, милая, получишь небольшой задаток перед спальней...

Она послушно вошла, следом проворно заскочили Баглар и кучерявый верзила. Баглар поднял ладонь перед носом сунувшегося туда же четвертого:

— Извини, Ройт, места мало, ты свое потом получишь. Поскучай пока, а заодно присмотри за супругом. Мы не долго...

Он подмигнул Сварогу и задернул портьеру. Сварог сидел рядом с ней, так что не было нужды напрягать слух, каждое слово и звук отчетливо доносились.

— Становись сюда, провинциалочка, — сказал Баглар. — Чувствуешь спиной, как мягко? Специально обивку подобрали... Кеннек! Не рви пуговицы, девочке еще по улице идти, расстегивай аккуратненько. Теперь платьице с плеч... ох, какие плечи! Что скажешь?

— Приятная картина, — сказал Кеннек.

— З р е л и щ е, дубина, — насмешливо поправил Баглар. — Никому не придет в голову гладить картину, а вот со зрелищем можно иначе... Красотка, заложи руки за голову, от этого грудки выше. Вот так, умница... Ну что, пошалим?

Сварог понял, что сейчас-то и начнется. Приготовился, успел прикинуть, как достанет вторым торчавшего у портьеры Ройта — на случай, если Яна займется только теми двумя...

Но ничего не произошло, ровным счетом ничего. Сварог медленно преисполнялся недоумения: секундная стрелка настенных часов уже обожала три круга и пошла на четвертый, а в нише по-прежнему царили спокойствие и почти полная тишина: только тяжелое дыхание мужчин и тихие шорохи, какие производят мужские ладони, напористо странствующие по женскому телу.

Яна ойкнула.

— Ну-ну, не дергайся, — насмешливо откликнулся Баглар. — В жизни не поверю, что муженек этого не делал... А этого?

И снова шорох ладоней, циничные смешки и похабные комментарии, легонькая возня... Сварог уже не на шутку злился: взбалмошная супрута определенно заигралась, затягивая действие в лучшем стиле тех дурацких романов. Нетрудно представить, как ее сейчас лапают, — но ведь подчиняется. Не может же так случиться, чтобы утратила вдруг свою магическую силу? В крайнем случае, получишь такая небывальщина, непременно позвала бы на помощь. Как это там? «Графиня, опустив глаза, покорялась грубым ласкам предводителя разбойников, в душе надеясь на чудо...»

— Прелесть какая... — тяжело дыша, сказал Баглар. — Познакомимся еще ближе? Ага, Кеннек, и повыше... Сколько тебя учить, дуралей? Заткни аккуратно подол за пояс, тогда и держать не придется. Все равно, что голенькая...

Он что-то жарко, настойчиво зашептал.

— Нет! — воскликнула Яна возмущенно.

Послышалась шумная возня, быстро стихшая.

— Вздумаешь царапаться — надаю оплеух, — сказал Баглар. — Не дури, все равно через пару минут пришлось

бы снимать. Ты не забыла, что твой муженек там сидит с ножом у глотки? А про подземный ход к реке не забыла? Ну, снимай сама...

Он вновь зашептал что-то, настойчиво, угрожающе. Яна отвечала шепотом, в котором звучали растерянность и испуг — актриса, чтоб ее... Шелест материи, об пол пристукнул каблучок туфельки, потом второй.

— Ну, вот и умница, — хрипло проговорил Баглар. — И ножки пошире, шалить так шалить... Не дергайся! Кеннек, руки ей поддержи...

И вновь настало многозначительное спокойствие: хриплое мужское дыхание, отчетливые звуки грубых ласк, порой Яна шумно вздыхала, что всякий раз вызывало довольный хохоток. Она вдруг тягуче простонала. Оба подонка расхохотались.

— А ты думала... — сказал Баглар. — погоди, пойдем в спальню, еще не так застонешь, ты у меня орать будешь... А пока вот так...

Он громко шептал непристойности, продолжалась размеренная возня, Яна постанывала сквозь зубы, тяжело дышала, посмеивался Баглар:

— Как тебе пальчики?

Сварог, прекрасно представлявший, что с ней теперь делают, сидел, упершись взглядом в пол. В жизни не думал, что Яна его когда-нибудь подвергнет такому унижению ради очередной забавы — а ведь не девочка, должна понимать... Когда кончится эта гнусь, надавать пощечин, и будь, что будет.

И вдруг ему в голову пришла холодная, рассудительная мысль: а ведь каждому воздается по делам его... И он подумал: это мне за Стахора с Эгле, за то, что я намеревался довести до конца...

И понурился, уронив голову.

— Ну ладно, — сказал Баглар. — пошли в спальню, там просторно. Давай я тебе помогу платьишко привести в порядок...

Портьера распахнулась, показался ухмылявшийся Баглар, за ним Яна — растрепанная, красные пятна на щеках,

мятое платье спущено с плеч и кое-как застегнуто через пуговицу. Баглар покачал перед Сварогом голубыми кружевными трусиками Яны, держа их на указательном пальце:

— Приятная она у тебя... Сейчас такую шлюху сделаем...

И, обхватив Яну за талию, повел в спальню, бросив через плечо:

— Ройт, тащи и супруга, пусть посмотрит, вдруг чему-нибудь да научится. Люблю, когда они смотрят...

— Слышал? — Ройт чуть отодвинулся, не убирая кинжала. — Вставай, пошли, полюбуешься, как мы здесь улаживаем провинциалок. Не переживай, мы тебе ее вернем, и с новым опытом, тебе же интереснее потом будет...

Спальня оказалась довольно обширной: огромная массивная кровать посередине, несколько фривольных картин, полдюжины мечей на стене веером. Одну стену почти целиком покрывало множество женских трусиков, и гильдейских батистовых, и дворянских кружевных.

Баглар ловко опрокинул Яну на постель, успев при этом задрать подол, прилег рядом, расстегнул платье, с наглой усмешкой заглянул в глаза:

— Ну, раздвигай ножки, красавица. Или ты сначала предпочитаешь корешок на язычок?

— Баглар, ты как хочешь, а я присоединяюсь, — заявил Кеннек. — Никакого терпения.

— Да пожалуйста, я не жадный, — весело откликнулся Баглар, лаская Яну. — Только, чур, мне роза, тебе ротик. Только становись так, чтобы лопухому муженьку было хорошо видно. Красотка, не тяни, раздвигай ножки, открывай ротик...

Не шевелясь, Яна вдруг произнесла спокойно, даже надменно:

— Убери блудливые лапы, скотина. Не дожدهшься.

— Да? — Баглар размахнулся. — А по прелестной мордашке?

Размахнулся... и вlepил оплеуху себе самому. Началось, констатировал Сварог, оживившись с нешуточной злостью. В следующий миг Баглар, отброшенный непонятной

силой, пролетел полкомнаты до стены, в каковую с шумом и вцепился, да так, что сполз на пол, оглушенный. Пылая садистским восторгом, Сварог подбил руку оцепеневшего Ройта, вывернул до хруста костей и головой вперед отправил в стену — так, что тот, ударившись макушкой, совершенно вышел из игры. В комнате повеяло предгрозовым запахом, там и сям замелькали синие трескучие искры. Вырубая четвертого, Сварог увидел, как Кеннек со спущенными штанами, нелепо раскинув руки, летит через комнату, спиной шмякается об стену с неопишуемым звуком...

Яна подняла с пола свои трусики, натянула, спокойно стала приводить платье в порядок, потом достала расческу и принялась причесываться. Лицо у нее было не просто злое — ожесточенное. И Сварог впервые подумал, что дело тут не в забаве, а в чем-то другом...

Все, теперь она выглядела, как обычно, только в глазах по-прежнему стояла холодная, рассудочная ярость. Сделала несколько странных движений руками — и мечи, зазвенев, сорвались со стены, пролетели над постелью. Два повисли в воздухе, едва не касаясь остриями груди малость опамятовавшегося, зашевелившегося Баглара, два точно так же встали в воздухе перед Кеннеком, два с т е р е г л и остальных.

— Кто пошевелинется... — громко произнесла Яна. — Всем понятно?

Видимо, понятно было всем — никто из четверых, хотя все пришли в ясное сознание, и не ворохнулся. Баглар жалобно протянул:

— Госпожа колдунья, тысяча извинений, мы же не знали... Уберите железки, душевно умоляю... Зарекусь на всю жизнь...

— Да сколько у тебя осталось этой жизни... — брезгливо отмахнулась Яна, повернулась к Сварогу и, как ни в чем не бывало, спросила: — Пойдем отсюда?

И своей обычной, грациозной, летящей походкой направилась к двери. Сварог последовал за ней, подобрав по пути свой меч. Шумно отбросил портьеру, распахнул перед Яной дверь. Торчавший за ней слуга — несомнен-

ный сообщник — сделал равнодушное лицо. Сварог исключительно по собственной инициативе, проходя мимо, врезал ему в солнечное сплетение так, что скот сложился едва ли не пополам.

Никто не обратил на них внимания, когда они шли к выходу — только «встречальщик», видевший, что произошло с его собратом, живо скрылся в боковую низенькую дверь. На улице Яна невозмутимо сказала Сварогу:

— Распорядись, чтобы их взяли. Пусть в протоколе опишут комнату, ну, и все, что там полагается, ты лучше знаешь...

Сварог жестом подозвал одного из людей Интагара и дал краткие исчерпывающие инструкции. Не забыв упомянуть, чтобы прихватили и обоих лакеев. Спohватившись, тихонько спросил Яну:

— А как с мечами?

— Когда туда войдут, мечи упадут, — безмятежно пожала она плечами. — Пошли?

И первой двинулась в сторону дворца. Сварог догнал ее не сразу. За спиной у него разворачивалась п р о ц е д у р а — свисток шпика надрывался о с о б ы м и трелями, сразу выдававшими понимающему человеку, что тут не просто полиция, а тайная, уже слышались ответные свистки, загрохотали копыта, затоптали бегущие (примерно в радиусе лиги вокруг королевского дворца концентрация конной и пешей полиции протектора, а также тихарей в цивильном была раз в двадцать побольше, чем по столице).

Яна шагала, как ни в чем не бывало, слегка помахивая сумочкой — тоже вышедшего из моды фасона. На Сварога она ни разу не взглянула. Он увидел подходящее местечко: высокая кирпичная стена, окружавшая чей-то богатый особняк, в одном месте выгибалась круглой выемкой, внутри которой булькал красивый невысокий фонтанчик, а вдоль всей выемки шли удобные деревянные скамейки. Одна из старых латеранских традиций: у владельцев подобных особняков считалось хорошим тоном устраивать подобные «ночные убежища для влюбленных», в память о собственной веселой юности.

Взяв Яну за локоть, Сварог туда ее и завел. Она не противилась. Остановившись у скамейки, глянула пытливо:

— У тебя такой вид, будто ты меня ударить хочешь...

— Хочется, — признался Сварог.

Яна склонила голову к правому плечу, откровенно подставляя щеку, покосилась на него:

— Ну, бей. Ты как-никак законный супруг, имеешь право. Иные короли жен лупили не хуже, чем какой-нибудь простой мельник. И даже один император, очень давно... Бей.

Она говорила без всякого вызова, скорее устало. Сварог так и не поднял руку. Взял ее за плечи, усадил на скамейку, плюхнулея рядом и тихо спросил:

— Что случилось, Вита? Я тебя, смею думать, немного знаю... насколько можно знать женщин. Не стала бы ты развлекаться т а к... В чем дело?

Яна откинулась на высокую спинку скамейки, прижавшись затылком к нагретому солнцем дереву. Улыбнулась отрешенно, грустно:

— Молодец, что не ударил. Иначе я бы на тебя смертельно обиделась. За то, что ты во мне засомневался. И не знаю, когда простила бы — но нескоро... Не смей никогда во мне сомневаться. Я только твоя...

— Что случилось? — настойчиво повторил Сварог.

Уже без улыбки, не изменив позы, все так же отрешенно глядя вдаль, Яна сказала:

— Ничего особенного. Просто обязательно нужно было на себе испытать, что чувствует девушка, попав в руки к таким вот мерзавцам, когда они творят, что хотят, и выхода нет...

— И какие же ощущения?

— А ты не догадываешься? Преме́рзкие. Особенно когда суют пальцы... — ее легонько передернуло. — Ничего. Продержалась до последнего. Безусловно, на пользу.

— Что случилось, Вита?

Она бледно улыбнулась:

— А случилось то, мой супруг, что я выполняю за вашу полицию их работу... Только и всего.

— Как это? — спросил Сварог, нахмурясь.

— Две недели назад в Равене при схожих обстоятельствах трое мерзавцев изнасиловали девушку, — сказала Яна. — Провинциальная дворянка, небогатая, приехала по поводу какой-то тяжбы и остановилась в самой обычной вроде бы, средней руки гостинице. Только принадлежала она одному из этих мерзавцев, господину графу, и они там развлекались в точности так же. Ее в первую же ночь... Они просчитались, правда. Девушка была самолюбивая, гордая, подала жалобу протектору. Протектор немедленно арестовал двух, помянутого графа и барона. Не колеблясь. Он у тебя такой, ты его лучше знаешь...

Сварог знал. Протектором Равены служил граф Гишар, «земельный»* дворянин, а потому гордый, самолюбивый и независимый. С крайне простой жизненной философией: любой преступник должен быть наказан. А потому он не делал никаких скидок на звание и титул преступника, и договориться с ним в случае чего было решительно невозможно. При поддержке Арталетты и искреннем расположении Сварога он сидел очень прочно, вот уже полтора года — и великосветская преступность в Равенне резко упала едва ли не до нуля...

— Так, — сказал Сварог. — А почему он не взял третьего.

— Потому что не имеет такого права, — сказала Яна. — Третий — благородный лар, барон Кропер. Исключительная скотина. Мне в свое время прохода не давал, буквально балансируя на грани этикета. Ты его должен помнить по Аркетауну, у вас была легонькая стычка из-за танца со мной...

Сварог не особенно ярко, но помнил: глуповатая физиономия, повадки дешевого фата, усики-запятыя...

— Ах, вот оно что... — протянул он.

— Ну да. Те двое при поддержке хороших адвокатов заняли самую выигрышную для них позицию: гостиница фактически принадлежит не графу, а благородному лару,

* Титулованный дворянин, не просто владеющий поместьями, а сохранивший свои фамильные феодальные владения, пусть и не целиком. Поскольку короли столетиями пытались лишить таких магнатов их владений (чтобы не стали слишком независимы), «земельных» из всего дворянства осталась едва десятая часть. По неписаной иерархии они считаются выше «неземельных», даже будучи ниже титулом.

и девушку насиловал один благородный лар, а они выступали в роли простых лакеев, не смея перечить Высокому Господину Небес. Примерно так. Дальше объяснять?

— Сам знаю, — мрачно сказал Сварог. — Благородного лара нельзя вызвать в земной суд ни в каком качестве, даже свидетелем. И нельзя судить, что бы он ни натворил на земле. Так что дело рассыплется, никто ничего не сможет сделать, и эти двое выйдут на свободу... Я и не знал...

— Видимо, давно не читал бумаг из Равены? То-то. Твой упрямый Гишар, хотя и прекрасно знает законы, все же написал прошение в канцелярию земных дел, совершенно справедливо отмечая, что подобные случаи вызывают ненависть к ларам и в конечном итоге идут во вред Империи. Чисто случайно, — она усмехнулась, — эта бумага попала в мой Кабинет, и я пустила в дело свою разведку. Выяснилось мно-ого интересного. Здесь, в Латеране, подобных притонов, где таким вот образом развлекается «золотая молодежь», — два, если не считать того, где мы побывали. В Равене, кроме того, о котором шла речь, — три. В Снольдере — пять. Примерно в половине заведений развлекаются и лары, особенно тот же Кропер. И всегда ухитряются сделать так, что жертва справедливости не находит, даже если решит жаловаться, — деньги, связи, знатность рода, покровительство ларов... Впрочем, жалуются очень немногие. И тот случай в Равене — первый, когда притон закрыли, а «забавников» взяли.

— Остальные я разнесу в двадцать четыре часа, — сквозь зубы сказал Сварог. — В Равене и здесь это будет очень просто, да и в Снольдере у меня тайной полицией заведует человек твердый...

Глан, слава богу, в этом не замешан, подумал он с облегчением — раз она его не упомянула. Ничего странного, учитывая тамошние традиции: обидишь вот так девушку — род или клан по судам бегать не будет, разберется сам. Даже если, предположим, жертва — простолюдинка, а виновник — глэрд, рано или поздно господина глэрда непременно найдут со стрелой в спине... Ну, и у ратайцев примерно так же.

— Если бы дело только этим ограничивалось... — вздохнула Яна. — Мои люди установили: уже много лет у нас существует так называемое «Общество веселых свинтусов». Принимают туда только тех, кто совершил на земле достаточно серьезное преступление — убийство не на дуэли, изнасилование дворянки, крупное ограбление и тому подобное. Двадцать четыре члена. Между прочим, Кропер там заместитель председателя...

— Орк там наверняка не числится... — задумчиво сказал Сварог. — Он, конечно, авантюрист и мерзавец, но никогда не убивал просто так, кражей или ограблением побрезговал бы, а насильников презирует.

— Сама знаю. Не числится. Но все равно — двадцать четыре человека. Кстати, это еще и крайне скверный пример для подрастающих юных шалопаев... И твой Гишар совершенно прав — это только во вред Империи... — Яна посмотрела на Сварога как-то незнакомо: жестко, решительно. — Пожалуй, я все это сегодня устроила еще и для того, чтобы окончательно у к р е п и т ь с я духом. Нравится это кому-то или нет, но пресловутые «вековые традиции» я буду ломать, — она усмехнулась без малейшей веселости. — Я давно уже правлю в некотором роде тиранически, ты не забыл? Нет больше ни Тайного Совета, ни Палаты Пэров. Теперь предстоит как следует поработать с Законодательной Ассамблеей. Чтобы приняли закон, по которому лар за любое преступление на земле предстанет перед судом... ну, не перед земным, не будем перегибать палку и сходу ломать слишком многое... но перед Судом Королевской Скамьи, безусловно, предстанет. И безнаказанным не уйдет. — Она вновь легонечко передернулась: — Эти наглые лапы, шарящие по всему телу, лезущие в самые сокровенные местечки... В общем, я у к р е п и л а с ь. Шум, конечно, будет страшный. Масса людей никогда не совершала и не совершит на земле преступлений — но они поднимут вопль исключительно оттого, что благородных ларов лишают «одной из древних исконных вольностей». Ничего. В прошлый раз тоже было много шума. Но есть гвардия, армия и кое-кто еще...

— А на собрании Ассамблеи ты будешь сидеть в наряде королевы Хелльстада... — усмехнулся Сварог.

— Вот именно, — серьезно сказала Яна. — И время от времени в зале будет случаться что-нибудь... безобидное, но весьма зрелищное. Я все тщательно продумаю, поможешь?

— Конечно, — сказал Сварог. — Знаешь... Вот если бы нам удалось в ближайшее время решить дело с Горротом и вытащить на свет заговор в Магистериуме... В т а к о й обстановке много реформ можно быстренько провести и не одну «вековую традицию» разнести в щепки: пока все напуганы, удивлены, растеряны. По собственному опыту знаю.

— Я подумаю, — кивнула Яна. И посмотрела на него не без лукавства: — Ну как, ты меня больше не подозреваешь в любви к развратным забавам?

Сварог наклонился, поцеловал ее в щеку и сказал:

— Ты чудо, Вита...

— Нет, но поначалу-то ты определенно подумал... Подумал, — сказала Яна уверенно. — Я по твоему лицу видела... Обещаешь, что такие подозрения были в последний раз?

— Обещаю, — сказал Сварог покаянно.

Яна по-кошачьи прищурилась:

— Это тебя тучи доступных дворцовых красоток испортили. Привык думать, будто все мы... Я неправа?

— Ну, может, что-то вроде... — виновато сказал Сварог. — Давай забудем? Я больше никогда не буду...

— Забудем, — великодушно сказала Яна.

— И куда теперь? В Хелльстад или за облака? Правда, у меня еще парочка дел во дворце...

— Не хочу я сегодня ни в Хелльстад, ни в Келл Инир, — сказала Яна. — Ночую в Латеране, если ты не против. По-быстрее бы ванну принять, а то до сих пор кажется, что по всему телу эти поганные лапы ползают...

— Ну, это быстро... — сказал Сварог.

Вышел на тротуар и сделал знак, подзывая экипаж.

Глава IX

НЕЗАВИСИМЫЙ ЭКСПЕРТ

Граф Дилорн, протектор Латераны, сейчас был на себя не похож. Обычно — высокий, осанистый, с суровым лицом. Сейчас лицо у него стало просительное, даже чуточку жалкое, осанистость пропала, да и роста словно бы чуточку поубавилось.

— Ваше величество... — говорил он умоляюще. — Быть может, все же не будем давать делу хода? Прекрасный случай показать исконно королевское милосердие...

Сидевший в уголке Интагар смотрел на него злобно, с нехорошей ухмылочкой — ну да, при его-то одном-единственном, всем известном бзике... Наверняка успел представить своих дочек в подобном заведении. Но где ж он раньше-то был, всезнайка?

— Так, — сказал Сварог. — Значит, вас уже осаждают родственники?

— Ну, разумеется, ваше величество, — плачущим голосом, какого Сварог от него никогда не ожидал, откликнулся протектор. — Не успевала отъехать одна карета, подъезжала другая... Вдовствующая герцогиня Баглар, родители графа Кеннека и маркиза Ройта, тетушка графа Ульдера... Все в расстроенных чувствах, полагаются на ваше милосердие и обстоятельства... Речь идет о древних и весьма влиятельных фамилиях, обладающих нешуточ-

ным влиянием среди дворянства... Такие вещи, по-моему, непременно должны учитываться. Молодые люди немножко пошалили, никому не причинив вреда...

— Немного? — усмехнулся Сварог, взял со стола один из протоколов и помахал им в воздухе. — Вы это читали? Отлично. Напомнить вам, с к о л ь к о женских трусиков там насчитала на стене полиция, или сами помните?

— Ваше величество, но обстоятельства... Во-первых, речь в доброй половине случаев идет о каких-то простолюдинках... Во-вторых, никогда не было подано ни единой жалобы, а, следовательно, нельзя утверждать с ходу, что речь шла о насилии... Презумпция невиновности... Сами по себе висящие на стене трусики еще не означают, что непременно имело место насилие... Мораль современных девушек, увы, далека от совершенства... (Интагар уставился на него зверем) А сегодняшний случай... Жалобы опять-таки не подано, мы даже не знаем, где искать эту парочку, достаточно ли она законопослушна и была ли она вообще... Быть может, кто-то устроил изощренную интригу, чтобы таким образом через мнимые прегрешения молодых людей навредить их родным...

— А признательные показания всех четырех вы читали? — спросил Сварог. — Читали... Что скажете?

— Ваше величество, мы с вами взрослые, опытные люди и прекрасно знаем, к а к иногда в полиции добываются признательные показания, — сказал граф. — Увы, увы, к стыду нашему, в этом мире, где нет совершенства, его далеко не всегда сыщешь и в полиции. Я буду самокритичен: разное случается...

Сварог ухмыльнулся. Ни одного из четверки на допросе, проводившемся Интагаром лично, и пальцем не тронули. Просто-напросто через пару минут после начала он сам вошел туда, одетый уже соответственно королевскому сану, и вот тут-то был всеми четырьмя быстро опознан. Ну, а когда он любезно сообщил шалунам, к о г о именно они пытались изнасиловать, пришлось срочно вызывать еще двух писцов, потому что один не справлялся, все четверо кинулись каяться и признаваться наперебой, отпи-

живая друг друга и валя вину друг на друга, причем Кен-нек самым позорным образом намочил штаны...

Черт знает что, подумал он, глядя на убитого горем протектора (не назначенного им, а доставшегося вместе с Латераной). Неплохой полицейский, почему и оставлен на своем посту, никаких нареканий не было, но оказалось у него слабое местечко...

— Ваше величество, — затараторил протектор, обретя малую толику уверенности, очевидно, приняв молчание Сварога за колебания. — Речь как-никак идет о представителях знатнейших родов снольдерского дворянства, есть факторы, которые следует учитывать...

— Даже королям? — небрежным тоном закончил за него Сварог.

— Сложности нашей жизни... — уже не плаксивым, а весьма дипломатическим тоном протянул протектор. — Иные из них вынуждены учитывать даже короли...

— И даже те, кому присягнула на верность не просто ратагайская конница, а Ратагайская Пушта? — с милой улыбкой спросил Сварог.

Видно было, что граф чувствует себя бутылкой вина, очутившейся перед двумя одинаково похмельными драгунами: не тот употребит, так тот...

— О да, ратагайцы... — протянул он прежним жалобным тоном. — Но все же, ваше величество, простое человеколюбие...

— У вас крепкое сердце, граф? — серьезно спросил Сварог. — Есть ли склонность к апоплексическому удару или нет? Я нимало не шучу, мне крайне важно это знать... (Интагар, явно почуяв, куда поворачивает беседа, откровенно ослабил).

— Нет, что вы, ваше величество... Миловал Единый, со здоровьем все обстоит неплохо...

— Отлично, — сказал Сварог. — Значит, вы легко перенесете иные подробности... — он мрачно ухмыльнулся: — Ваши милые шаловливые мальчики пытались изнасиловать Высокую Госпожу Небес, Императрицу Четырех Миров, захотевшую инкогнито осмотреть Латерану и по

неосторожности заглянувшую именно в это заведение. Мне это доподлинно известно, поскольку я был ее спутником. Проще говоря, мы с ней и есть «та парочка». Теперь понимаете, почему никто не подавал в полицию официальной жалобы? Слово чести короля, так все и обстояло... Что скажете?

Какое-то время казалось, что граф был чересчур оптимистичен, хвалясь крепким здоровьем. Пожалуй, что описать выражение его бледного, как смерть, лица не взялись бы ни хороший романист, ни опытный полицейский шпик.

— Но это... Как же это... — выдавил граф, обмякший, прямо-таки расплывшийся в кресле.

— Очень просто, — сказал Сварог. — Неужели вам неизвестно, что монархи — в том числе и обладатели императорской короны — не так уж редко решали неузнанными побывать среди подданных? Кстати, ее величество находится здесь, во дворце. Если вам недостаточно моего честного слова...

— Помилуйте! — буквально возопил протектор. — Да что вы такое говорите, ваше величество, как я смею сомневаться в вашем слове?! — он самым натуральным образом схватился за голову. — Великие небеса, Мать-Земля, что же теперь начнется... .

— Я думаю, вы прекрасно представляете, что в э т о м случае может начаться, — холодно сказал Сварог. — Императрицу попытались изнасиловать в грязном борделе... Ну, и меня подвергали оскорблениям и пугали ножом, но это деталь второстепенная...

— Прикажете арестовать? — прямо-таки крикнул протектор.

— Кого? — с искренним недоумением спросил Сварог.

— Ну, я не знаю... Родственников... Не донесших вовремя... Всех...

Судя по его лицу, он и в самом деле готов был, спасая собственную шкуру, пересажать добрую половину Латераны.

— Все, кого следовало арестовать, уже арестованы, — сказал Сварог. А впрочем... С какого времени вы знали о существовании того... заведения? Ну, живо! Вы же прекрасно знаете, что я моментально определяю, когда мне лгут...

Протектор буквально прошептал:

— Примерно с того времени, когда молодые люди... когда эти злодеи короны его устроили. Года два...

— Вы, кажется, говорили что-то такое об арестах недоносителей? — спросил Сварог вежливо. — Интересно, как во всей этой истории будет выглядеть протектор, прекрасный но знавший обо всем, но не принявший никаких мер?

Протектор, явно благодаря большому жизненному полицейскому опыту моментально сообразивший, что великолепно подходит на роль козла отпущения, снова закатил глаза, исходя крупным потом — и никакого приговора во всем этом, ручаться можно, не имелось. Козел отпущения и в самом деле был идеальный...

— Возьмите себя в руки! — не без грубости прикрикнул Сварог. — Я кому говорю? Извольте взять себя в руки немедленно. Вам ничего не будет, даю слово.

Его последняя фраза произвела прямо-таки магическое действие: протектор ожил, даже бледности поубавилось, он выпрямился и смотрел на Сварога взглядом верного пса, готового по первому слову перекусить глотку кому угодно.

— Слушайте внимательно, — холодно сказал Сварог. — Вы немедленно соберете всех помянутых вами родственников-заступников и повторите им то, что слышали от меня. Расскажите, что именно натворили... ну, пусть п ы т а л и с ь натворить их милые шалунишки. Предупредите их: если хоть словечко обронят об этом кому-то постороннему, попадут под параграф о разглашении не то что государственной тайны — «секрета короля». Все понятно?

— Да-да...

— Ну, так что же вы сидите?

Протектор исчез из кабинета Интагара мгновенно и бесшумно, как вспугнутое монахом привидение.

— Да, сейчас начнется... — вздохнул Интагар.

— Бросьте, — сказал Сварог. — Ничего не начнется. Императрицу, скажу по секрету, это приключение даже чуточку развеселило... Так что ничего не начнется. Этих четырех подонков, без суда, моей волей — в Три Королевства, куда-нибудь на рудники, навечно. Всех сообщников — туда же. Расследуйте и выявите всех, хозяин заведения не мог не знать... Протектор... Его, разумеется, в отставку. Есть у него какое-нибудь дальнее имение?

— Возле гор Оттершо. Нечто убогое, досталось в наследство, он там практически не бывает...

— Возле гор Оттершо? — усмехнулся Сварог. — Отличная глушь. Так что объявите ему потом мою волю: сутки на сборы — и отбыть в данное имение, где пребывать... — Сварог жестко улыбнулся, — до моей кончины. Теперь о другом, Интагар... По данным личной разведки императрицы, подобных заведений есть еще несколько. В Снольдере — пять, в Равене было четыре, одно обнаружено буквально пару недель назад, так что осталось три. И здесь, помимо того, где мне пришлось побывать, — еще два. Но речь в первую очередь о Равене. Вы столько лет возглавляли тайную полицию короля Конгера... Знали вы об этих заведениях, или нет?

— Нет, — сказал Интагар. — О них доходили только смутные слухи, и ни разу не удалось найти никаких п о д х о д о в ...

— Не врете... — задумчиво сказал Сварог. — Но как так могло получиться?

— Позвольте спросить, ваше величество: то заведение, что обнаружено в Равене... Протектором?

Сварог молча показал пальцем на потолок.

— Вот видите... Насколько я прикидываю, все потому и ограничивалось смутными слухами, что дело всегда держали в строжайшей тайне. И никогда никому не хвастались. Немало молодчиков из знати откалывали подобные штучки, но так, что об этом быстро становилось известно — а вот те, кто оборудовал именно что з а в е д е н и е, ухитрялись держать все в тайне. Уж граф Гишар-то, узнай

он об этом, моментально и, не колеблясь, пересежал бы всех, несмотря на знатность рода, вы же знаете, каков он в обращении с любым титулованным преступником... Да и барон Фаторус в Сноле не стал бы церемониться, в отличие от того слизняка, который только что отсюда выполз. Я уверен, все дело в том, что мерзавцы соблюдали строжайшую тайну... и никогда не было жалоб от пострадавших.

— Пожалуй, вы правы... — подумав, кивнул Сварог. — Полный список этих милых заведений вы от меня получите вечером. Снольдерскими, понятно, пусть занимается Фаторус, а вот в Равене и Латеране придется поработать вам.

— С радостью, — сказал Интагар с хищным выражением лица. — Тут и не нужно особенно изошряться, возьмем «на живца»...

— В Латерану, естественно, нужен новый протектор, — сказал Сварог. — Лучше, чтобы это был снольдерец — юридически здесь все же снольдерская территория, иные давно ворчат по поводу вас и кое-кого еще, что ронерцы забрали здесь слишком большую волю... Так что пусть будет снольдерец. Поговорите с Фаторусом, у вас ведь отличные отношения. Пусть подберет надежного человека... который в случае чего останется глух к просьбам высокородных родственников. Думаю, если поискать, такой найдется все же...

— Будет сделано. В самом скором времени, — Интагар покачал головой. — Значит, это императрица... Мне доложили, что вы приехали во дворец с какой-то девушкой... Я надеюсь, она не пострадала?

— Пострадали как раз те шалунишки, — усмехнулся Сварог. — Вы, должно быть, запомнили, но она владеет кое-какой магией.

— Ну, вот и отлично, что все обошлось. Однако, ваше величество, вам бы следовало, простите за прямоту, быть осторожнее и не подвергать девушку риску, потому что...

— Вот и не этих ваших проповедей никогда больше не читайте, Интагар, — сказал Сварог. Это приказ. Кто мог

предвидеть? Срежь бела дня, в центре Латераны, с оставшейся на улице кучей охраны, в приличнейшем на вид заведении... Ладно. Зарубите себе на носу: с императрицей никогда ничего не может случиться. У нее древняя магия, сильная... И хватит об этом. У меня к вам крайне серьезное дело... Хотя, погодите минутку. С тех пор, как я бесцеремонно расселся за вашим столом, то и дело посматриваю на этот предмет. Странная штука. Что это вообще такое и почему у вас на столе? На вашем столе не бывает пустяков...

Он повертел в руках легкий, острый стилет, к колючку в рукоятке которого был привязан большой моток прочной, хотя и тонкой веревки — судя по плетению, дорнабильской. Дорнабиль не зря прозвали «веревочной столицей», тамошние мастера чего только не изготавливали — веревки, канаты и шнуры всех мыслимых разновидностей и назначения.

— Это, действительно, не пустяк, — сказал Интагар. — Дело серьезное и интересное, я собирался вам обязательно доложить, когда оформили бы все бумаги... Завязка банальная: промотавшийся молодой маркиз ждал наследства от дядюшки, а тот оказался крепок и в ближайшее время умирать естественной смертью никак не собирался. А вот орудие убийства этот вертопрах выбрал отнюдь не банальное... То, что вы держите в руках. Понимаете, каждый вечер дядюшка-маркиз запирался в своем кабинете на первом этаже и часа два перебирал свою коллекцию медалей. Окно выходило в парк и было всегда распахнуто — пожилой дворянин любил вечернюю прохладу, запах листвы, особенно после дождя... Сидел он за столом всегда лицом к окну. А шпингалеты на окне были самые новомодные, пружинные — стоит захлопнуть окно, и они сами защелкнутся. Этот мерзавец, племянничек, долго учился метать нож... В сумерках он подобрался к окну, метнул стилет так, что угодил дядюшке прямо в сердце, а когда увидел, что с тем покончено, выдернул стилет за веревку и захлопнул окно. Шпингалеты тут же защелкнулись. Утром, когда выяснилось, что хозяин не ночевал в

своей спальне — впервые за много лет — слуги обеспокоились, заглянули в окно, увидев его недвижимым за столом, взломали двери... Полиция оказалась в тупике. На лицо мертвец с ножевой раной в сердце, орудия убийства нет, дверь заперта изнутри, окно плотно закрыто на оба шпингалета... Необъяснимо. Кто-то даже начал уверять, что тут пахнет чертовщиной. Кабинет опечатали, как полагается до решения судьбы наследства, ценности там лежали немалые, пожилого дворянина похоронили... Прошло две недели, еще несколько дней — и наш прохвост был бы законным образом введен в права наследства. Его с самого начала подозревали, конечно, в таких случаях, когда наличествует промотавшийся вертопрах, чье положение может поправить только наследство, в первую очередь подозревают его — и сплошь и рядом не без оснований. Но никто не представлял, к а к он мог в этих условиях убить дядюшку. Коли уж дверь и окна были заперты изнутри. Сквозь стены проходить он, безусловно, не умел... Так что сыщики остались при одних подозрениях, а с ними к прокурору не пойдешь... Однако нашелся один парень, молодой, ретивый, жаждущий побыстрее выдвинуться... Он добился у начальства разрешения еще раз осмотреть кабинет, снять печати. И взял след... Когда дядюшка с ножом в сердце грудью рухнул на стол, он опрокинул чернильницу, полную, растекалась изрядная лужа. К тому времени уже застывшая. Остался четкий след какого-то предмета, пророздившего лужу из конца в конец, и след от тонкой веревки дорнабельского плетения. Наш парень все это осмотрел — чего раньше сделать другие не додумались — обнаружил, что шпингалеты — пружинные, и у него з а б р е з ж и л о. Он начал понимать, к а к можно было это сделать. Сумел убедить начальника, тот оказался человеком гибкого ума, сам съездил в особняк, осмотрел все, согласился, что идея толковая... Ну, а дальше было совсем просто. Этот скот не выбросил нож с веревкой. Решил, понимаете ли, сохранить на память о собственном хитроумии. В его квартире в его отсутствие сделали обыск, очень быстро обнаружили

примитивный тайничок с кинжалом и веревкой, кое-где испятнанной теми же чернилами, положили назад, стали следить и копать... Нашли циркача, который учил его метать ножи. Нашли оружейника, который продал стилет. Нашли следы тех же чернил на подкладке камзола убийцы — он ведь, уходя, спрятал нож за пазуху... П о д в е л и к нему толкового агента, девуку, он с ней пьянствовал неделю, а потом, когда она умело н а в е л а разговор на убийства, стал хвастать, что знает способ нераскрываемого... Девка стала твердить, что не верит, что такого не бывает. Этот идиот достал стилет из тайника и стал ей подробно объяснять, как все же можно совершить нераскрываемое убийство. Ну, взяли... Будь он чуть поумнее, вывернулся бы. Нужно было потуже натянуть веревку и выдернуть стилет так, чтобы он не угодил в чернильную лужу. Вообще достаточно было выбросить стилет куда-нибудь в реку. И отчистить камзол от засохших чернил. Но оборот, на наше счастье, был не великой хитрости...

— Занятно... — сказал Сварог, вертя в руках хитроумное орудие убийства. — Мало придумать отличный способ убийства, нужно еще уметь скрыть следы... А?

— Совершенно верно, ваше величество. На этом они очень часто и г о р я т — на том, что преступление совершили мастерски, а следы заметали скверно...

У Сварога у самого з а б р е з ж и л а какая-то смутная идея, но она никак не желала принимать четкие очертания — и к тому же сейчас было не до посторонних идей...

— Ну ладно, — сказал он, бросил стилет на стол и встал. — Занимайте свое место, на котором я бесцеремонно расселся, придется поработать, и всерьез...

Не утруждаясь возней со звонком, без всякого ущерба для королевской гордости самолично выглянул в Интагарову приемную. Народу там было немного: симпатичная, разбитная на вид девушка в скромном платице с гильдейской бляхой, беспокойно ерзавший пожилой господин купеческого облика, отлично одетый, но невероятно унылый дворянин, зажатый меж двух верзил с неприметными лицами — и скромно поместившийся в уголке Элкон,

как всегда, одетый небогатым дворянином, с кожаным футляром на коленях. Что до Элкона, то п р и ж и л с я он тут без всяких сложностей, по размышлении Сварог ему даже графский титул оставил. Легенду ему с л е п и л и незатейливую, но вполне жизненную: юный граф из провинциальной обедневшей фамилии, благодаря чьей-то протекции, попал в тайную полицию, в ближайшие помощники Интагара. (Это в обычной полиции служить для дворянина считалось унижительным, разве только на весьма начальственных должностях, а с тайной полицией обстояло иначе, так уж исторически сложилось.)

Сварог кивнул Элкону, и тот, прихватив свою увесистую ношу, степенно направился в кабинет. Следом за ним кинулся тот господин купеческого облика, ухватил Сварога за рукав и зашептал:

— Господин секретарь, нельзя ли устроить так, чтобы господин министр меня принял сразу после этого молодого дворянина? Ну, неотложнейшее дело!

Он сделал ловкое движение рукой, незаметное для окружающих, и Сварог обнаружил у себя в ладони золотой аурей. Будь на месте просителя кто-то другой, Сварог, мысленно посмеявшись, взял бы денежку и честно ее отработал — но тип был какой-то неприятный, рожа словно салом намазана, глазки бегают, весь дерганый какой-то... Посему Сварог, брезгливо держа монету двумя пальцами, засунул ее купчишке за отворот рукава хомерика, пожал плечами и сказал:

— Милейший, я такие дела не решаю. Я просто-напросто здешний король...

Сыщики (явно признавшие Сварога сразу, но не подававшие виду — мало ли каковы желания короля, вдруг он не хочет быть узанным?), услышав таковы слова, прворотно вскочили и щелкнули каблуками. Их подконвойный, несказанно оживившись, вскочил и завопил:

— Ваше величество, смилуйтесь! Не виноват! Оговорили!

Плохо он со своей продувной физиономией походил на жертву оговора. Подойдя вразвалочку, Сварог спросил того верзилу, что помещался справа:

— Что за невиновный?

— Все они невиновные... — проворчал верзила. — Это, ваше величество, Билант-Игрунок, в четвертый раз с фальшивыми костями взяли, только на сей раз он не по игорным домам шkodил, а во дворце герцога Риджета играющих на десять тыщ золотом обнес...

— Так поступать нехорошо, — наставительно сказал Сварог шулеру, повернулся и пошел в кабинет Интагара мимо остоленевшего с отвисшей челюстью купца.

— Итак, господа мои... — сказал он, садясь. — Интагар, вы уж не огорчайтесь, но в этом вот футляре очередная государственная тайна. Оттуда, — он показал пальцем на потолок. — Я знаю, как угнетающе они на вас действуют, но ничего не поделаешь, придется поработать.

— Ах, ваше величество... — с унылым лицом и грустной покорностью судьбе сказал Интагар. — Я уже помаленьку начинаю привыкать, что залетел на самый верх. Лишь бы не повесили...

— Глупости, — сказал Сварог. — Вы давно уже дворянин, кто же вас повесит? Для дворян — позолоченный меч.

— Я всегда ценил ваше остроумие, ваше величество... — печально откликнулся Интагар.

— Да ладно, куда ж я без вас? — сказал Сварог. — Ладно, пошутили и будет. Ситуация такова, Интагар. В этом футляре — старое, давным-давно закрытое дело. Компьютер вы уже освоили, так что справитесь, благо тут нужно всего-навсего читать и просматривать снимки с фильмами. Как бы вам объяснить поточнее, что мне нужно... Дело вроде бы ясное, но у меня сложилось стойкое убеждение, что там что-то нечисто. Что мы чего-то то ли не понимаем, то ли просто не видим. Так случается, уж вы-то знаете... Смотришь — и не видишь... Вот я и хочу, чтобы вы взглянули на все, во-первых, как человек со стороны, во-вторых, как опытный сыщик. Мне будет интересно ваше мнение, ваши версии... любые. Пусть вам самому они покажутся идиотскими, понимаете?

— Кажется...

— Это не все дело, конечно, — сказал Сварог. — Я оставил самую суть, убрал ненужные мелочи и подробности. Так что до ночи должны справиться. Граф Элкон станет объяснять то, что вам будет непонятно. После того... нет, не нужно сразу ко мне. Подумайте как следует над всем, что прочитаете и просмотрите. Идите ко мне, когда у вас будут ч е т к и е соображения... Пусть, как я уже говорил, самые нелепые. Какие-то соображения у вас непременно будут, как же иначе, если дело просматривает опытный сыщик? В общем, жду вас завтра. Там, в приемной, народец, но я их сейчас разгоню... Надеюсь, Билант-Игрунок может подождать?

— Конечно, — сказал Интагар. — Куда он денется?

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — А вдобавок я вам поставлю часового у дверей, так что ни одна живая душа вас с графом не побеспокоит... Удачи!

Он вышел в приемную, развел руками:

— Министр сегодня больше не принимает...

Купец, все еще таращась на него с остолбенелым почтением, первым выскочил в дверь. Следом сыщики, не выказав ни малейших эмоций, увели шулера (он вновь попытался кричать Сварогу, что невиновен и оговорен, но получил от конвоира короткий в печень и заткнулся). Гильдейская девица медлила.

— Не принимает больше министр, красавица... — сказал Сварог. — А что у вас за дело, собственно?

— Я, ваше величество, пришла наниматься в шпионки, — бойко, без всякого почтительного страха ответила девица. — В эти... осведомительницы. Тетка говорит, они всегда нужны, а она жизнь знает, трех мужей пережила, вторую лавку открыла... Ремесло, говорит, полезное для власти, а у нас в мастерской иногда такие интересные разговорчики ведутся... Я памятливая, могу запоминать слово в слово. И приданое собирать надо...

— Тетка у вас умная, — сказал Сварог. — Ремесло для власти действительно полезное. Только не стоит с таким сразу к министру... Вы цифры знаете?

— А то! Аж до ста.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Выйдете, свернете направо, и когда увидите дверь с цифрой «пять», смело заходите. Там сидит человечек, который такими делами и занимается. Если будут сложности, скажете, что вас прислал я. Авось подействует.

— Вот спасибо, ваше величество! А вы как на портретах, правда! Вылитый! Тетка и не поверит...

Она еще на какое-то время задержалась, играя глазами и явно ожидая, не будет ли ей сделано *д р у г о е* предложение, поинтереснее. Симпатичная была резвушка, с годик назад непременно оставил бы до утра во дворце, но, коли уж теперь, будучи женатым, твердо решил строже следить за своим моральным обликом — увы...

Он сделал властный жест, и резвушка, сообразив, что шутки кончились, упорхнула. Сварог не спеша вышел в коридор, огляделся, поманил ближайшего стражника, неподвижно стоявшего у колонны гланского гвардейца. Тот подошел, чеканя шаг, взглянул вопросительно. Сварог распорядился:

— Встаньте у этой двери и не пропускайте к министру ни единой живой души. Никого. Ваше дежурство кончится, когда министр выйдет сам.

— Есть! — браво ответил усатый молодец в тартане цветов Баглю и, не ~~вы~~казав ни малейшего удивления, занял новый пост.

Сварог не спеша пошел по коридору. Быть может, его затея была совершенно идиотской. А быть может, и нет. Вдруг Интагар высмотрит в деле Ледяного Доктора что-то такое, чего не усмотрели прежде и люди Гаудина, и люди Канцлера? Свежим, непредвзятым взглядом человека, не имевшего никакого отношения к тем событиям, вообще о них не знавшего?

Он спустился по широкой мраморной лестнице, прошел по коридору, свернул, еще раз свернул — и вышел к двустворчатой резной двери, за которой располагалась Ванная Королевы. Никакой королевы у него в Латеране, конечно же, не имелось, но, как в таких случаях и бывает, министр двора сохранял полный штат женской прислу-

ги. Что было, в общем, логично: а вдруг у его величества королева все же появится?

Роскошный зал, который, пожалуй что, следовало именовать «предбанником» — теплые полы, под которыми проложены трубы с горячей водой, мраморные скамьи, обогреваемые тем же способом, стены выложены зелено-синей мозаикой, изображающей обитателей морских глубин (тех, что не выглядели уродливо). Две прислужницы в синих платьях и белых фартуках низко присели. Кивнув им, Сварог направился к двери в ванную.

Сама ванная была еще пышнее и величавее: немаленький зал, где впору устраивать учебную маршировку пехотного платунга, мраморные плитки пола покрыты искусным выпуклым узором (дабы ее величество, боже упаси, не поскользнулись), мозаики не из простого стекла, а с обширными вкраплениями драгоценных камней, ванна из чистого золота, над ней рядок золотых кранов... Ванна Короля выглядела примерно так же. Сварог вовсе не собирался выяснять, кто первый устроил эту роскошь, снольдерские короли или ронерские, — он попросту не пользовался этой глупой роскошью (ну, один-единственный разочек, с балеринами из Королевского театра...) — благо, в его личном распоряжении имелись еще три, гораздо скромнее.

Еще две прислужницы, одетые точно так же, прямо-таки навтыжку, как опытные гвардейцы, стояли у ванны. Обернулись на легкий скрип двери, Сварог сделал повелительный жест (а ведь здорово насобачился!), и они бесшумно улетучились.

Он подошел к ванне, вода сплошь покрыта толстым слоем разноцветной пены, виднелось только спокойное личико Яны, лежавшей с закрытыми глазами. Склонившись так, чтобы не перепачкаться пеной, Сварог осторожно поцеловал ее в щеку. Она медленно открыла глаза, улыбнулась.

— Ну, отошла немножко? — спросил Сварог.

— Кажется... — ответила она почти безмятежно. — Я, наверное, вылезу...

— Сейчас распоряжусь, — сказал он, вышел в «предбанник» и, поневоле глядя поверх голов присевших в низком поклоне прислужниц, кратко распорядился: — Лауретта желает одеваться...

Они проворно бросились к резному шкафу, извлекая огромные полотенца, платье, туфли. Сварог уселся на мраморную скамью, прекрасно понимая, что одевание женщины (пусть ей предстоит надеть лишь платье и трусики) затянется надолго. Так оно и оказалось, прошло не менее квадранса, прежде чем появилась Яна, не в особенно роскошном, но и ничуть не скромном дворянском платье, тщательно причесанная и чуточку, мастерски подмалеванная здешней косметикой.

— И чего же теперь пожелает дама? — спросил Сварог.

— Присесть, поесть, отдохнуть, — сказала Яна.

— Ну, тогда пошли...

Они направились в ту часть дворца, где располагались личные покои Сварога. По вечерней поре придворных и прочих, имевших доступ, попадалось мало, все, конечно, приветствовали с должным почтением — но относилось это к одному Сварогу. Самое смешное, что за несколько месяцев, в течение коих Яна здесь бывала, ее опознало считанное количество благородных господ и дам (державших язык за зубами согласно распоряжению Интагара), остальные (а слуги и охрана вовсе уж поголовно) искренне считали ее очередной любовницей короля, смазливой провинциалочкой. Сработал все тот же эффект: императрица — это нечто величавое, и она никак не может появиться вот так, запросто, не в самом роскошном платье, без пары горстей бриллиантов в ушах, на шее и на пальцах...

Мимоходом Сварог отметил, что усач в цветах Баглю по-прежнему стоит навтыжку у двери в приемную Интагара — ну конечно, работа только началась... Яну он отвел туда, где она обычно и пребывала, будучи у него в гостях — одна из малых спален с выходившими на Ител окнами. Чтобы туда попасть, сначала нужно было пройти

через комнату охраны (трое ратагайцев проворно вскочили и поклонились) и другую, которой названия Сварог так и не подобрал, как ни бился. Просто небольшая комната со столом, полудюжиной стульев и парочкой секретеров. Можно трапезничать, можно позвать на бутылочку гостей, можно проводить, наконец, тайные совещания в узком кругу. Будь это комната дамы, ее, не ломая голову, можно было назвать будуаром — но поскольку Сварог дамой, безусловно, не являлся, неопределенность оставалась (и хрен с ней, в общем-то).

Сварог мимоходом распорядился насчет ужина на двоих и, когда они вошли в безмянную комнату, сказал:

— Есть тут идея... Пойдем в спальню.

Яна легонечко поморщилась:

— Я тебя умоляю, не сегодня... Сам понимаешь, настрояние не то...

— Прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Я и не имею в виду никаких фривольностей. Я о другом. Уж если ты в шаре видела Древние Дороги, то, быть может, и Горрот сможешь? Я просто не хочу, чтобы с ю д а кто-то вошел и видел шар, а вот в спальню ни одна живая душа без серьезнейшего повода не сунется...

— Ну, это пожалуйста, — с легоньким вздохом облегчения ответила Яна. — Мне самой интересно, что получится... хотя наверняка получится. Ужин подождет, не умираю с голоду...

Они прошли в спальню, тщательно прикрыли дверь, задернули занавеси на обоих окнах, включили ночник. По просьбе Яны Сварог сдвинул два кресла, они уселись рядышком. Яна уставилась перед собой потемневшими глазами, ее волосы взметнул неизвестно откуда взявшийся порыв ветра, она описала руками большой круг — и перед их лицами повис в воздухе огромный прозрачный шар.

Что-то прошептав, Яна спросила:

— Дворец, конечно?

— Ага, — сказал Сварог, наклонившись вперед и не отводя глаз.

Неразборчивый шепот Яны — и в шаре возник горроотский королевский дворец, словно они смотрели на него с реки, сидя в лодке уардах в ста от берега. Прекрасное, четкое изображение — отличная все-таки штука этот Древний Ветер...

— Будем искать Брашоро? — спросила Яна.

— Да зачем он нам, урод? — пожал плечами Сварог. — Давай лучше посмотрим, что они там нагородили, что за Центр. Я так подозреваю, это вон те крыши, что виднеются над внутренней стеной справа, описание полностью соответствует...

Волосы Яны по-прежнему колыхались, щекоча щеку Сварога пушистыми прядями. Яна и без подсказок сообщила, что ей делать — сначала они увидели все сверху: окруженные высокой стеной четыре больших здания и одно гораздо меньше, жилого вида. Потом попали внутрь. Залы, залы, залы, нагромождение непонятной аппаратуры, ряды пультов, добрая половина всего этого работает вовсю. И очень мало людей, работающих со всем этим, попадаетеся, видно, что они, пусть и не суетятся, но стараются в предельном темпе, один выполняет работу двоих-троих... Ну да, у Брашоро очень мало людей — но даже если это и козырь, решительно непонятно, как его можно использовать в своих целях...

Зрелище становилось крайне однообразным, одно и то же: непонятные механизмы и сложные пульты...

— А что это такое, и что они делают? — спросил Сварог.

Яна глянула на него чуть растерянно:

— А вот этого я уже не знаю. Тут никакой Древний Ветер не поможет. В и д е т ь я могу, а вот понять, что это такое... Нет возможности узнать, Ветер из столь незапамятных времен, что вершиной цивилизации, подозреваю, считался лук со стрелами...

— Ну, тогда выключи его, — мрачно сказал Сварог.

«Эх!» — горько воскликнул он про себя. Совершенно та же история, что с его Арсеналом. Примерно та же самая. Есть могучая армада ходящих, летающих, плаваю-

щих мощных лучеметов — но использовать ее в открытую никак нельзя, иначе непременно возникнет масса сложностей в отношениях с Канцлером. Есть некая система могучих древних заклинаний, позволяющих в том числе увидеть в шаре любой уголок планеты — но она не способна объяснить, что именно ты видишь... Конечно, благодаря иным своим способностям Сварог, оказавшись за любым из этих пультов, моментально разобрался бы, с чем имеет дело и как этим управлять, — но вот попасть туда нереально...

— Древний Ветер, правда, на т а к о е не способен... — чуточку виновато сказала Яна.

— Ну, что же делать, — сказал Сварог, легонько погладив ее по щеке. — Я давно свыкся, когда заходит речь о магии: все эти примечания мелким шрифтом, то бишь ограничения, непременные условия и прочие барьеры... Есть простой и легкий выход. Ты знаешь профессора Марлока?

— Нет. А кто это?

— А, ну да, он же в свете не бывает... — хмыкнул Сварог. — Это один из лучших ученых Империи на службе у Канцлера. Из Техниона. Технион — это...

— Ну, уж что такое Технион, я знаю, — чуточку обиженно прервала Яна. — Я как-никак реально управляю...

— Вот и отлично. Крупный ученый, что важно — электронщик. Если ты е м у все это покажешь, он, думаю, разберется в два счета. У них там должно быть что-то еще, о чем мы не знаем. Я человек в науке темный, но даже мне ясно: слишком много там всякой аппаратуры, чтобы она служила одной-единственной цели — поддержанию «защитного колпака». Что-то еще. Они ведь и каменюги на мою армию обрушивали, и уронили капельку воды размером с приличный дворец. Должно быть что-то еще, но как тут догадаешься? — он угрюмо махнул рукой. — Ломай голову, не ломай... Пойдем ужинать?

Глава X

ВИЗИТЕРЫ, СПЛОШЬ НЕЗВАННЫЕ

— **О**бъявился у главного входа, ваше величество, — сказал Зенальт, толковый и умный лейтенант дворцовой охраны (которого, пожалуй, пора и в капитаны). — И попросил передать вашему величеству этот конверт. Держится с уверенностью человека из общества, чувствуется военная выправка, усов, правда, не носит, среднего роста, не красавец, но женщинам должен нравиться. Вот только... Он какой-то д р у г о й...

— А точнее? — спросил Сварог, у которого что-то зашевелилось в памяти, что-то совсем недавнее...

— Не могу объяснить, государь, — сказал лейтенант. — Не могу подыскать слова, чтобы объяснить, чем он от нас отличается, но он какой-то д р у г о й, голову на отсечение...

Взглянув на простой конверт из плотной белой бумаги — ни герба, ни единой надписи, запечатан чем-то вроде перстня с дворянским гербом — Сварог р ы в к о м вспомнил, как совсем недавно Арталетта произносила едва ли не те же самые слова, ну буква в букву... Уже определив, что никакой магией тут и не пахнет, он, не трогая печати, аккуратно оторвал край конверта и вытряхнул на стол...

Обыкновенная визитная карточка, выдержанная в том хорошем вкусе, что присущ настоящему старому дворян-

ству: никаких излюбленных нуворишами жирных золотых разводов и прочей безвкусицы, плотная белая бумага с тоненькими сиреневыми прожилками. Вверху изображен герб, опять-таки, согласно хорошему вкусу, такой маленький, что едва различишь детали: дотир, разделен горизонтально на две равных части, в верхней — якорь, который обвила то ли змея, то ли мифологическое морское чудовище, какими их рисовали в старину, внизу — три кольца в ряд.

И надпись в точности та же самая!

Альтерат Лог Дерег

Барон

Тор-полковник

Клорена, Токеранг.

Сварог не смог бы описать свои чувства — тут и любопытство, и азарт, и злость, и что-то еще...

— Немедленно проведите его ко мне, — распорядился он. — Разумеется, проведите под Кружевной Аркой, проверьте на оружие.

— Прикажете... — лейтенант многозначительно глянул на стену у потолка.

— Пожалуй, — кивнул Сварог.

В считанные минуты у замаскированных бойниц должны были занять места шесть отличных стрелков — кто их знает, этих токеретов... А пуля их, в отличие от ларов, прекрасно берет, своими глазами доводилось видеть...

Он засек время — из чистого любопытства. Уже через шесть с лишним минут лейтенант, распахнув дверь маленького кабинета и посторонившись, отпартовал:

— Господин, не назвавший своего имени, ваше величество! Оружия при себе не имел!

Вошел человек, полностью отвечавший описанию, чуть ли не слово в слово данному лейтенантом и Арталеттой: лет тридцать, темноволосый и темноглазый, лицо волевое и умное, военная выправка, несомненно...

— Прошу вас, господин барон, — Сварог показал ему на кресло.

Токерет спокойно сел, и какое-то время они откровенно разглядывали друг друга — то есть это барон просто

разглядывал, а Сварог в рубил кое-какие свои способности.

Если они и в отношении токеретов не подводят, результаты следующие: обычный человек, ни капли магических способностей... вот только угадывается в нем некая пустота, и точнее передать словами невозможно. Быть может, именно так проявляет себя отсутствие у токерета души? И Арталетта, и лейтенант правы: он какой-то другой, другой и все, и словами этого не передашь...

Почему он молчит? И смотрит явно выжидательно. Ах, вот оно что, ревнитель строгого этикета — никто не имеет права первым заговорить с королем (кроме тех, конечно, кому это разрешено)...

И Сварог молвил первое, что пришло в голову:

— Как добрались?

— Благодарю вас, без происшествий, — склонил голову барон. — Ваше величество, быть может, мой вопрос покажется вам невежливым, заранее прошу простить... Сколько дул сейчас нацелены мне в голову?

— Поддюжины, — любезно пояснил Сварог.

— Разумно, — не моргнув глазом, сказал незванный гость. — Не много и не мало, в самый раз. Наш король (показалось Сварогу, или на лице гостя в самом деле промелькнуло легкое презрение) держит восемнадцать стрелков, а это, по-моему, излишне... Ваше величество, я прекрасно понимаю, что у вас может возникнуть желание меня схватить...

— И в мыслях нет, господин барон, — ухмыльнулся Сварог. — Вам заранее впрыснут яд, если через полчаса не получите противоядия, умрете, а уж полчаса под пытками продержитесь...

— Все так, государь. Разве что на сей раз мне впрыснут яд, действующий через час — наш разговор может затянуться, впрочем, я и час продержусь... хотя не стану хвастать насчет большего времени, я не настолько самонадеян...

Он не врал насчет яда и противоядия — ну, Сварог давно уже понял, что это крепкие ребята, достойные противники и относиться к ним нужно серьезно...

— Зачем вам понадобилось пугать герцогиню Браг? — спросил Сварог нейтральным тоном.

— Ее не пугали. До нее, как она вам, несомненно, рассказала, д о в е л и наше мнение касательно надписи на постаменте памятнику принцессы Делии. С н а ш е й точки зрения, вопрос снят — принцесса убила принца, среднего сына короля, и потому месть была неминуема.

— Так, — сказал Сварог. — Если я правильно понимаю, понятие мести один из краеугольных камней вашей этики, морали, жизненной философии?

— Вы удивительно верно определили, государь. Со своей стороны могу заверить: я не собираюсь говорить о потоплении трех наших подлодок возле Дике. Они ни на кого не нападали, но после Батшевы вы имели право на месть... Вопрос снят.

Он произнес все это крайне серьезно: самураи чертовы, хоть и лицами не похожи...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Коли уж времени у нас маловато, будем говорить как можно более конкретно, без лишних слов... И постараемся быть друг с другом откровенны, насколько возможно? (токерет молча склонил голову). Излишняя дипломатия порой только вредит... Мне известно о некоем господине Брашери, известно, думаю, все или почти все о его замыслах, известно о вашем с ним тесном сотрудничестве... С чем же вы ко мне в этих условиях пожаловали?

— Чтобы провести переговоры лично с вами, — без малейшего промедления ответил токерет. — Вряд ли вы передадите господину Брашери наш разговор... Если вкратце, мы ему не доверяем, и весьма. Дело не в том, что его цели нам представляются нелепыми, — в конце концов, каждый вправе ставить перед собой свои цели. Здесь другое...

— Никакой загадки, — усмехнулся Сварог. — Вы опасаетесь, что нужны ему исключительно как подручные в затеянном перевороте... а после его успешного завершения станете совершенно не нужны. На вашем месте я бы именно этого опасался. Ну, к чему ему под боком довольно се-

решная сила, преследующая с вои цели и стремящаяся к самостоятельной политике? Я о нем чуточку наслышан. Подозреваю, он, если посчитает нужным, уничтожит весь Токеранг дочиста..

— Именно это подозреваем и мы, ваше величество, — сказал токерет. — Вы — другое дело. Я думаю, мы могли бы сосуществовать бок о бок. Вы прекрасно должны понимать: пройдут долгие столетия, прежде чем мы сможем представлять для Империи серьезную угрозу. Долгие... Наша цель проста: обрести нормальные размеры, выйти наверх и получить жизненное пространство побольше того, каким мы сейчас располагаем. Как считают у нас, нам было бы достаточно четверти территории Трех Королевств — это ведь крайне малонаселенные земли, и вам не составит труда пожертвовать их четвертью. Подчеркиваю: эта площадь выбрана нами с большим запасом. В расчете на то, что пройдет еще несколько сотен лет, прежде чем на ней наступит перенаселение.

— Но когда-то же оно наступит?

— И это продумано, — моментально ответил токерет. — В этом случае мы намеревались бы устроить колонию на Сильване. Там у вас нет ни малейших интересов на земле, верно?

— Верно... — задумчиво сказал Сварог.

— Вот видите. У нас с вами нет никаких поводов для вражды или соперничества. Мы могли бы по всем правилам принести вассальную присягу императрице. Нам известно, что вы обладаете на нее некоторым влиянием... В силу вышеописанных обстоятельств мы крайне заинтересованы в том, чтобы и она, и вы оставались на ваших нынешних тронах...

Он не врал. Он просто кое-чего недоговаривал. Обосновавшись на Харуме и еще пару сотен лет развивая свои высокие технологии, эта теплая компания... конечно, и тогда не осмелится противостоять Империи, но вот Сварога из его королевств вышибет запросто. Даже не войной, а простым шантажом. Явится такой же лощеный дипломат и вежливо сообщит, что в паре десятков крупных городов,

и в первую очередь в столицах, тайно заложены ядерные заряды и бактериологические бомбы. Быть может, устроит демонстрацию — в каком-нибудь провинциальном городке в глуши. И неизвестно, как обернутся события...

— В свое время императрице было направлено письмо со схожим почти предложением, — сказал барон. — Не знаю, получила ли она его...

— Получила, — сказал Сварог. — Да, кстати... Одним из подписавших его был некий генерал Альконтер Лот Дерег. Вряд ли тут простое совпадение...

— Да, это мой дядя.

— И что с ним сейчас?

— Ему пришлось покончить с собой, как и двум другим авторам письма, — бесстрастно сказал токерет. — За ними вот-вот должны были п р и й т и... Но большинство людей, на которых они опирались, остались живы и на прежних должностях. Так что поддержка нашим поступкам обеспечена.

— Не расскажете ли, к а к и м? — спросил Сварог. — Тысячу раз простите, но получается, что вы предаете Брашери, с которым заключали союз. А предавший однажды...

— М ы никакого союза с Брашери не заключали, так что на н а ш е й чести ни единого пятнышка.

— »Мы« — это кто?

— Д э н г о.

— Не объясните ли подробнее?

— Хорошо, — кивнул токерет. — Я, конечно, выдаю вам государственные тайны... но исключительно те, которые вы не в состоянии использовать против нас. Вот уже примерно три тысячи лет в Токеранге существует д э н г о — тайный совет при короле из представителей самых старых и влиятельных рядов. Не существуя официально, дэнго тем не менее оказывает значительное влияние на жизнь королевства. Более того: в тех случаях, когда члены дэнго единогласно решат, что нынешний король ведет не отвечающую интересам государства деятельность, они могут... поправить ситуацию. Вы меня поняли, судя по ва-

шему лицу? Да, именно, поправить... Прецеденты были. Хотя, признаюсь вам, не всегда есть возможность постоянно держать короля под контролем. Иногда события складываются так, что король успевает проделать нечто самостоятельно.

— И остаться после этого в живых? — усмехнулся Сварог.

— Иногда — да, как в нашем теперешнем случае, — серьезно сказал токерет. — Письмо к императрице исходило от дэнго — но король сумел нас переиграть. Договор с Брашеро заключал тоже король, без участия дэнго — мы поставили бы несколько иные условия и вели несколько иную политику. Но он у с п е л. К сожалению, он знал, на чем следует играть: сама по себе идея обрести нормальные размеры и выйти наверх оказалась столь заманчива, что нам просто нечего было противопоставить, — лицо барона стало хищным. — Но т р е т ь е й возможности у него уже не будет...

— Говоря о дэнго, вы дважды обмолвились «мы», — сказал Сварог. — Вы ведь тоже член дэнго?

— Удостоен такой чести благодаря заслугам, старинному происхождению и влиянию рода, — склонил голову токерет. — Могу признаться, я заменил покойного дядюшку. В общем, король и мы — это два совершенно разных понятия, две разных силы. И договариваться с вами собираемся именно мы.

— Один маленький нюанс... — сказал Сварог. — Меня, прежде всего, страшно интересует один вопрос... Кто именно запустил по моему хелльстадскому дворцу ракетой?

— Простите?

— Недавно я, можете поздравить, женился, — сказал Сварог. — Свадьбу играли в Хелльстаде. И аккурат в это время прибыл не вполне обычный подарок: ракета с ядерной боеголовкой. Мои системы ее обезвредили, мы так и не смогли установить точного места, но она, несомненно, была пущена из Хелльстада. А там есть одна-единственная сила, способная запускать ракеты, да еще с ядерными боеголовками...

— Ах, вот оно что... — негромко произнес токерет, и по его невозмутимому лицу промелькнула явственная тень злобной гримасы. — Клянусь гербом, я впервые об этом слышу. Мы тут ни при чем — простите за легкий цинизм, но мы не стали бы, возникни такое решение, выбирать подобные методы, уж мы-то прекрасно знаем, что ваш покойный предшественник обильно оснастил и дворцы, и сам Хелльстад защитными системами, способными противостоять не только нашим скромным придумкам, но и любому оружию ларов.

Он не врал.

— Хотите сказать, это король? — спросил Сварог.

— Больше просто некому. — Серьезно ответил токерет. — Мы могущественны, но не всемогущи. Не в состоянии контролировать абсолютно все и всех. Таковую вещь, как единичный пуск ракеты, король в состоянии устроить, у него как-никак немало власти, мы ведь не управляем, а контролируем. А любой контроль может что-то проглядеть. Значит, его величество взыскнул не дважды, а трижды... Учтем, учтем... Поверьте, это не мы.

— Верю.

— Нам важно как раз договориться с вами.

— А если у короля будет другое мнение? — усмехнулся Сварог. — Впрочем, если уж вы говорите, что не собираетесь предоставлять ему третьей возможности, я, со свойственным мне цинизмом, толкую это как... — он сделал многозначительный жест.

— Любому государственному деятелю присущ определенный цинизм, — усмехнулся токерет. — Вы поняли правильно... Вдобавок ко всему многие еще не отомщены, как например, мой дядя... Я вам кратко обрисую ситуацию. У короля два сына. Средний, принц Фамир, погиб от руки принцессы Делии. Старший, принц Хаутил, нас категорически не устраивает: он туповат, но коварен и одержим прямо-таки патологическим стремлением уничтожить дэнго. Он даже два раза предпринимал такие попытки — но всякий раз те, кому он это поручал, оказывались нашими людьми. Он нас категорически не устраивает, как и

король. Младший сын, принц Кауген — идеальная кандидатура для трона. Он, скажем прямо, простоват, мягок характером и не блещет особым умом... но в наших условиях именно такой король имеет шансы долго, очень долго просидеть на троне... Дэнго сделал ставку на него. Поэтому было бы просто прекрасно, если бы вы спустились к нам и провели переговоры не только с дэнго, но и с ним. Слово чести, вашей жизни ничто не угрожает, вы придете и спокойно уйдете. — Он усмехнулся. — Теперь позвольте мне быть чуточку циничным: захоти мы вас убить, это в сто раз легче было бы проделать наверху, нежели заманивать вас к нам и убивать там. Не так ли? Повторяю: мы заинтересованы как раз в том, чтобы вы оставались живыми, здоровы и занимали прежнее место как можно дольше.

Вообще-то он не врал... Сварог усмехнулся:

— А вам не кажется, что у вас я из-за своего роста привлеку излишнее внимание?

Токерет спокойно ответил:

— Но вы ведь можете для визита к нам уменьшиться до наших размеров. В Империи есть соответствующая аппаратура, Брашеро как-то проговорился...

— Да, действительно, я как-то не подумал... — искренне сказал Сварог.

А ведь это именно то, к чему он стремился... Стараясь сохранять невозмутимое лицо, он спросил:

— Вы не будете против, если я прихвачу с собой небольшую свиту? Мои ближайшие соратники из моих королевств. Как советники на переговорах они мне будут крайне полезны.

— О, разумеется, — кивнул токерет. — Это справедливо: дэнго состоит не из одного человека и не из двух, так что все рационально... Об одном я бы попросил не просто настойчиво, а крайне настойчиво: чтобы вы явились к нам в ближайшие дни, не позднее чем через два-три. Я вас крайне настойчиво об этом прошу. Понимаете ли, ситуация в Токеранге сейчас очень сложная: король, ободренный тем, что принц Хаутил полностью на его стороне, строит определенные планы, возможны самые непри-

ятные события... У нас очень мало времени, считанные дни. Я вынужден настаивать. Может случиться так, что через неделю вам уже не с кем будет вести переговоры... Скажу откровенно: важно, кто ударит первым. Два-три дня еще можно себе позволить, а далее — непредсказуемо...

— Хорошо, — сказал Сварог. — Через два-три дня. Вот только как мне вас известить?

— О, это просто, — усмехнулся токерет. — Напишите письмо, запечатайте конверт и напишите на нем: «Господину Логу». И поручите передать его хозяину этой таверны, — он достал из кармана и положил перед Сварогом маленький, сложенный вдвое листок бумаги. Тонко улыбнулся. — Ваше величество, очень прошу не хватать и не пытаться хозяина таверны. Он ничего не знает, всего-навсего за хорошие деньги принимает и передает письма...

— Помилуйте, зачем мне его хватать и пытаться, если я твердо намерен идти к вам на переговоры? Моя сиюминутная выгода, думаю, ясна. Если мы договоримся, если вашим королем по какому-то стечению обстоятельств станет принц Кауген, Токеранг безусловно не поддержит Брашери?

— Безусловно, — кивнул токерет. — Более того: если мы договоримся, вы узнаете о планах Бршери все, что знаем мы. Мое слово.

— В ближайшие два-три дня я у вас буду, — сказал Сварог. — Мое слово.

— Прекрасно, — токерет мельком глянул на настенные часы. — По-моему, мы все отлично обговорили? Не разрешите ли удалиться? Время еще есть, но возможны досадные случайности...

— Да, конечно, — кивнул Сварог. — Всего наилучшего. И — до скорой встречи.

Когда дверь за токеретом закрылась, Сварог встал, прошелся по комнате, посмотрел на себя в высокое зеркало. Он знал, что там увидит, но все же чуть поразился, насколько злой и хищной grimасой исказилось его лицо. Перед глазами у него стояла Морская площадь, в ушах вновь звучали испуганные вопли толпы, грохот ко-

пыт полицейских коней — и бледнеющее на глазах лицо Делии с остановившимся взглядом, и липкая кровь на его ладонях, и равнодушное безоблачное небо. Я обязательно буду у вас, господа мои, подумал он, через два-три дня, не позже, как просили. А уж тогда... Я еще не знаю, как это сделать, но у вас там все будет гореть от одного каменного горизонта до другого, и пощады не будет никому, не надейтесь. Вы и представления не имеете, но наши понятия о мести чрезвычайно схожи...

...Спокойный голос раздался едва ли не над ухом:

— Здравствуйте, ваше величество.

Сварог узнал голос. И повернулся нарочито неторопливо. Ответил в тон:

— Здравствуйте, Вингельт.

Они стояли на широкой верхней площадке Мраморной лестницы, вокруг не было никого — если не считать двух одетых придворными ликторов, которые, старательно делая вид, что увлечены негромкой чинной беседой, приблизились почти вплотную, так что Вингельт, вздумай он выхватить оружие, был бы обезврежен во мгновение ока.

Глава Хитрых Мастеров был одет, как дворянин с хорошим достатком — ага, и кольцо с баронской короной на пальце. Ну что же, может быть, он действительно был бароном.

— Ну да, я понимаю, — сказал Сварог. — Это вы мне демонстрируете вашу оборотистость — вон как ловко, дескать, я умею проникнуть в ваш дворец без надлежащих бумаг или бляхи, без допуска за Черных Егерей, никому тут неизвестный... А?

Вингельт с легкой улыбкой пожал плечами.

— А вам не кажется, что это простое мальчишество? — мягко поинтересовался Сварог.

Некоторое смущение на лице у Вингельта все же отразилось. Ну никак нам всем не избавиться от этого мушкетерства, философски подумал Сварог. Думаем, будто давно распрощались, ан нет, вдруг снова проснется...

— Как бы то ни было, я пришел, как мы и говорили, — сказал Вингельт. — Я вижу, вы не заняты и можете уделить мне время?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Сколько угодно... Поскольку пришли именно вы, значит, вы и есть Глава, как я давненько подозревал? Ну признайтесь, никто ведь вас не собирается и пальцем трогать. И слово свое я держу — все ваши давно освобождены, и даже вашу машинерию вам вернули...

Ох, как трудно было уговорить Канцлера на это пойти! Если учесть, что Сварог из гордости не прибег к поддержке Яны, оставив это на крайний случай, если Канцлер все же упрется... Но такие подробности не должны никого интересовать.

— Хорошо, не будем играть в прятки, — согласился Вингельт. — Я — Глава. Для подтверждения у меня с собой грамота с печатями и подписями всех Мастеров общин... разумеется, без указания их местоположения.

— Не доверяете все же? — усмехнулся Сварог.

— Давняя традиция, — серьезно ответил Вингельт. — Сегодня вы отпустили наших, а что вам взбредет в голову завтра... Не будем об этом. Вы не так давно обещали представить меня императрице. Не сможем ли мы обговорить, когда вы сможете отправить меня туда? — он кивнул на потолок.

Сейчас у тебя нижняя челюсть о пряжку пояса звякнет, — не без веселости подумал Сварог.

— Пойдемте в мой кабинет, там и обсудим, — сказал он невозмутимо. — Здесь, в коридорах, столько любителей подслушивать...

Вингельт, не прекословя, направился за ним — он, похоже, знал придворный этикет, держался в шаге позади, как и полагалось тому, кого сам король не удостоил чести шагать локоть к локтю с собой, Сварог его вел не в кабинет, а в совершенно другое помещение — о чем, эффекта ради, конечно же, не стал предупреждать.

Четверо ратагайцев вытянулись с поклоном, глядя на Вингельта с хищным подозрением — ну, они на всех незнакомцев так тарасились, ничего личного...

— Прошу, — сказал Сварог, распахивая дверь.

Они оказались в Безымянной комнате. Дверь в спальню была распахнута, виднелась разобранная постель, а за столом, где на большом серебряном подносе красовался серебряный же кофейник, окруженный блюдами с пирожными, сидела Яна — с чашкой тончайшего фарфора в руке, в простом домашнем палевом платице, с волосами, до половины заплетенными в косу.

Вингельт оглянулся на Сварога с явным недоумением, так, словно спрашивал, что все это должно означать. Похохатывая про себя с легоньким садизмом, Сварог сказал:

— Ну, вы ведь сами просили? Позвольте представить Высокую Госпожу Небес, Императрицу Четырех Миров, ее величество Яну-Алентевиту. Ваше величество, господин Вингельт. Или, учитывая обстоятельства, все же л о р д Вингельт?

— Мы от этого титулования давно отказались, как от пережитка... — машинально пробормотал Винельт, и тут до него д о ш л о. — Ваше величество, но ведь это действительно вы...

Нижняя челюсть у него, конечно, о пряжку пояса не стукнула, но значительно сместилась вниз.

— Вы знаете, господин Вингельт, это действительно я, — безмятежно и ослепительно улыбнулась Яна. — Не могу, увы, предъявить бумаг, удостоверяющих личность, у меня их никогда и не было...

С утра у нее было прекрасное настроение, и она сейчас откровенно веселилась. Сварог с тем же легоньким садизмом констатировал, что Вингельт потрясен, ошарашен, сбит с панталыку и все такое прочее. Все еще пребывая в некотором трансе, Вингельт покосился на распахнутую дверь в спальню, на неубранную постель, ошалело глянул на Яну, на Сварога и л я п н у л:

— Значит, правду говорили, что вы...

— Ну да, он мой любовник, — ангельским голосом сказала Яна. — Ненавижу это дурацкое слово «фаворит». Мало того, я его законная супруга. Правда, исключительно

но в Хелльстаде, но все равно, я отношусь к этому очень серьезно, хочется верить, и лорд Сварог тоже...

Опомнившись наконец, Вингельт п л ю х н у л с я на правое, как и полагалось по этикету, колено, сорвал шляпу и склонил голову, прижав подбородок к воротнику камзола. Немая сцена затягивалась. Поставив чашку, Яна вышла из-за стола, подошла к Вингельту и сказала материнским голосом:

— Ну, хорошо, хорошо, коли уж вы так скрупулезно соблюдаете этикет даже в домашней обстановке, вот вам рука для поцелуя... Выражаю свое благоволение... ну и все прочее, что в таких случаях полагается. Вас не затруднит встать и присесть за стол, коли уж мы тут пьем кофе?

Вингельт машинально повиновался — впрочем, Сварог видел, он уже отошел от изумления и изо всех сил старался стать прежним, а также принять независимый и гордый вид. Достав из-за отворота камзола свиток, он протянул его Яне:

— Ваше величество, вот документ, подтверждающий мои полномочия...

— Я верю, — сказала Яна, положила свиток рядом с кофейником, так и не сняв связывающую его тесьму. — Муж вас рекомендовал, и этого достаточно... Хотите кофе? Тогда наливайте себе сами, мы здесь по-домашнему, без лакеев...

«Пролет или нет?» — с любопытством думал Сварог, тоже сев на свое место. Нет. Вингельт уже полностью овладел собой, кофе налил, не пролив и капли на скатерть, и хрупкую чашку, расписанную синими каталаунскими незабудками, держал уверенно. Яна уже чуточку серьезнее сказала:

— Рада вас видеть. Я серьезно. О вас столько лет кружили одни слухи и байки, я и думать не могла, что увижу своими глазами... Значит, вы не считаете себя лордом... А ларом вы себя считаете?

— Простите, нет, ваше величество, — твердо ответил Вингельт.

— К е м же вы себя в таком случае считаете? — уже совсем серьезно поинтересовалась Яна.

— Жителями Талара, — ответил Вингельт.

— Понятно... хотя ничего непонятно, — сказала Яна. — Хорошо, не будем углубляться в терминологические дебри. Позвольте для начала дать вам совет? Я думаю, вам не стоит бросать Гартвейн, срываться с насиженных мест. Ваши люди разъезжаются оттуда в спешке.

— Выработанная долгими веками осторожность, ваше величество, — сказал Вингельт.

Яна вздохнула:

— Вы, мужчины, как малые дети... Посмотрите сюда.

Она указательным пальцем небрежно начертила в воздухе небольшой квадрат — и на стене появилась огромная карта Харума, на которой яркими алыми искорками там и сям светились огоньки — штук сорок, если посчитать навскидку.

— Вот это все ваши общины, — сказала Яна. — Посмотрите, по-моему, я ничего не упустила? Разве что не стала показывать острова... Тысячу раз простите, но такие уж у меня способности. Я п о с м о т р е л а и увидела все. Вот и подумайте: если я все знаю, какой вам смысл куда-то бежать из Гартвейна? Честное слово, никто не собирается вас трогать.

Вингельт сидел, мрачнее тучи. Такого сюрприза он определенно не ожидал. Яна продолжала:

— Вы наверняка не слышали, но я всерьез взялась проводить реформы. В первую очередь избавляюсь от наиболее одиозных пережитков старины. Вам не кажется, что вы в некотором роде тоже пережиток старины... нет, не вы лично, а вы в с е, и ваш образ жизни? Быть может, вам вернуться назад? — она показала пальчиком на потолок.

Вингельт ответил вежливо, но твердо:

— Тысячу раз простите, ваше величество, но мы считаем, что Империя — в тупике...

Яна прищурилась совершенно по-кошачьи:

— А в ы, Хитрые Мастера, не в тупике? Я разыскала в архивах записи тех дискуссий, что велись перед тем, как ваши предки ушли. Они ставили перед собой грандиозные и высокие цели: поднять уровень науки и техники на

земле, развивать там прогресс... Прошли тысячелетия. Положа руку на сердце, ответьте мне, как умный человек: хоть м а л а я ч а с т и ч к а этих планов претворена в жизнь? Вы сами знаете, что нет. Вы не оказываете ни малейшего влияния на жизнь Харума, на земную науку и технику. Вы превратились в тайнейшее общество, варитесь в собственном соку и все, что придумали, используете исключительно для своих нужд. Я не верю, что вы глупы, у вас лицо умного человека... и думаю, умных среди вас очень и очень немало. Может быть, наберетесь смелости и признаете вслух, что вы т о ж е в тупике?

На скулах у Вингельта появились багровые пятна, лицо застыло. А все-таки умница она у меня, с неким приятным чувством собственника подумал Сварог. Какое-то время царило тяжелое молчание, потом Вингельт глухо сказал:

— У нас имеет распространение точка зрения, что мы — в тупике...

— Я не буду больше задевать вашу гордость и самолюбие, — сказала Яна. — Видно же, что вы самолюбивы и горды... Давайте о другом. Мы в тупике, и вы в тупике. Но меж нами есть существенная разница: у м е н я достаточно власти и времени, чтобы провести самые серьезные, масштабные и многочисленные реформы. У в а с нет ни малейшей возможности хоть как-то реформировать вашу жизнь. Вы обречены оставаться в нынешнем вашем состоянии. Если я не права, скажите мне это в лицо.

— Вы умны... — отрешенно сказал Вингельт.

— Сама знаю, — ответила Яна. — Ну как, вы скажете мне в лицо, что я неправа?

— Нет, — произнес Вингельт так, словно это стоило ему величайших усилий (да так, наверное, и было).

— Вот то-то, — сказала Яна без всякого торжества. — Можете оскорбиться, но рискну заявить, что вы попросту помаленечку деградируете. Ваши дети получают все более худшее образование... точнее, самообразование, домашнее. У нас все же худо-бедно развивается наука — но вы от нее отрезаны. Все ваши достижения, я уверена, — большей частью результат работы отдаленных предше-

ственников. Не думайте, что я т а к а я уж умная. Просто я говорила с серьезными учеными, и они мне убедительно доказали, что общины вроде вашей, как они выразились, обречены на деградацию. В э т о й ситуации мне кажется, просто нелепо вести какие-то переговоры. У вас просто не может не вестись дискуссий о вашем будущем. Определитесь сначала предельно четко: ч е г о хочет ваше большинство. Вернуться к нам? Вести прежнюю жизнь? Поискать иные варианты? Если все же последнее, выработайте их. И вот тогда мы сядем говорить с вами всерьез... А сейчас, еще раз даю честное слово, никто вас пальцем не тронет. Вот, я высказалась... Вам подходит такой вариант?

— Да, — сказал Вингелт. И произнес не без уважения: — Я представлял вас совершенно другой...

— Глупенькой красивой куклой?

— Примерно...

— Это все оттого, что вы отрезаны от информации, — сказала Яна. — И ничегошеньки не знаете о том, что происходит наверху, как мы живем. Честное слово, я не собираюсь ни оскорблять вас, ни унижать. Я просто предлагаю вместе поискать выход. В м е с т е. Это важно, особенно теперь, когда в Горроте и Токеранге затевается такое... Кстати, вы имеете представление о том, что творится в Горроте?

— Очень приблизительное, — нехотя признался Вингелт. — Наши разведчики там пропадают...

— А ваши аппараты? — вмешался Сварог.

— Они падают, — хмуро признался Вингелт.

С нешуточным разочарованием Сварог подумал: на э т и х надеяться бесполезно. Никакой помощи от них мы не получим — а ведь рассчитывали... Но почему же... Ага!

— Вингелт, — сказал Сварог. — Можете вы прямо ответить? В ваших аппаратах, механизмах и прочем используется апейрон?

Чуть подумав, Вингелт ответил:

— Ну хорошо. Это тот секрет, разглашение которого, собственно, ничего не выдает. Конечно, используется. Везде.

Сварог с Яной обменялись понимающими взглядами. Яна печально покивала:

— Ну разумеется... Никаких ребусов...

— Еще бы им не падать... — сказал Сварог.

Вингельт резко поднял голову:

— А вы можете рассказать, в чем тут подвох, или для нас, у л и т о к, это тайна?

Сварог переглянулся с Яной. Она кивнула. Тогда он сказал:

— Какая тут тайна, если угроза — в с е м? Нам, вам, обычным землянам... Располагайтесь поудобнее. Я вам подробно расскажу, что происходит, что задумано, кем, какие строятся планы... Вот только вы мне дадите слово, что в срочном порядке посовещаетесь со своими, выясните, можете ли чем-нибудь помочь. Идет?

— Мое слово, — сказал Вингельт.

Его глаза горели нескрываемым любопытством. Вот на э т о т крючок вас и следовало ловить, милейший, подумал Сварог. На информацию. На з н а н и е. А мы изрядно надурили с лихими налетами, облавами и обысками, снова мушкетерство глупое...

СТРАШНЫЙ БОРОДАЧ И ДРУГИЕ

— **Е**ще бокал? — вежливо спросил Сварог.

— Не откажусь, — сказал Вингельт. — Келимас у вас прекрасный.

— Еще бы, — сказал Сварог. — Королю пиркет* не под-
сунут...

— Благодарю.

— Ну, и что же? — спросил Сварог серьезно. — Утро вечера мудренее, давно известно, вы многое должны были обдумать за ночь... Итоги? •

— Итоги... — протянул Вингельт. — Что же, я не ожидал, что императрица т а к а я. Приятный сюрприз... И тем не менее... Не подумайте, что я размяк, умилился и пришел в восхищение... Не обижайтесь, но...

— Да какие там обиды, — ухмыльнулся Сварог. — Наоборот. Вздумай ею восхищаться кто-то, кроме меня, голову откручу... Ну, а если серьезно? Все, что говорилось насчет проведенных реформ, — чистая правда.

— Я верю. Но вот удастся ли провести последующие?

— Удастся, — сказал Сварог, жестко улыбаясь. — У нас за спиной — вся военная мощь, а против нас — скопище светских пустобрехов. В случае чего отучим рот разевать.

* Пиркет — самое скверное вино, делается не из винограда, а из виноградных выжимок.

— Хотелось бы верить... Итоги? Пожалуй, те же самые, о которых я говорил вчера вечером. Да, у нас есть немаленькая партия, считающая, что мы — в тупике. Мы самым тщательным образом обсудим ситуацию и постараемся выработать четкое, единое мнение: каким должно быть наше будущее. Устраивает вас такой ответ?

— Устраивает, — сказал Сварог.

— Если не секрет... Как ей удалось найти в с е общины?

— Ну, между нами... — сказал Сварог. — Вы не помните, что такое Древний Ветер?

— Я полагал, что это просто легенда, придуманная для выгоды императорской фамилии...

— Ученый вы человек... — хмыкнул Сварог. — А вот любая деревенская колдунья вам скажет, что это правда. Вот только з н а ю щ и х по пальцам можно пересчитать. Давайте о другом. Вы так и не придумали ничего, что могло бы нам справиться с Горротом?

Вингельт мимолетно усмехнулся:

— Империя оказалась полностью бессильной?

— Злорадствуете?

— Честное слово, нет. Но, простите, легкое удовлетворение все же присутствует.

— Ну, это тоже зря, — сказал Сварог. — Уж вам-то при успехе предприятия придется гораздо хуже, чем простым землянам. Ваши дети гораздо лучше образованны, чем земные, даже у высшей знати. И уж за в а ш и м и детьми будут охотиться с особым рвением...

— Я понимаю, — сказал Вингельт. — Просто... Неконтролируемые эмоции, знаете ли... За нами охотились веками, как за дикими зверями... — он смотрел печально. — Нет. Мы просто не в состоянии ничем помочь. Даже Древние Дороги перестали открываться в Горроте. Хотя такое казалось невозможным. Брашеро — сам дьявол...

— К сожалению, нет, — сказал Сварог. — Будь там дьявол... Не слишком легкая, но вполне выполнимая задача для монашеских Братств. Все гораздо хуже. Там не дьявол, а гениальный ученый с несколькими чертовски талантливыми подручными...

— Быть может, разрешите откланяться? Мне хотелось бы побыстрее созвать Ассамблею Мастеров, дела крайне серьезные...

— Да, конечно, — сказал Сварог, вставая. — Только, я вас прошу, зайдите по дороге во второй отдел дворцовой стражи. Спросите лакеев, любой покажет. Вам дадут малую байзу для беспрепятственного прохода во дворец. Я вижу, что вы и так как-то умеете про с а ч и в а т ь с я, но т е п е р ь не стоит так. Могут и мечом ткнуть. А мне бы хотелось подольше видеть вас живым...

Пропустив Вингельта в дверь, он увидел в приемной нетерпеливо вскочившего Интагара. Сидело там еще несколько человек, но все они были Сварогу знакомы, и он знал, что речь пойдет о текущих делах, сейчас совершенно неважных. И потому кивнул Интагару, приглашая в кабинет. Едва они уселись, нетерпеливо спросил:

— Ну? Я не верю, что у вас в о о б щ е нет догадок. И я ведь приказал: безо всяких «не по моему скудному разумению». Ну? Л ю б ы е предположения и догадки.

— Догадок, государь, после долгих размышлений осталась одна-единственная, — сказал Интагар. — Рубите мне голову, но я бы стоял на том, что ваш Ледяной Доктор — попросту «страшный бородач».

— Это еще что за оверь? •

— Это старый бандитский прием, давно известный полиции. Как бы покороче... В общем, шайка-банда собралась на совет. Во главе стола сидит главарь — этаким страшным бородач, могучий, грозный, увешанный оружием. Ну, не обязательно бородач, но всегда это человек внушительный, производящий впечатление, по-настоящему грозный. Он дает распоряжения, наказывает провинившихся, одним словом, руководит всем и вся. Только это все — обман, подставное лицо. Где-то в конце стола сидит незаметный человечек, частенько занимающий низшее место в тамошней иерархии — и он-то и есть настоящий главарь. О чем сплошь и рядом и понятия не имеет подавляющая часть членов шайки, кроме пары-тройки особо доверенных лиц — такие, сами понимаете, непре-

менно должны быть, на случай, если у фиктивного главаря по глупости возникнет желание стать реальным. Кто эти доверенные лица, фиктивный, конечно же, не знает. Старый прием. Далеко не каждая банда его применяет, но встречается часто. В чем тут вся соль? Даже если полиция узнает, что это не настоящий главарь, а «страшный бородач», чертовски трудно вычислить настоящего, приходится буквально по человечку перебирать, присматриваться, следить за кучей народа. Что дает мне основания так думать? Я, конечно, не понял всех этих ученых подробностей, да и граф Элкон кое-что плохо понимал. Но мне ведь это и не нужно? Я изучал с о б ы т и я. Обстановку. Видите ли, ваше величество, тут масса нестыковок. Ледяной Доктор был достаточно умен, хитер и коварен, чтобы несколько лет втайне руководить достаточно обширным предприятием. И внезапно он, словно бы потеряв здравый смысл и рассудок, собирает случайных людей и показывает им такое... И тут же бежит, словно заранее предвидел немедленные доносы. Но не уничтожает здание с этими, — его передернуло, — омерзительными монстрами. Якобы не успел. Однако три здания, гораздо большие по размеру, он уничтожил самым старательным образом, так что в руки следователям не попало ни единой пустяковины... Как-то все это странно... И еще. Эти монстры при всем их ужасающем и отвратительном виде все до одного — не более чем з а б а в а. Ни один из них не пригоден для какого-нибудь серьезного дела. Как будто их специально оставили, чтобы продемонстрировать: хозяин занимался этим, и только этим. Вот там пишется про «расход энергии». Не так уж трудно было понять графа — это ж примерно то же самое, что расход дров и угля на кухне... И подчеркивается: за все время уцелевший дом израсходовал едва одну сороковую часть от общего расхода. Все остальное шло в уничтоженные дома... Что т а м делалось, никто не знает. Если такие же бесполезные монстры — то почему такой расход топлива, то есть этой самой энергии? Ведь не так уж ее много понадобилось на монстров... Все вроде бы как на ладони: вот он, мертвый

виновник, вот образцы его трудов... но вот полицейское чутье шепчет: с л и ш к о м уж оно гладко и правильно. Как в любой истории со «страшным бородачом» — вот он, грозный, ножами увешан, рыком приказы отдает... А неприметный — в уголке... Вот такие у меня соображения, ваше величество, и других просто нет, не взыщите...

Сварог задумался. Тут следовало не взыскивать, а поощрить.

Э т о й версией, как проистекало из досье, никто никогда не занимался, никто не выдвигал предположения, что Ледяной Доктор — подставное лицо, парадная витрина, а уцелевший дом с монстрами — ложный след. Во всяком случае, в досье об этом ни словечка. Нельзя исключать, что кто-то все же такую версию выдвигал, но оказался слишком молод, в малых чинах, небольшом авторитете — и его точка зрения в досье не попала. Такое частенько случается, и не только в секретных службах.

Если Интагар прав... А он вполне может оказаться прав. Все логично и убедительно: Брашери работал как раз в маноре Ледяного Доктора, в тех трех зданиях, успел смастерить там много ему полезного и вывезти в Горрот. Ну, а потом закрыл дело крайне эффектной концовкой. Убедительно, черт побери... Бесплезное это знание или нет? Пожалуй, кое-какую пользу все же можно извлечь: если заново, с э т о й точки зрения тщательно перебрать всех постоянных посетителей Ледяного Доктора, посмотреть, кто они по роду занятий — быть может, и удастся в ы ц е п и т ь кого-то из сообщников Брашери, кто остался в Магистериуме. Есть некоторые шансы. Лишь бы времени хватило...

Интагар напряженно ждал.

— Ну что же... — сказал Сварог. — Ордена вы не получите, но ваши выводы мне крайне полезны, честное слово, — он усмехнулся. — Можете в следующем месяце с э к о н о м и т ь из казенных средств лишнюю пару сотен золотых, разрешаю. Нынешнее положение дочек требует расходов, я понимаю...

— Спасибо, государь! — с искренней радостью воскликнул Интагар. — Я горячо...

— Ну, ну! — отмахнулся Сварог. — Заслужили. Идите.

Он вышел следом, оглядел вскочивших, склонившихся в поклоне придворных и чиновников, спросил:

— У кого-нибудь есть нечто чрезвычайное, срочное, важное? Нет? В таком случае, господа мои, решайте дела без меня. Мое величество сегодня более никого не примет.

И, ни на кого более не глядя, вышел в коридор, неспешной валяжной походочкой направился в малую спальню.

Яна уже не валялась в постели со здешним дамским романом, а сидела в Безымянной комнате и слушала Тарину Торемы:

*— Дикий сокол взлетает за облака,
в дебри леса уходит лось.
А мужчина должен подругу искать —
исстари так повелось.
Мужчина должен подругу найти —
летите, стрелы дорог!
Восход нас ждет на краю земли,
и земля вся — у наших ног!*

Увидев Сварога, она убавила громкость, поставила на стол высокий стакан с каким-то соком и спокойно спросила:

— Все в порядке? У тебя лицо не то что спокойное, а даже благостное чуточку...

— Все в порядке, Вита, — сказал Сварог, мимоходом взъерошив ей волосы на затылке. — Правда, нужно собираться и лететь. Появились интересные идеи, которые следует обсудить с Канцлером, да и тебе не мешает послушать. Собственно, нам и нечего собирать, а потому...

Почувствовав знакомую дрожь в правом кармане камзола, он вытащил свой всегдашний золотой портсигар — в который давным-давно распорядился в о т к н у т ь «почтовый ящик». Нажал соответствующий рубин на крышке справа, и над портсигаром вспыхнул небольшой, в пару ладоней, экранчик. Две депеши, причем вторая — шиф-

рованная, что случилось крайне редко. Ну, там и дешифратор имелся, как же без него...

Прочитав первое, он присвистнул — впрочем, без всякой тревоги. Не стоило оно того...

— Интересные дела, Вита, — сказал он спокойно. — Сообщение от маркиза Оклера. Его системы засекли две флотилии подлодок токеретов н о р м а л ь н о г о размера. В одной семь субмарин, во второй — целых девять. Идут от Девайкира — ну точно, у них там база... Как и обговорено, маркиз ничего не предпринимает, просто наблюдает. Ну, в свете последних событий — вроде ничего опасного. А кто у нас второй, и почему он зашифровал...

Он прочитал шифровку от Элкона. Как-то не уложилось в сознание сразу. Прочитал еще раз. О с о з н а л. И почувствовал, как по всему телу прошел зябкий холодок. Господи Боже ты мой... Это еще не конец, но чтобы настолько уж скверно...

Он медленно опустился в кресло, так и держа в руке портсигар с невыключенным экраном. Спыхватился, выключил. Когда вынимал сигарету, почувствовал, что пальцы слегка дрожат.

Яна вскочила, вскрикнула:

— Что?! Я у тебя в жизни не видела такого лица!

— Скверные дела, Вита, — сказал он медленно. — Шифровка от Элкона. Четыре с лишним часа назад было полностью потеряно управление сетью боевых орбиталов и утрачена всякая с ними связь. Все восстановилось только через семнадцать минут сорок секунд, причем часть орбиталов оказалась перенацеленной. Прецедентов не имеется. Причины не установлены... Понимаешь, что это значит? — и, видя, что глаза у нее стали на пол-лица, что она страшно побледнела, продолжал севшим голосом: — Вот это уже больше похоже на генеральную репетицию. Знаешь, что мне пришло в голову? Что токереты крепко настаивали прибыть к ним не позднее, чем через два-три дня, вовсе не из-за своих внутренних сложностей. Что, если они точно знают: дня через три Брашеро и н а ч н е т? И спешат с д а т ь его в обмен на какие-то выгоды?

— Нужно немедленно лететь, — сказала Яна, судя по ее виду, не потерявшая самообладания.

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Час-полтора, сдается мне, большой роли не играют...

Он пинком распахнул дверь в караульную и сказал ближайшему из вскочивших ратагайцев:

— Немедленно ко мне маршала Гарайлу, генерала Дервуда, герцога Лемара. Хоть из-под земли!

Ратагаец кивнул и кинулся опрометью в коридор. Слышно было, как грохочут, удаляясь, его подкованные короткие сапоги.

...Канцлер сидел за своим столом, Сварог — напротив. Профессор Марлок, попыхивая короткой гнутой трубочкой, медленно расхаживал по кабинету от стены до стены.

Собственно говоря, они трое и являли собою чрезвычайный комитет по спасению Империи, или как там это собрание ни называть. Военных звать бесполезно, поскольку они бессильны, Яну — в общем, тоже не стоит. Самое большее, на что она способна — принять участие в дискуссии, и не более того. Так что они считали: их троих достаточно.

— С орбиталами так ничего и не удалось прояснить, — сказал профессор, яростно пыхая трубочкой. — Никто ничего не понимает. Никаких следов вторжения в систему связи и управления извне. Такое впервые...

Ну, предположим, не впервые, подумал Сварог, следов моих вторжений из Велордерана тоже до сих пор никто не засек...

— Что до аппаратуры в Горроте... — продолжал Марлок. — С помощью императрицы, вернее, ее шара, я наблюдал за ними два часа. Осмотрел все. И ничего не понял. Я не самый худший электронщик, но я попросту не понимаю, что это за устройства, что они там с их помощью делают...

— Вряд ли это оттого, что вы — бездарность, — тихо сказал Канцлер. — Ну какая же вы бездарность? Просто-напросто это, надо полагать, нечто, чего прежде не было, пока Брашери его не изобрел...

— Наверняка, — прямо-таки огрызнулся Марлок. — И что, от этого легче? Ничуть... Так что научных консультаций от меня не ждите. А вот как они будут действовать, я могу примерно предсказать. Как бы я сам действовал на их месте? Окончательно перехватил бы управление орбитами, перенацелил, произвел несколько демонстрационных залпов — ну, скажем, по манору какого-нибудь ничтожества или безлюдным зданиям. Перехватил бы управление Департаментом транспорта — после этого ни одна боевая машина попросту не сможет взлететь, воинские части окажутся заблокированными в местах дислокации. Да и все остальные летательные аппараты встанут. Если они способны оказались на первое, второе еще проще выполнить. Отключил бы все системы связи с Сильваной, чтобы оттуда не смогли выслать подмогу. Впрочем, даже если она прилетит, с ней нетрудно проделать тот же фокус... Я попросту исхожу из самого худшего. Предполагаю, что они способны перехватить любую систему управления. Мы не сможем ни увезти императрицу на Сильвану, ни улететь туда сами, — он махнул на Сварога дымящейся трубочкой. — Молчите! Заранее знаю, что вы скажете: императрицу с ее Древним Ветром никто и ничто не в состоянии пленить. Сам знаю. И что же? Оставаясь совершенно свободной, она ничем не сможет помочь. Никакой Древний Ветер ей не поможет вновь завладеть системами управления и связи. Это могучая сила, но она не способна решать такие задачи... В общем, следует исходить из того, что они перехватят все и, скорее всего, предложат сдаться. И придется ведь... Иначе всех самым вульгарным и примитивным образом сожгут орбиталы. Бежать не получится. Да и не вижу я такого места, куда можно бежать, нет его.

— Ну, вообще-то есть... — сказал Сварог. — Ко мне в Хелльстад не проникнет и этот долбанный гений, я уверен. А места там хватит, чтобы разместить и всю гвардию, и армию, вообще множество народу...

— И получится роскошная, громадных размеров тюремная камера, — язвительно бросил профессор. — Нет?

Сварог промолчал.

— Ну что же, — сказал Кнцлер. — Убедительно. Полагаю, чего-то в этом роде и следует ждать. А мы, следовательно, не способны сделать н и ч е г о?

— Ну, почему же? — спокойно сказал Сварог. — «Рагнар» уже идет в Горрот, он сейчас в Харлане.

— Кто управляет? — невозмутимо осведомился Канцлер.

— Мара, — сказал Сварог. — У нее уже неплохо получается. Она успевает к Акобару до того, как Брашери начнет.

— И тогда?

— А тогда она разнесет дворец в щепенку, — сказал Сварог. — Крайнее средство, но что тут поделать...

Он умолчал, что следом движется полдюжины Золотых Касаток и столько же Золотых Гривастых Крокодилов — для пущей надежности, кашу маслом не испортишь. Лучше уж напороться на неизбежные сложности, выдав существование своей армады, чем проиграть и потерять все. Тут уж, как говорили очень далеко отсюда, общественное выше личного...

— Конечно, при этом наружу может вырваться какая-нибудь зараза, которую они там держат, — сказал Сварог. — Но тут уж ничего не поделаешь. Если Мара разнесет их Центр, мы получим доступ в Горрот, поправим там, что возможно...

— А если у дворца силовая защита? — спросил профессор. — Я бы на их месте поставил...

Сварог не раздумывал и минуты:

— Ну, если... Даже в этом случае силовое поле — к о л п а к, который заканчивается на земле или на воде. Я не специалист, но попросил подыскать мне материалы. Никто еще не создавал силового поля в виде с ф е р ы, которая простиралась бы и под землей. Под защищенным объектом. Верно?

— Верно... И что? — буркнул профессор.

Сварог пожал плечами:

— Ну, если там и в самом деле силовое поле, Мара будет крушить гразертом берег под водой — пока не

образуется достаточно большая полость, куда дворец попросту провалится, никакое поле его от этого не спасет.

— А если они все же создали и с ф е р у? — спросил профессор. — Между прочим, теория это допускает... Или у них есть что-то против «Рагнарока»?

Сварог вновь пожал плечами:

— Ну, тогда нам остается только запереться в Хелльстаде. Пусть и без надежды оттуда выйти. Все лучше, чем попадать к ним в руки. Уж кого-кого, а нас троих они определенно сразу прикончат.

— Коли уж профессор выступал с позиций крайнего пессимизма, я, пожалуй, буду отстаивать прямо противоположную точку зрения, — сказал Канцлер. — Хорошо. Предположим, мы... то есть ваша Мара разнесла Центр и прикончила их всех. Как нам быть потом с Горротом? Придется ведь что-то предпринимать.

— Ну, это просто, — сказал Сварог. — У горротских границ в Балонге, Ронеро и Глане сосредоточено шестнадцать кавалерийских полков. Они вторгнутся с трех сторон.

— Крепость Корромир... — задумчиво сказал Канцлер.

— Ее будут бомбить, расчищая дорогу коннице, — сказал Сварог. — Я все обсудил со своими генералами и Гарайлой, остается только подать сигнал. Причем, господа мои! — он цинично усмехнулся. — Вы, наверное, забыли, но у нас есть королева Горрота Эгле? Мы не агрессию устраиваем, а идем восстановить на престоле законную королеву, вопреки распространенным манифестам чудом спасшуюся от убийц... И она будет ехать впереди с самым царственным видом. Сейчас уже вовсю печатаются воззвания о чудом спасшейся королеве, их будут разбрасывать с самолетов, главным образом над городами, где грамотных гораздо больше.

— Неплохо... — сказал Канцлер.

— Да прекрасно просто! — рявкнул профессор. — Но что, если «Рагнарок» ничего не сможет сделать?

— Думаю, у нас будет время уйти в Хелльстад, — сказал Сварог. — Кстати, простите за своеволие, но императрицу я уже туда отправил.

— Так... — протянул Канцлер. — А к токеретам на переговоры вы, следовательно, пока не собираетесь?

— Нет, — сказал Сварог. — Не вижу смысла. Я верю, что они меня там не зарезать хотят, а договориться о сотрудничестве, но... Предположим, они многое знают о п л а н а х Брашеро. Охотно верю. Вот только о п л а н а х мы многое знаем и сами. Брашеро наверняка не делился с токеретами техническими секретами и технологиями. Не тот человек. Даже если они точно знают, ч т о он собирается делать, представления не имеют, к а к. Зачем же мне к ним тащиться?

— Резонно... — сказал Канцлер. — К чему же мы пришли? Сдается мне, к тому, что единственная наша возможность — попытаться ударить с «Рагнарока». Получится, или нет, но другой возможности я не вижу. Вы ведь тоже? Ну вот, что же дальше воду в ступе толочь...

— Лучше бы, конечно, захватить их аппаратуру... — вздохнул профессор. — Такая ценность для науки...

— Согласен, — кивнул Канцлер. — Но к а к?

— Действительно, — сказал Сварог. — Гораздо интереснее было бы взять их живьем... или хотя бы одного Брашеро. У нас есть крупный козырь: их там к у ч к а. По пальцам можно пересчитать. А вся страна... и большинство обитателей дворца ни о чем не подозревают. Живьем бы... Но как?

— Подсказать? — раздался непонятно откуда звонкий и насмешливый голос Яны.

В следующий миг она, как когда-то в замке Сварога, появилась из стены, обитой тисненой кожей, — в том платье, в каком Сварог ее оставил в Хелльстаде, с той же прической. Непринужденно присев в свободное кресло и оглядев трицу, она улыбнулась:

— Неплохо. Вы хорошо держитесь, Канцлер и господин мой супруг — ну, понятно, однажды вы уже такое видели... Профессор, правда, ошеломлен — ему-то не дово-

дилось... Профессор, пожалуйста, поднимите трубку, она у вас изо рта на ковер вывалилась. Красивый ковер, хорошей земной работы, жалко будет, если останется прожженная дыра...

Не сводя с нее оторопелого взгляда, профессор, присев на корточки, поднял трубку, сунул в рот и так сжал челюсти, что едва не перекусил чубук.

— Знаете, что меня страшно радует, лорд Сварог? — невозмутимо спросил Канцлер. — Что это не моя супруга...

— А меня вот радует, — сказал Сварог. — Яна...

Она подняла ладонь:

— Никакие упреки не принимаются. Как уже говорилось однажды, монархи не подслушивают, монархи осведомляются. Чтобы избежать лишних вопросов, скажу сразу: я здесь с с а м о г о начала, — она ослепительно улыбнулась Сварогу. — Я пустилась следом сразу же после того, как ты улетел из Хелльстада. Ясно было, что сейчас начнется совещание, на котором кучка людей будет все решать. И вы хотели, чтобы императрица при этом не присутствовала? — она усмехнулась, глядя свысока. — Самоуверенные болваны, все трое, к профессору это относится менее всего, главным образом к остальным двум. Да, это прямое оскорбление, и я не намерена за него извиняться. Как говорят в Каталауне, перетопчетесь... — в ней не было и тени веселости, глаза потемнели от гнева. — Я бы вас и почище обозвала, в юности в Каталауне всяких словечек наслушалась, но жаль тратить время... Бедняги! У них нет возможности взять Брашерио живьем... Есть у вас такая возможность.

— Соблаговолите объяснить, если так, ваше величество, — с каменным лицом опытного царедворца сказал Канцлер.

И она объяснила. Кратенько, за пару минут, но исчерпывающе.

Едва закончив, повелительно подняла ладонь:

— Никаких возражений. Помешать вы мне не сможете, и вы это прекрасно знаете. Все правильно. Наш силь-

нейший козырь в том, что их там к у ч к а, по пальцам можно пересчитать. А нужен нам, в принципе, один Бращеро, я согласна... У меня плохой план? Ах, молчите... Значит, неплох. Собственно, нам нужно обсудить единственный вопрос: мне идти одной, или все же мой супруг благородно согласится сопровождать? Повторяю, возражения не принимаются, а помешать мне никто не сможет...

Сварог про себя высказал в ее адрес несколько фраз, лишенных и намека на изящную словесность. У него было подозрение, что сидевший с непроницаемым лицом Канцлер про себя изрек примерно то же самое. Как бы то ни было, два обстоятельства нельзя было опровергнуть: ей никто не смог бы помешать, и это был неплохой план...

— Нет уж, одну я тебя туда не пущу, — сказал он твердо.

— Я в тебе нисколько не сомневалась, — обаятельно улыбнулась ему Яна. — Тогда обсудим детали, господа?

Глава XII

ГЕНИЙ ВО ПЛОТИ И КРОВИ

— **Я** тебя просто умоляю, не надо за меня тревожиться, — сказала Яна тихо. — От тебя тревога такая исходит... Ничего мне здесь не грозит. Абсолютно ничего. Не только из-за моих способностей, но еще и из-за того, что их тут м а л о. Их только шестеро — Орка я даже не беру в расчет. Пойми ты умом...

— Умом-то я понимаю, — проворчал Сварог. — А вот сердцем... Их мало, но, как говорилось далеко отсюда, они в тельняшках...

— О чем ты?

— Потом как-нибудь объясню, когда будет время...

В окно везущей их по роскошной набережной кареты он смотрел на Ител. Река выглядела, как обычно: корабли плывут в обе стороны, горротские — держась ближе к берегам, иностранные, в том числе и военные — по середине реки (центральная треть Итела испокон веков считается «международными водами»). Т о г о парохода под безобидным флагом одного из Вольных Маноров он, разумеется, не увидел — ну что же, держат регламент... Солнечный день, мириады искорок играют на спокойной водной глади, все больше попадаете больших, богато украшенных лодок под роскошными балдахинами — го-

спода придворные обоего пола имеют честь прогуливаться — дворец уже совсем близко...

Умом-то умом... А вот куда девать сердце, ноющее от беспокойства за нее? Но ведь все равно отправилась бы одна, и никто не в состоянии был бы ее остановить...

Вот и первые караульные посты на набережной — но это, собственно, не дворцовая стража, это нечто вроде ГАИ, они только тем и заняты, что заворачивают назад непрезентабельные экипажи и непрезентабельного вида прохожих, поскольку ни тем, ни другим не следует осквернять своим убогим видом окрестности королевского дворца...

Их карету, как и следовало ожидать, пропустили беспрепятственно — хотя и наемная, но довольно роскошного вида, такие здесь нанимают богатые дворяне, по какой-то причине не воспользовавшиеся своим собственным выездом (ну, скажем, господин герцог отправился к любовнице, белошвейке, и не хочет светиться в экипаже с собственными гербами), серьезные купцы, члены высших гильдий и прочий денежный народ. Она остановилась у высокой и широкой мраморной лестницы, четырьмя ступами поднимавшейся к распахнутым воротам в высокой каменной стене (Горрот, черт его знает, почему, оставался единственной державой, где королевский замок окружен стеной, сохранившейся с давних времен, повсюду давно уже перешли на литые и кованые, высокие ограды). Кучер, коlobком скатившись с козел, распахнул дверцу, Сварог вышел первым, подал руку Яне, небрежным жестом великосветского повесы сунул в протянутую ладонь несколько золотых, что едва ли не вдвое превышало установленную плату. Кучер, как и следовало ожидать, рассыпался в благодарностях, но они, как и подобает благородным, оставили это без внимания, неторопливо направились к нижним ступеням.

Народу на лестнице оказалось не так уж много: одни неторопливо поднимались, другие, соответственно, спускались, хватало и таких, что просто стояли на площадках, возле обильно украшенных статуями перил, любясь

рекой. Добрая половина из них, Сварог не сомневался — наряженные под дворян «тихари», в любом королевстве так.

Никто из проходивших не обращал на них с Яной ни малейшего внимания (впрочем, на Яну-то как раз многие обращали, — это Сварог был никому неинтересен и определенно не узнан). Единственная причина, вызывавшая к ним интерес и быстрые взгляды — красота Яны. Во всем остальном они выглядели в точности так, как окружающие: дворянин с дворянкой, судя по нарядам, не из высшей знати, но, безусловно, не из захудалых, перстни с баронскими коронами, и платье Яны, и камзол Сварога оторочены как раз сиреневыми кружевами согласно последней здешней моде — жизнь шла своим чередом, считанные единицы знали, к т о обосновался во дворце, слишком многое осталось неизменным, в том числе и причудливые выкрутасы моды.

Яна, приложив к правой щеке два пальца, пытливо смотрела вверх.

— Ну что? — тихонько спросил Сварог.

— Во дворце п я т е р о ларов, — так же тихо ответила Яна. — Двух не хватает.

Сварогу моментально припомнилась реплика д'Артаньяна: «Ты слышишь, барон? Их только четверо!» Четверо, пятеро — разница невелика. Недостающие особой роли не играют — ни их наличие, ни их отсутствие. Лишь бы Брашеро не оказался среди отсутствующих, иначе задуманное провалиться не провалится, но чуточку усложнится...

— Пошли, — решительно сказала она.

И они рука об руку стали неспешно, как подобает благородным, подниматься к воротам. Сварогу только сейчас пришло в голову, что профессор Марлок в своем пессимизме был глубоко неправ, талдыча о гипотетическом, прикрывавшем дворец колпаке силового поля. Все эти годы захватившие власть Брашеро с компанией старательно поддерживают в стране видимость, будто никаких н е о б ы ч н ы х изменений не произошло — ну, разве

что король разогнал изрядное число придворных и приблизил множество новых людей, но в этом-то как раз ни капли необычного нет. И житье-бытье дворца продолжается, так сказать, в прежнем режиме. Как в таких условиях накрывать его силовым полем? Вся страна выпучит глаза в изумлении. Быть может, «колпак» и существует, чтобы быть включенным, скажем, при неожиданной, непредвиденной атаке, — но прежде его ни разу не врубали, иначе неминуемо пошли бы слухи...

Все. Высоченные ворота из солидных, тщательно выкрашенных светло-коричневой краской досок, скрепленных огромными затейливыми полосами кованого железа. По обе стороны — не менее двух десятков гвардейцев и дворцовых стражников, да еще несколько личностей в цивильном, чей род занятий угадать нетрудно. Опять-таки ничего необычного — у Сварога в Латеранском дворце у главных ворот церберов ничуть не меньше...

Древний Ветер по-прежнему работал исправно: Яну со Сварогом никто просто-напросто не увидел. Со стороны это никак не могло показаться подозрительным: если дворяне вошли во дворец беспрепятственно, значит, имеют доступ и прекрасно известны в лицо страже... Собственно, теперь можно было и снять «шапку-невидимку», люди, беспрепятственно миновавшие главные ворота, обычно нисколько не интересуют внутреннюю охрану, но из предосторожности Яна ею пользовалась до тех пор, пока они не миновали стражу и у парадного крыльца — мало ли какие свои правила мог тут установить Брашерио.

Все. Прихожая, так сказать — точнее, как это принято в королевских замках, немаленький зал, куда спускаются несколько лестниц. Мозаичный пол с вкраплениями «бархатного» аметиста, чей фиолетовый цвет при вечернем искусственном освещении меняется на густо-красный, колонны из полированного узорчатого орлеца, стены украшены инкрустациями из красной яшмы и вениса. Этаким зал Хозяйки Медной Горы. Сварог мимоходом подумал, что абсолютно все это каменное великолепие добывалось на Дике, каковой Горроту уже не принадлежит.

Они уверенно направились к крайней лестнице справа — за три часа, проведенных перед очередным сотканым из полупрозрачного света шаром тщательно изучили нужную им часть дворца старательно и скрупулезно, так что хорошо ориентировались и способны были, не блуждая и не расспрашивая никого, отыскать кабинет Брашера. Недвижно застывших лакеев и стражников хватало, а вот придворных попадалось мало — надо полагать, с восшествием на престол юного «короля» и появлением регента великосветская жизнь чуточку притихла, в подобных случаях так оно и бывает, неизвестно пока, кто окажется близок к регенту, а кого отодвинут подальше, кто воспарит ввысь, а кто шлепнется в грязь, так что большинство завсегдатаев сидит по домам, обсуждая произошедшие изменения и их возможные последствия, либо строя планы, как сделать так, чтобы именно ты воспарил, а враги, соперники и недоброжелатели отправились в грязь. Малолюдство только на руку — и их планам, и тому, что очень уж мало любопытных глаз заинтересуются совершенно необычным головным убором Яны.

Меча на поясе у Сварога, разумеется, не было — даже военным не дозволено являться в королевский дворец при мече. А потому он себя чувствовал чуточку неудобно. Пустой широкий коридор, где стены опять-таки украшены мозаикой из красной яшмы и орлеца, короткая широкая лестница, небольшой зал, куда выходят четыре коридора...

— Не соблаговолите ли задержаться? — раздался справа насмешливый и очень знакомый голос.

Они остановились, без всякой поспешности повернулись туда — ну что же, следовало предвидеть и такую возможность... В одном из коридоров стоял улыбающийся герцог Орк в форме капитана дворцовой стражи, с мечом и дагой на поясе, по обе стороны от него — два гвардейца с мечами наголо, и в трех остальных коридорах теснились державшие клинки наизготовку гвардейцы. Первоначальные расчеты летели к черту — не смертельно, но досадно...

— Рад приветствовать у нас и ваше величество, и вашего... супруга, — как ни в чем не бывало, светским тоном продолжал Орк с давно известной Сварогу хищно-насмешливой улыбочкой. — Почему вы не известили нас заранее? Была бы устроена подобающая вашему положению торжественная встреча... Ну да, вы по-прежнему скромны, ваше величество, не перестаю вами восхищаться в том числе и за это...

Из одного из коридоров, бесцеремонно растолкав гвардейцев, выскочил юркий субъект с неприметным лицом, оказавшись возле Сварога, несколькими быстрыми и умелыми касаниями обшарил одежду. Подбежав к Орку, что-то шепнул ему на ухо и исчез с глаз.

— Лорд Сварог, ну что за детство... — покачал головой Орк. — Судя по докладу, у вас под камзолом парочка бластеров... Неужели до вас не дошло, что здесь они не действуют?

— Запас карман не тянет, — пожал плечами Сварог.

— Ну, вот не действуют, честное слово, — осклабился Орк. — А потому я их у вас даже забирать не буду, балуйте, дитяtko вы наше шустрое... Интересно. Очень интересно. — Его глаза, как обычно, были умными и пытливыми. — Всякого можно было ожидать, но подобный визит... Не соблаговолите ли пройти со мной в кабинет герцога Брашера?

— Мы, собственно, туда и направлялись, — сказал Сварог.

— Тем лучше, — сказал Орк без улыбки. — Ну что же, особы вашего положения никак не могут обойтись без почетного эскорта... Прошу, — он посторонился, и гвардейцы расступились, освобождая дорогу. — Надеюсь, лорд Сварог, вы прекрасно помните, что эти примитивные, но на совесть отточенные клинки для вас смертельны... и не только для вас...

— Я сюда не воевать пришел, — холодно ответил Сварог.

— Ну кто же вас знает, учитывая вашу непоседливую и живую натуру... — усмехнулся Орк. — Вечно вы с кем-то

воюете, во что-то ввязываетесь, ну буквально как я... Ваше величество, мы не виделись около полугода... Надеюсь, не будет дерзостью с моей стороны заметить, что вы расцвели и похорошели еще более? Замужество пошло вам на пользу...

Он не паясничал, конечно — просто-напросто оставался собой прежним, насмешливым и дерзким. А еще в его голосе явственно звучали нотки победителя...

— Благодарю вас, герцог, — ледяным тоном ответила Яна.

— Ваш странный головной убор — не хельстадская ли корона?

— Корона хельстадской королевы, — не моргнув глазом, ответила Яна.

— Я так и думал. Ну что же, везде своя геральдика... Прощу по этой лестнице, и направо.

Он шагал бок о бок с ними, как приветливый хозяин — и Сварог прямо-таки физически ощущал, слыша топанье сапог за спиной, нацеленный им в спины десяток клинков. Яна мимоходом чуть поправила помянутый головной убор — золотой обруч с шестью золотыми воробьями в натуральную величину. Они сидели, закрыв глаза, — казались намертво прикрепленными к обручу, что действительно несколько не соответствовало...

Высокая дверь, за ней обширная приемная, совершенно безлюдная, если не считать секретаря за золоченым столиком, справа от входа в кабинет. Он вскочил и, переглянувшись с Орком, склонил голову:

— Герцог готов вас немедленно принять...

И проворно распахнул половинку двустворчатой двери. Орк посторонился, сделал привычный галантный жест, пропуская вперед Яну, за ней Сварога, вошел сам, и дверь захлопнулась. Интересно, остались ли гвардейцы в приемной? Правда, это не так уж и существенно...

Обширный кабинет, на сей раз без малейшего минералогического уклона: стены обшиты простыми панелями из светлого дуба, в глубине — несомненный стол для заседаний, для земного королевства достаточно привычный, в

виде буквы «Т», с одним креслом у короткой перекладкины и дюжиной по обе стороны длинной. А справа — достаточно большой рабочий стол, из-за которого уже поднимался Брашери, в точности такой, как на фотографиях: умное, волевое, властное лицо. Сразу чувствовалась та внутренняя сила, о которой повествовала Литта. Да, это был ф е р з ь...

За его спиной висела единственная в кабинете картина — портрет мальчишки с холеным, надменным лицом, в мантии и горроотской королевской короне. И единственное в кабинете украшение — полдюжины мечей веером, из узорчатой толладской стали, рукояти довольно скупно украшены драгоценными камнями и позолотой: добрые р а б о ч и е мечи, крайне Сварогу приглянувшиеся.

Брашери кинул вопросительный взгляд через плечо Сварога.

— Лорд Сварог верен себе, — насмешливо сказал Орк. — У него два бластера под камзолом.

— То есть — два бесполезных куска металла? — не менее насмешливо уточнил Брашери. — Лорд Сварог, что же вы меня разочаровываете? Вы же умный человек, прекрасно должны знать, что здесь эти игрушки бессильны...

— Привычка... — пожал плечами Сварог.

— Ох уж — эти привычки... — покачал головой Брашери. — В другое время я бы из чистого развлечения попросил бы вас попытаться выпалить в меня из обоих, но вот как раз сейчас нет времени на забавы... Тысяча извинений, ваше величество, я заставил вас стоять... Прощу, садитесь. И вы, лорд Сварог.

Они присели в два кресла, стоявшие не менее чем в трех уардах от стола — ага, подумал Сварог, все же опасаться моего броска и у б о й н о г о удара из особо опасных приемчиков рукопашного боя. Что ж, вполне разумная предосторожность, такие удары для нас обоих смертельно опасны...

— Живость вашего характера, лорд Сварог, мне давно известна по свидетельствам солидных людей, — сказал Брашери. — А потому убедительно попросил бы вас, как

бы это выразиться, оставаться в рамках этикета. У вас за спиной человек, прекрасно владеющий оружием, с двумя клинками, и первый удар в случае... осложнений не обязательно может остаться в а м...

— Я все прекрасно понимаю, — сухо сказал Сварог.

— Вот и прекрасно, — кивнул Брашеро, усаживаясь. — Ваш визит, впрочем, как и появление ее величества, меня, признаться, удивил.

У него в глазах, и в самом деле, просматривалось легкое, неподдельное удивление. Сварог понимал, в чем тут дело. Этот тип — ученый, привык мыслить строго логически. А их внезапное появление и в самом деле чертовски нелогично, не вписывается в привычные каноны мышления...

— У вас примечательный и необычный головной убор, ваше величество, — сказал Брашеро. — Отличная ювелирная работа... Это просто украшение, или оно что-то означает?

— Корона хелльстадской королевы, — невозмутимо ответила Яна.

— Почему же в таком случае его величество хелльстадский король без короны?

— Потому что его корона более замысловата, и он не хотел привлекать внимания, — сказала Яна. — А моя способна сойти за украшение... я ее так и расцениваю, она ведь красивая.

— Ну что же, типично женская логика... — усмехнулся Брашеро. — Итак, чем обязан вашему визиту?

— Мы пришли вести переговоры, — сказал Сварог.

— Вот как... — с непонятым выражением лица протянул Брашеро. — Значит, вы — нечто вроде послов или парламентариев? В таком случае, если строго придерживаться правил, позволю себе заметить, что вы не вручили мне верительных грамот, как полагается послам, и при вас нет атрибутов, неизменных для парламентариев. В э т о м случае вы, простите, лишены прав на статус послов или парламентариев... и полностью в руках тех, к кому явились. Вы согласны, что с юридической точки зрения так и обстоит?

— Я полагала, что м н е верительные грамоты или атрибуты парламентаря попросту не нужны, — холодно произнесла Яна.

— В а м? — Брашеро насмешливо улыбался. — А кто вы, собственно, сейчас такая? Девушка, по странному совпадению крайне похожая на императрицу Яну-Алентевиту, как ее изображают на портретах и не более того... Кстати, то же можно сказать и о вашем спутнике. Можно, конечно, и предположить, что вы настоящие... — он широко улыбнулся. — Я слышал, вы оба любители устраивать юридические казусы. Я иногда тоже развлекаюсь тем же. Вот, скажем, такой казус... Императрицы это, конечно, не касается, а вот земная королева, в том числе и хелльстадская, подвергшись насилию, обязана уйти в монастырь. Предположим, с вами, красавица, как раз и произойдет... сеанс мужской любви без всякого вашего желания. Как вы в этом случае поступите в роли хелльстадской королевы?

— Вы меня хотите запугать или в самом деле питаете такие замыслы? — спокойно спросила Яна.

— И то, и другое, откровенно говоря, — светски улыбнулся Брашеро. — Вы очаровательны, а я питаю слабость к златовласым красоткам. Согласитесь, в этом ведь нет ничего извращенного? Поскольку я не извращенец, я не намерен заставлять лорда Сварога наблюдать это зрелище, все будет происходить в его отсутствие...

— Вы меня запугали, — сказала Яна тоном, полностью противоречившим словам. — Я дрожу от ужаса...

— Я бы вам не советовал держаться так строптиво, — мягко сказал Брашеро. — Позвольте напомнить, что вы полностью в моих руках. И посоветовал бы...

Где-то справа от него послышалось знакомое мелодичное курлыкание. Брашеро тронул кромку стола, и перед ним появился небольшой экран компьютера (ага, устроился в точности, как я, констатировал Сварог). Читал Брашеро недолго. Вскинул на Сварога яростные глаза:

— И что это должно означать? Мне докладывают, ваши бомбардировщики подожгли Корромир. Крепость пыла-

ет, как пучок соломы, это никак не могут оказаться обычные бомбы... Что ваши туда сбросили?

Сварог пожал плечами:

— Представления не имею. Не королевское это дело — химия. А там именно какая-то зажигательная химия. Мне гарантировали, что там все заполыхает именно как пучок соломы. Ничего, камни не сгорят, мы все потом старательно восстановим...

— Но Виглафский Ковенант запрещает... — воскликнул Брашеро и осекся под ироническим взглядом Сварога.

— Вы, сдается мне, чересчур вошли в роль земного министра... — откровенно усмехнулся Сварог.

— Да, пожалуй... — хмыкнул Брашеро. — Так что же происходит? Мало того... Ваша кавалерия вторглась в Горрот со стороны Ронеро и Глана... а, еще и Балонга... — он поднял глаза, в которых б у ш е в а л о недоумение. — Что за игры, лорд Сварог? Согласен, это неприятная неожиданность, мы не вполне готовы... Но вы не можете не понимать: даже двигаясь от ближайшей границы, балонгской, даже не встречая сильного сопротивления, ваша кавалерия доберется до Акобара не ранее чем через сутки... и то, если против нее не применяют ничего о с о б е н н о г о... В любом случае, вы и она — в моих руках.

— Интересно, с чем это вам в голову взбрело? — пожал плечами Сварог.

Он видел, что собеседника буквально к о р е ж и т от непонимания происходящего и злости на себя за это. Строгая научная логика, определявшая всю жизнь этого субъекта, гения долбаного, вдруг столкнулась с возмутительными нелогичностями. Брашеро ничего не мог понять, хотя, несомненно, лихорадочно строил гипотезы...

— Все очень просто, — скучным голосом продолжал Сварог. — Я, если вам известно — начальник девятого стола Кабинета императрицы. Секретная служба. У меня достаточно полномочий, чтобы арестовать вас... за что, вы и сами знаете. Это я и намерен сделать. А ее величество решила мне сопутствовать по извечному женскому любо-

пытству: она никогда прежде не видела, как арестовывают «злодеев короны», ей интересно посмотреть...

— Вы с ума сошли? — негромко спросил Брашеро.

— Ничуть, — сказал Сварог.

— Тогда что за игру вы тут затеяли?

Он смотрел хмуро и зло, он чувствовал подвох, но никак не мог его усмотреть...

— Я верю, что вы научный гений, — сказал Сварог (непринужденным движением запустив левую ладонь в правый рукав и большим пальцем вмиг освободив застешку). — Дело житейское, попадаютесь... Но известно ли вам, чем проще всего пробивается научный гений?

Бросил быстрый взгляд на Яну, и она опустила ресницы — все в порядке, от Орка с его железяками их уже отделила невидимая, непреодолимая стена...

— Вульгарным примитивом, — закончил Сварог.

И, вскочив, резко выбросил руку. На тренировку ему досталась лишь пара часов, но все прошло отлично: точнехонько в лоб Брашеро ударила небольшая, но тяжеленькая гирилка, прикрепленная к выметнувшейся из рукава Сварога длинной веревке, крепкой и тонкой. Интагара следует наградить, а того прохвоста пусть не помиловать, но заменить плаху каторгой — именно история с кинжалом на веревке напомнила Сварогу, как проще в з а т ь л а р а...

Брашеро не упал — кресло было довольно тяжелым, но обмяк, если не потерявши сознание, то, безусловно, оглушенный. В следующий миг Сварог уже рванулся к столу и парой точных ударов отправил гения в беспамятство.

Сорвав со стены меч, обернулся, удивленно поднял брови: Орк стоял, преспокойно скрестив руки на груди, с довольно невозмутимым лицом.

— Это он сам, — пожала плечами Яна, перехватив удивленный взгляд Сварога. — Я с ним ничего не делала, зачем?

Орк преспокойно расстегнул пряжку, и пояс с оружием шумно обрушился на пол.

— Я сдаюсь, — спокойно сказал герцог. — И убедительно прошу не смешивать меня с этой компанией. В их де-

лишках я не мог принимать никакого участия из-за полнейшего невежества в науках. Был застигнут переворотом в Горроте и буквально принужден служить на десятых ролях. Добейся они успеха, они бы меня прикончили, я-то никак не вписываюсь в их картину будущего мироустройства. Ваше величество, я рассчитываю на ваше милосердие. Готов служить...

Ах ты ж сволочь, ласково подумал Сварог, схватив брошенный Яной моток веревки — что ей стоило вмиг вынуть из воздуха такую безделицу? — и старательно спутывая бесчувственного Брашера. Уж ты-то, авантюрист и интриган, надо полагать, моментально понял: коли уж мы заявили только вдвоем, значит, за спиной у нас нечто такое, что мы ничего не боимся. А потому лучше вовремя перекинуться на сторону победителя. В том, что он сейчас высказал, конечно, перемешаны ложь с правдой: вполне возможно, переворот и в самом деле застиг его врасплох, но вряд ли его принуждали силой, наверняка сам согласился, видя нешуточные шансы на победу. И сомнительно, чтобы его прикончили при успехе: высоколобым ученым господам такой «лаборант по грязным делам» будет нужен очень и очень долго. Ну ладно, в конце концов, Орк зло мелкое, насквозь привычное и не особенно опасное...

— Яна, придется... — сказал Сварог, закончив упаковывать гения. Она недовольно поморщилась, но все же подняла руку:

— Полное коронное помилование, герцог...

— Но вам, любезный мой, сами понимаете, придется из кожи вон вывернуться... — усмехнулся Сварог.

— Я понимаю, — спокойно сказал Орк. — К вашим услугам. Вас ведь в первую очередь интересует диспозиция? Двое ученых господ в «Горном гнезде». Это...

— Мы знаем, — сказал Сварог.

— Не удивлен. Наверняка от этой театральной девки? Остальные трое — там, — он кивнул на высокие окна в полночной стене кабинета. — Там еще полдюжины атланцев, но это чистой воды исполнители, их задача — на-

жимать кнопки и крутить рычажки не раньше, чем прикажут и сколько прикажут...

Сварог подошел к высокому окну. Здешний «академгородок», окруженный высокой стеной, отсюда представлял как на ладони: здания, аккуратные дорожки, выложенные темной плиткой, клумбы. И, главное, те четыре ажурных металлических шара высотой в два человеческих роста — антенны. Брашерио наверняка выбрал этот кабинет, чтобы любоваться почаще делом рук своих: гении вовсе не обязательно лишены тщеславия...

Сварог кивнул на стол, где по-прежнему красовался экран и панель с клавиатурой:

— Можете вы их вызвать сюда? На срочное совещание?

— Вообще-то могу, — сказал Орк. — Но один из них обязан постоянно оставаться на дежурстве...

— Соврите что-нибудь о чрезвычайной обстановке, — сказал Сварог. — У вас да чтоб не получилось...

— Попробую, — сказал Орк. — Но должен вас предупредить: тут есть начальник тайной полиции из местных — умнейшая сволочь, уважаю... В г л а в н о е он не посвящен, но точно знает: всегда кто-то один остается на дежурстве. И если ему донесут — а ему моментально донесут, — что вышли все трое, он может заподозрить неладное...

— И нагрянуть со своими молодчиками? — понятно подхватил Сварог. — У меня большой опыт общения с начальниками тайной полиции...

— Именно. Где-то тут есть потайная дверь, я не знаю точно, где, но она есть...

— Вон там, — преспокойно показала рукой Яна, глянула на Сварога: — Мне ее з а п е р е т ь?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог. — Вряд ли с ним ворвется очень уж много народу. А он мне нужен живой... Действуйте, герцог. Да, кстати, вы оставили гвардейцев в приемной?

— Нет, — сказал Орк. — Отослал. Ясно было: вы оба не настолько беззаботны, чтобы прийти сюда, не имея п о л н о г о расчета на успех.

— Прохвост... — с улыбочкой сказал Сварог.

— И еще какой, — сказал Орк без малейшей обиды. — Но не забывайте, что у меня есть принципы. Никогда не наносил ударов в спину и не принуждал женщин силой.

— Вы меня умилили, — уже без улыбки сказал Сварог. — Уважаю людей с принципами. Ну?

Орк подошел к клавиатуре, застучал по ней:

— Связь с «Гнездом» — ну, это ни к чему... «Галерея» с девочками, она у него богатейшая, надо будет потом забрать...

— Герцог! — злым шепотом прикрикнул Сварог.

— Да, конечно... Отойдите в сторонку, чтобы они вас не увидели, вон туда, этого достаточно...

Сварог отошел на два шага. Со своего места он прекрасно видел экран — на котором появились три человека, коих разделяли две тоненьких светящиеся линии. И сразу узнал всех троих — воскресших покойничков...

— Господа, тревога! — сказал Орк. — Первый вызывает всех, и немедленно!

Крайний справа недовольно поморщился:

— Герцог, вы же знаете правила. Я обязан оставаться на дежурстве.

— Все правила летят к черту, — сказал Орк. — Возникла ситуация... Короче, у меня прямой приказ: все трое и немедленно. Первый не любит ждать, вся ответственность на мне...

— Ладно... — недовольно проворчал дежурный. — Лишь бы и впрямь на вас, а не на мне... Идем.

Погасив экран, Орк повернулся к Сварогу:

— И что теперь?

— Наденьте пояс, — сказал Сварог. — Встретите их, усадите за стол — и можете стоять где-нибудь в уголке. Они нас не увидят, когда войдут.

— Уж не Древний Ветер ли? — с неприкрытым любопытством спросил Орк. — Ничем другим не объяснить...

— Действуйте, как я сказал! — прикрикнул Сварог.

Подхватив под мышки, оттащил связанного в угол и старательно забил рот кляпом из собственных замшевых

перчаток — согласно этикету, дворянин всегда обязан иметь при себе перчатки, если не надетыми, то за поясом или в кармане. Иначе, что бросать при вызове на дуэль?

Достал из кармана черный пенальчик рации с «Рагна-рока», выдвинул на всю длину кольчатую антенну, нажал кнопку.

— Боевая готовность, — слышался спокойный голос Мары.

— Жди приказа, — сказал Сварог, вывел микрофон на максимум и положил рацию на стол для совещаний, на тот, маленький, за которым сживал Брашеро.

— Ого! — сказал Орк. — Знаком мне этот девичий голосок... «Рагнарок» подогнали? Умно... А э т и его совсем не брали в расчет, даже после того, как вы наведались на нем в гости...

— Терпеть вас не могу, но всерьез уважаю, — усмехнулся Сварог. — За умную голову. — Тут другое. Я направил в Магистериум просьбу принять «Рагнарок» для ремонта, поскольку там какая-то серьезная поломка, и он встал на мертвый якорь. Судя по всему, как я и рассчитывал, это дошло до тамошних сообщников Брашеро, и они ему радостно сообщили...

— Лорд Сварог... — сказал Орк с ненаигранной грустью. — Как жаль, что вы в свое время отвергли мою дружбу... Сколько мы могли бы наворотить вдвоем...

— Все! — оборвал его Сварог, увидев, как на столе замигала зеленая лампочка. — Они уже в приемной, я так понимаю?

— Ну да.

— Давайте их сюда, и без глупостей...

— Да какие теперь глупости при полном помиловании... — проворчал Орк, направляясь к двери и распахиная одну створку: — Прошу, господа, Первый сейчас появится...

Три живых покойника вошли преспокойно, уселись за стол в р а з б и в к у — видимо, на свои привычные места. Ни Сварога, ни Яну, ни связанного Брашеро, уже слегка барахтавшегося, они, разумеется, не видели.

Терять времени не стоило, Сварог кивнул Яне и, зная, что «шапка-невидимка» исчезла, быстро прошел к столу, заняв место Брашера — не сидя, а стоя, прислонив к столу меч. Трое таращились на него, как на выходца с того света.

— Какая неожиданность, господа! — воскликнул он не без театральности. — Лорд Кларин, лорд Селерт, лорд Окстон... Вот будет радости у ваших родных — вас давно числят в покойниках, а вы живехоньки! Сидеть! — рявкнул он, положив меч перед собой на стол. — Это нарушение этикета, но императрица вам прощает...

Яна приблизилась к столу и спокойно спросила:

— У вас будут какие-нибудь объяснения, господа мои?

Судя по их ошарашенным лицам, даже смутного подобия объяснений не имелось. Куда им до Орка, тот в подобной ситуации моментально бы придумал убедительное вранье...

— Сидеть! — грозно повторил Сварог. — Поскольку ваш главарь у меня в руках, вы меня не особенно и интересуете... Извините за некоторую театральность, но у меня есть пара минут, и я, уж простите, хочу немного позлорадствовать... В лучших традициях дешевых романов. Уж извините, вы столько нервов мне истрепали, и не только мне, не могу удержаться от искушения сообщить вам, что вы — круглые идиоты. И не надо делать столь обиженных лиц, — он широко улыбнулся. — Вы в самом деле идиоты, господа. Вы обезопасили себя от любого оружия, а вот п р и м и т и в а не взяли в расчет... Представим, что высоко над вашим защитным полем летит замок ларов — массивное строение из тяжелого камня. Да не один, а с полдюжины. Если они снизятся и попадут в зону действия поля, они, разумеется, рухнут... Точнехонько на ваше научное заведение. Одна щебенка останется.

— Вы с ума сошли! — возопил лорд Селерт, бледнея. — Там ценнейшее научное оборудование, уникальное...

— Уважаю ваш научный фанатизм, — серьезно сказал Сварог. — Между прочим, вы мне сами эту идею подсказали — обрушивая на мои войска каменные глыбы, а на

дворец — воду... Ладно, я пошутил. То есть такой план и в самом деле был... но нашлись другие способы. Меня ваше оборудование тоже очень интересует...

— Они приближаются по потайному ходу, — спокойно сказала Яна. — Семь человек.

— Ага, — Сварог повернулся к Орку. — Как выглядит ваш глава тайной полиции?

— Такой лысый коротышка с умным лицом.

— Ясно, — сказал Сварог, торопливо расстегивая камзол. — Присмотри за этими господами, Вита...

Он взялся за две черных рубчатых рукоятки, вынул оружие из-за пояса, двинул предохранители и спрятал руки за спину. Разумеется, он и не подумал тащить сюда бесполезные, Брашерио прав, бластеры — он попросту прихватил два пистолета с «Рагнарока», из арсенала для Экипажа — простое надежное оружие, сделанное тогда, когда апейрона и близко не было...

Послал мысленную команду — и Золотые Воробьи, мгновенно ожив, взметнулись с обруча на голове Яны под самый потолок. Сварог их прихватил для подстраховки — мало ли с каким сюрпризом можно столкнуться, когда имеешь дело с начальником тайной полиции (Орк его описал точно, не соврал — так же описала Литта...).

Дверь в указанном Яной месте распахнулась неожиданно — створки разошлись в обе стороны, открыв довольно широкий коридор, и в кабинет ворвался помянутый лысый коротышка с пустыми руками, а следом полдюжины молодчиков с характерными рожами и всякой дребеденью в руках — дуствольные пистолеты, скрамасаксы, широкие кинжалы... Створки захлопнулись — видимо, там была пружина или что-то вроде того. Вся орава, не особенно и оглядываясь по сторонам, ринулась к Сварогу, который вовсе не собирался становиться невидимым. А черта ли мне вас жалеть, подумал он с неожиданным ожесточением, вы моих людей не жалели ни в Горроте, ни в Глане...

Он вынул руки из-за спины и открыл огонь едва ли не в упор. Конечно, целя мимо лысого. Два пистолета, шесть

мишеней... Все было кончено в какие-то секунды. Оставшись в полном одиночестве, лысый коротышка остановился — и застыл...

— Ага, — сказал Сварог, не опуская пистолетов. — Вы хороши и начальник тайной полиции, сударь, вы мгновенно оценили ситуацию... Мою скромную физиономию вы наверняка узнали? Узнали, вижу... А эту молодую даму? Наверняка тоже... Я буду краток. Жизнь — гарантирую. Ваши действия?

— Я сдаюсь, — угрюмо сообщил лысый.

— Вы мне сделали большое одолжение... — усмехнулся Сварог. — Не знаю, что и делал бы, не сдайся вы добровольно... Вита, можно еще веревку? — он на лету поймал моток и перебросил Орку. — Свяжите его. Вы что-то хотите сказать, любезный?

Протянув Орку сложенные руки и пепеля его взглядом, лысый вздохнул:

— Я говорил герцогу, что этот мерзавец предаст при первом удобном случае...

— А герцог вас не послушал, да? — понятиливо кивнул Сварог. — Ну да, он же гений, он все знает лучше... Ну, не переживайте так. Быть может, я вас еще и на службу возьму, хороший начальник тайной полиции — товар штучный...

Он поставил пистолеты на предохранители и заткнул их за пояс. В кабинете ощутимо и знакомо пахло кровью — но он смотрел на покойников равнодушно — навидался всякого. Зато ученые господа, судя по их лицам (Кларин явно сейчас начнет блевать, ну и черт с ним) тако е зрелище наблюдали впервые в жизни. Ага, точно, хлыщ е т прямо себе на колени — а еще власть в империи хотел захватить, яйцеголовый... Орк, конечно, взирает равнодушно, он тоже насмотрелся всякого, а вот Яна отвернулась, но держится замечательно, хорошая моя — ни бледности, ни позывов к рвоте. Что ж, крови, пусть исключительно звериной, навидалась в Каталауне, тем легче...

Тянуть не следовало. Подойдя к столу и для надежности склонившись над рацией, он сказал:

— Кошка, бей по антеннам. И — сигнал «красным»...

Буквально через несколько секунд пронесся свистящий рев, мелькнули быстрые продолговатые тени — и на месте антенн взлетел высоченный фонтан пламени, перемещанного с землей и дымом. Когда он очень быстро опал, на месте антенн оказались лишь жалкие лохмотья покоренного металла.

Проверить, удалось ли, было очень просто. Сварог привычно извлек из воздуха сигарету и прикурил от огонька на кончике пальца. Все в порядке. Раз магия ларов действует — нет больше защитного поля над страной...

Услышав ожидаемые звуки, он перешел к окну, выходящему на набережную. Удовлетворенно кивнул. К набережной пристал кормой большой грузовой пароход под флагом одного из Вольных Маноров. Волной накачивался яростный хриплый рев — по лестнице, все прибывая и прибывая числом, неслась орава в ярко-красных мундирах и такого же цвета сапогах: морская пехота, все поголовно — штрафники армейские, головорезы с каторги, а то и из-под виселицы взятые, шваль и гнусь, прекрасно владевшая любым оружием и не имевшая права под страхом смерти отступить хоть на шаг... Ага, передние палят из мушкетонов — конечно, по часовым у ворот. Ну, тут все кончится быстро...

Он так и стоял у окна, жадно глотая дым, глядя вниз — и не испытывая ни малейшего торжества...

ЭПИЛОГ

Сварог Барг, король королей и все такое прочее, так и не сменив одежды горротского дворянина на что-нибудь другое — а на черта, собственно? — уверенно сидел в седле вороного красавца, взятого из дворцовой конюшни. Конь оказался норовистым, но фамильное умение Гэйров-лошадников не пропьешь и не потеряешь, так что вороной давно пребывал в покорности.

За его спиной высидлось внушительное и красивое здание министерства мореплавания Горрота, перед ним пролегал широченный проспект, по другую сторону которого тянулись сады с редкими, одиноко стоявшими казенными зданиями. По левую руку гремела жарко начищенная медь военного оркестра, наятивавшего во всю ивановскую старый, один из любимых военным людом Коройтенский марш:

*Прочь застольные беседы,
шагом марш и к черту грусть!
Или я вернусь с победой,
или вовсе не вернусь!
Жизнь висит на нити тонкой,
все бывает на войне...*

*Осушите два бочонка,
но не плачьте обо мне.
Погуляя я по планете,
доводилось пить-любить.
Я успел на этом свете
очень весело пожить...*

Странно: хотя мотив был совершенно другим, в голове у него отчего-то звучало иное:

*Солдат всегда здоров,
солдат на все готов,
и пыль, как из ковров
мы выбиваем из дорог!
И не остановиться,
и не сменить ноги,
сияют наши лица,
сверкают сапоги!*

Кучка всадников рядом с ним — и среди них была Яна — точно так же замерла в ожидании.

Сварог занял Горрот. Ну, предположим, еще не оккупировал его полностью, а кое-где продолжались мелкие стычки, но главное сделано. Он не зря отправил Гарайлу из Балонга — самое удобное из трех направлений, равнины вместо гористой местности — и не зря именно с ним отправил Литту. Самым трудным во всей операции, можно отметить не без юмора, оказалось уговорить Литту во всем этом участвовать — бывшая актриса панически боялась участия в военном походе. Сварог ее уламывал часа два, еле уговорил, пообещав массу житейских благ — в том числе статус «постоянного жителя-помощника», который носят служащие за облаками антланцы и пригоршню бриллиантов. Тогда только согласилась.

И все прошло прекрасно. Уже неподалеку от границы Гарайла наткнулся на два полка горротских конногвардейцев. Ему, тут и гадать нечего, наверняка страшно хотелось подраться — но, будучи светочем воинской дисциплины, он скрупулезно выполнил все наставления Сварога. Оста-

новил своих орлов, поднял «переговорный» флаг в черно-золотую клетку, послал парламентаров, под честное слово позвал к себе на разговор командиров полков. Оба были приняты при дворе, так что прекрасно знали Литту, то бишь «королеву Эгле» — а в доказательство того, что она не самозванка, Литта им напомнила содержание кое-каких бесед, рассказала, какие танцы танцевала с ними и на каком именно балу, в котором именно коридоре один из бравых полковников объясняясь ей в любви — конечно, не выходя за рамки этикета.

Полковники ее п р и з н а л и. И вместе с ратагайцами Гарайлы двинулись на столицу восстанавливать справедливость — к тому же Гарайла — сподвижник законной королевы, а как же! — с самого начала (как ему было ни противно) вел свои полки под горротским знаменем.

Над королевством носились виманы-самолеты», разбрасывая в больших городах, в расположениях воинских частей кипы прокламаций, которые с обычным своим искусством сочинил герцог Лемар: королеве Эгле чудом удалось спастись от убийц, верные подданные помогли укрыться, а там на помощь ей пришел король Сварог — голубиная душа, бескорыстный благодетель, всегда готовый прийти на помощь жертвам несправедливости, вдовам и сиротам, что всему Талару прекрасно известно. Да вдобавок оба полковника (уже видевшие себя генералами, поскольку первыми примкнули к чудом спасшейся королеве, а такие вещи порядочные монархи не забывают) чуть ли не половину личного состава разослали гонцами в ближайшие военные лагеря и города, с депешами, гласившими то же самое: это не вражеское вторжение, это движется вернуть себе трон законная королева...

Вскоре в Горроте, как и следовало ожидать, наступил если не хаос, то, безусловно, разброд и всеобщая растерянность в умах. На двух других направлениях имели место не особенно серьезные бои — но полки Гарайлы без единой схватки достигли столицы, обрстая к тому времени еще полудюжиной горротских частей. Хотя все, в общем, затихло, по приказу Сварога в Горрот вступали все новые

и новые полки — чтобы под шумок получить решительное превосходство над горротской армией — мало ли как обернутся дела, планов на будущее еще никто почти не строил, так, наметки имелись...

По ту сторону проспекта ярко и живописно пылало трехэтажное здание — один из департаментов того самого министерства мореплавания, которому не хватило места в главном здании (чиновники всегда и везде плодятся, как кролики). В столице не было никаких боев, ни единого выстрела не прозвучало — но ведь Сварог обещал своему воинству, вернувшемуся из того бесславного похода в Горрот, что они пройдут по г о р я щ е м у Акобару? Так что бюрократов выперли в шею и разогнали, а здание подожгли — для колорита. Так оно красивше.

Ага, показались, голубчики! Оркестр надрывался. Впереди ехал Гарайла, за ним офицеры, а следом все кавалеры медали за горротский поход — в пешем строю, человек по сорок в шеренге. Это было против всяких воинских уставов, но Сварог хотел сколотить довольно компактную «коробочку» — чтобы его слышали все, и не пришлось лишний раз драть глотку.

В одной из шеренг на правом фланге он увидел Элкона — парень старательно чеканил шаг, стараясь не осрамиться перед остальными: ну что же, полноправный участник похода, кавалер медали, имеет право... Вообще-то медали получили и Мара с Шедарисом, но они, как люди к подобным забавам равнодушные, сейчас занимались делом: Мара вела «Рагнарок» обратно в Хелльстад, а Шег с дюжиной надежных ребят п о т р о ш и л архив текущих дел тайной полиции.

Дождавшись подходящего момента, Сварог поднял руку, и конные натянули поводья, гвардейцы остановились, четко приставив ногу. Оркестр умолк. Приподнявшись на стременах, Сварог заорал:

— Ну, что вам было обещано, мать вашу за ногу?

Ему ответил тысячеголосый восторженный рев искреннего обожания и преданности. Сварог властно повел рукой — и оркестр вновь грянул марш, а гвардейцы, четко

печатающая шаг, двинулись дальше, и их лица сияли, а сапоги сверкали, как в песне. Пожалуй, следовало бы сформировать из них полк (хотя их на пару сотен побольше, чем полагается для полка), наименовать его гвардейским Акобарским — и уж они-то первыми пойдут за него в огонь и в воду, опережая даже ратагайцев... Король всегда обязан думать о государственных делах...

О государственных делах... Он покосился на Яну — императрица, она же королева Хелльстада, сияла, как новенький золотой аурей, определенно чувствуя себя триумфаторшей...

Сам он ничего подобного не испытывал — его чувства трудновато было описать в точности, но вот чего там точно не было, так это законной гордости победителя. Сложные оказались чувства, пожалуй, что и толика грусти присутствовала, и даже недовольства собой и окружающими.

Как-то к и с л о в а т о было на душе. Он прекрасно понимал, что ему, к бабке не ходи, припишут очередное Геройское Сверхшение — но если разобраться наедине с собой...

Угроза и в самом деле была серьезная, нешуточная, жуткая. Но победили они с Яной с л и ш к о м легко. Исключительно оттого, что против них была жалкая кучка врагов, которых по п^тальцам можно пересчитать. Это, безусловно, не обесценивает победу — но вот победители, признаемся самому себе, не вполне полноценные. Окажись у Брашера человек с полсотни сообщников-ларов, и раскинь они ш и р о к у ю сеть центров управления и прочих поганых заведений, пришлось бы гораздо труднее, несмотря на «Рагнарок» и Древний Ветер. Они и в этом случае имели большие шансы на победу — многое из задуманного с е й ч а с так и не было пущено в дело — но вместо короткого лихого налета получилась бы гораздо более долгая и, уж точно, гораздо более кровавая для обеих сторон военная кампания. Уж кто-кто, а Сварог это прекрасно понимал — а вот до Яны эти нехитрые истины пока что явно не дошли, она сияет, она торжествует по молодости лет, искренне считая себя если не героиней, то,

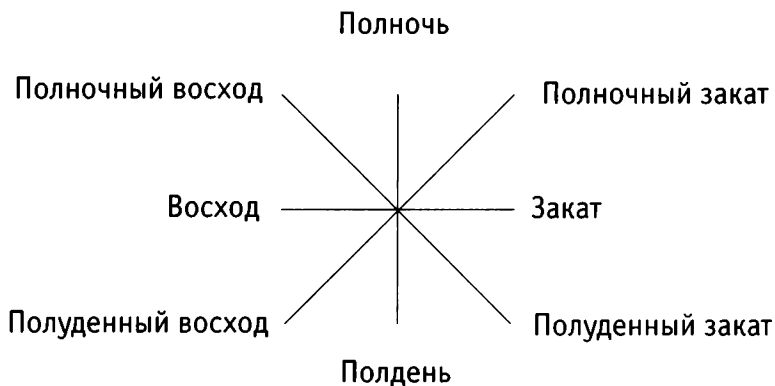
безусловно, триумфаторшей. Когда-нибудь, вполне возможно, и поймет кое-что, но позже, гораздо позже, когда изрядно прибавится жизненного опыта. А пока...

А пока, горько усмехнулся он про себя, быстренько запишут очередное Геройское Сверхшение, уже записали. И бессмысленно, да и не нужно этому препятствовать — из высших политических и государственных соображений. Обязан король Сварог быть героем, хоть ты тресни — и для пущего авторитета Яны полезно, чтобы ее считали славной воительницей, одолевшей жуткое чудище. Большая политика, ага... И хорошо, что мало кто знает подлинную правду. Порой это чертовски пакостная вещь — з н а т ь п р а в д у...

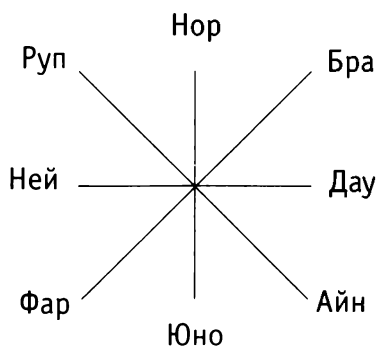
Красноярск, 2013

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерииум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавание, не играют свадеб, не устраива-

ют никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

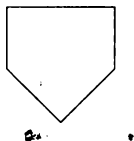
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

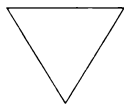
1. Дотир

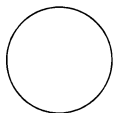
2. Джунарг

3. Даугар

4. Дроглор

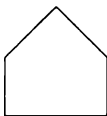

5. Домблон

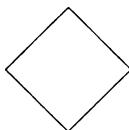

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблona.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта*

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

* Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

Прочие гербы

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми *пчелами*.

Ганза — дроглор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма* с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинтунов**). Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имею-

* Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

** Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

щих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрывается двумя полукруглыми дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, над лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукруглыми дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобиля и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобиля патриций — золотую

пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен Гонзак* (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных

* Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сиванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писаным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землею с крестьянами могут

владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком одного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Сова — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет одного наряда бывает разным. Живимы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвиняющей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не

возбрана и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в такие, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

ЗОЛОТЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклодувной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.
2. Моряки.
3. Речные матросы.
4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).
5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).
6. Содержатели псарен и псари.
7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).
8. Гуртовщики.
9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).
10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.
2. Кузнецы.
3. Ветеринары.
4. Почтари и телеграфисты.
5. Шляпники.
6. Садовники и огородники.
7. Горнорабочие.
8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.
9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).
10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопек, Винодел, Пивовар, Мясник, Зеленщик, Бакалейщик).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.
2. Сапожники и обувщики.
3. Печники.
4. Водолазы.
5. Извозный промысел.
6. Вольные слуги.
7. Повара.
8. Мостильщики улиц.
9. Кровельщики.
10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетеры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается

держат в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повараха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытять членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершенно шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видаться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует заостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного,

ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни выших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на

лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским Уложением*. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но такое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов** (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

* Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

** Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из прищущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с

Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подsunутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдеши сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, следовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стены, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же,

если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгнуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое по-немногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги.

Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разума диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроеном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к коему примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой неправды и греховности путем отказа от мирской роскоши

и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их сор-

ганизована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о введенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан

и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по

неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (кои долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерий рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны голо-

ворезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа*.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта

* С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами*. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж мно-

* Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

го, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этом чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут

при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить равным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под

знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диких винах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова*. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресно-

* Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

водные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделявающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девяти сот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров*, и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет

* Югер — квадратная лига.

стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой

порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то реко-мо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полосы на закатной окраине, где расположился город с портом, наполо-

вину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедленно, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копью Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Кайтэр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское.

Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранил-

ся еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скучна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная

обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль*.

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую**, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис*** и бакан****. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

* Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

** За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

*** Речь идет о гранате-альмандине.

**** Бакан — родонит, или орлец.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в означение чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным на затыльнике. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху до низу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернуносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в

виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и рань-

ше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно*.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из несколь-

* Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

ких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капелюшку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет

супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще

совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить

их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным готрирам.

Медный готир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в пол-асса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский кружеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах

самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта. «Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

- «Круглая башня».
- «Ладья богатства».
- «Созвездие».

Медали:

- «Золотая пчела».
- «Серебряная пчела».
- «Медная пчела».
- «Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

- «Черное солнце» (награждаются и военные, и гражданские).
- «Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).
- Орден Семи Островов*.
- Орден Филина (гражданский).

Медали:

- «Клинок».
- «Орел» (военная).
- «Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

- «Трон великих герцогов»
(двойного назначения).

* В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

«Меч Славы» (военный).
«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».
«Слава и смелость» (военная).
«Жемчужина мудрости».
«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».
Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».
«Золотая лилия».
«Зеркало Аннура».
«Алое пламя».
«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».
Орден Серебряной Совы.
«Бирюзовая цепь»*.

Военные медали:

«За храбрость».
«Серебряный топор».
«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).
«Стрела».
«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».
«Корабль».
«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

* Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.
Орден Кедра.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).

«Бастион».

«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».

«Серебряная кисть».

«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

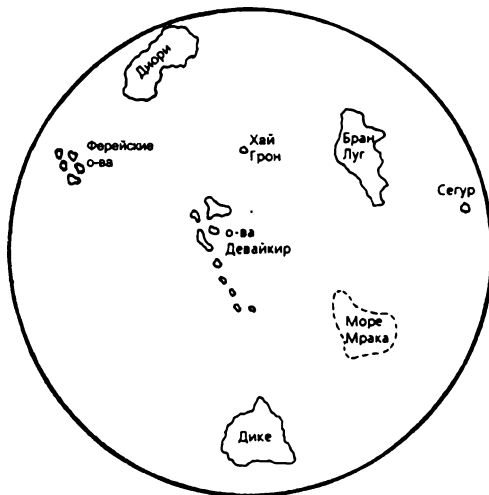
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

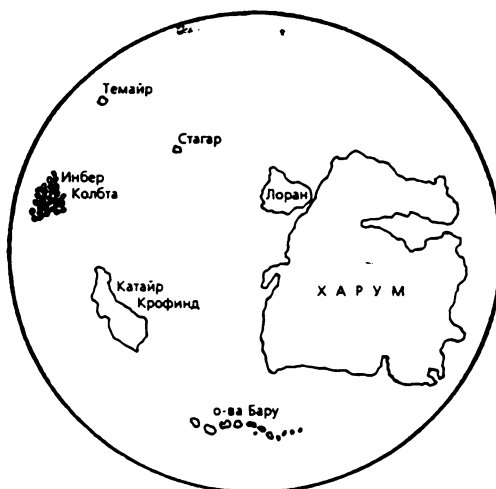
Карты

Планета ТАЛАР

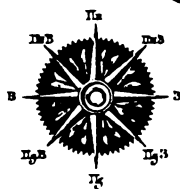
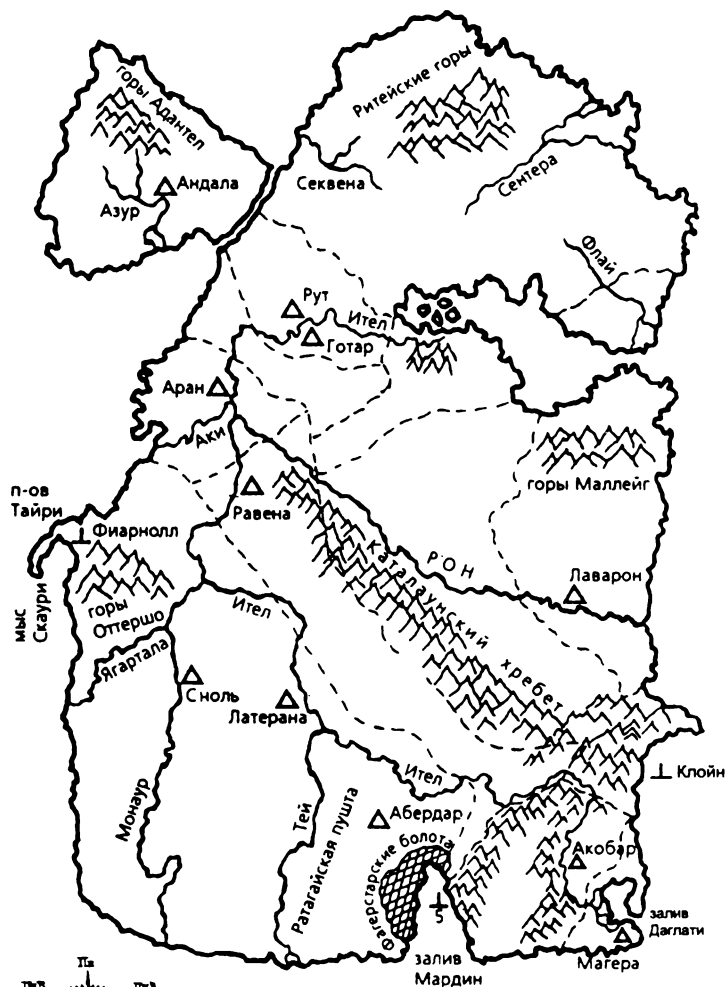
полушарие заката

полушарие восхода

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

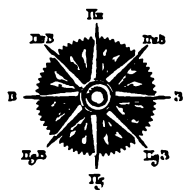
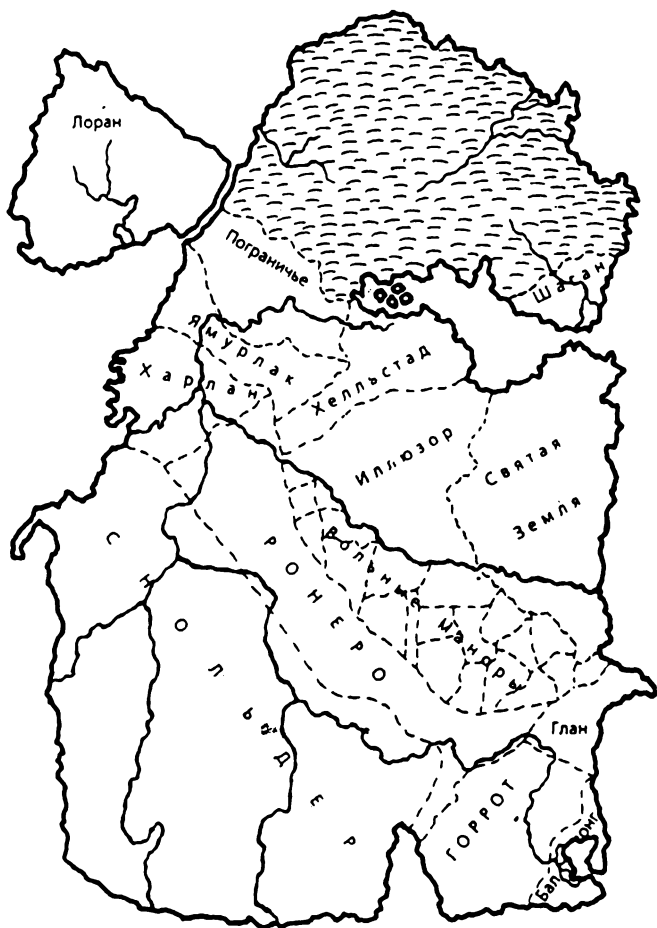
Условные обозначения

△ - города

⊥ - морские порты

знаком $\frac{1}{5}$ обозначен порт Джетарам

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Эскадрилья амуров	5
Глава II. Свадебный подарок поутру	22
Глава III. Порыв древнего ветра	41
Глава IV. Полет золотых шмелей	63
Глава V. Сюрпризы и находки	89
Глава VI. Ночной полет.....	118
Глава VII. Чрезвычайный и полномочный	136
Глава VIII. О задних комнатах иных кабаков	148
Глава IX. Независимый эксперт.....	168
Глава X. Визитеры, сплошь незваные	187
Глава XI. Страшный бородач и другие	205
Глава XII. Гений во плоти и крови.....	219
Эпилог.....	239
Приложения.....	245
Карты	301

Официальный сайт А. А. Бушкова – www.shantarsk.ru

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

КОРОЛЬ И ЕГО КОРОЛЕВА

Роман

Шеф-редактор *Владимир Кузьмин*

Художественный редактор *Александр Гладышев*

Технический редактор *Надежда Ремизова*

Компьютерная верстка *Ольга Тарвид*

Корректор *Лариса Пруткова*

Подписано в печать 25.03.2014

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Palatino».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 23 000 экз.

Изд. № 14-11563. Заказ № 1403740.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

ОАО «ОЛМА Медиа Групп»

129085. г. Москва, Звездный б-р, дом 21, стр. 3, пом. I, комната 5.

Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район,

26 км автодороги «Балтия», Бизнес-центр «Рига Ленд», стр. 3

www.olmamedia.ru

arvato

япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

24

25

Отгремели церемониальные марши, затих брачный пир. Над первой ночью влюбленных венценосцев забрезжил кроваво-красный рассвет. Не только светило всходит над окрестностями Велордерана, но и токереты, конечно, узнав о торжестве, шлют свой смертельный подарок. Грядет великая битва, в которой столкнутся точный коварный расчет и искусство Древнего Ветра. Но значит ли хоть что-то великое волшебство против суровой науки?.. Или все решит искусство хитрой политической дипломатии, которым в совершенстве овладел Сварог, король королей?.. Тот самый майор ВДВ Станислав Сергеевич Сварог — рыцарь из ниоткуда.

Хотя излишняя дипломатия порой только вредит. Например, когда чьи-то грязные руки рвут кружевное белье на твоей любимой женщине.

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

ISBN 978-5-373-06199-5

9 785373 061995